

**ГАРРИ  
ГАРРИСОН**



**Тренировочный  
полет**

ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«АЗБУКА»

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Гарри Гаррисон

**Тренировочный полет**

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Сое)-445

## **Гаррисон Г.**

Тренировочный полет / Г. Гаррисон — «Азбука-Аттикус»,  
— (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-19427-4

Гарри Гаррисон (Генри Максвелл Демпси) – один из творцов классического «ядра» мировой фантастики, создатель бессмертных циклов о Язоне динАльте и Джиме ди Гризе по прозвищу Стальная Крыса, автор культовых романов «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» и «Фантастическая сага», гранд-мастер премии «Небьюла», рыцарь ордена Святого Фантония и вообще человек, имевший привычку оставлять яркий след на любом поприще – вплоть до продвижения эсперанто. И конечно, он замечательный, фантастический рассказчик. «Тренировочный полет», «Безработный робот», «Проникший в скалы», «Рука закона» и еще не один десяток рассказов Гаррисона стали подлинной классикой жанра. Данный сборник включил всю лучшую «малую форму» знаменитого автора. Поверьте, вы не будете разочарованы!

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-19427-4

© Гаррисон Г.  
© Азбука-Аттикус

## Содержание

Проникший в скалы	8
Жизнь художника	15
Нить судьбы[1]	25
Безработный робот	56
Мир на волоске	68
Капитан со сдвигом	82
Ремонтник	89
Робот, который хотел все знать	98
Тренировочный полет	103
Рука закона	112
Я тебя вижу	123
Планета райского блаженства	137
Конец ознакомительного фрагмента.	144

# **Гарри Гаррисон Тренировочный полет**



- © В. А. Вебер, перевод, 2001, 2002
  - © А. В. Гришин, перевод, 2001
  - © И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1969
  - © И. А. Зивьева, перевод, 1994
  - © С. Б. Ильин, перевод, 1994
  - © Э. И. Кабалевская (наследники), перевод, 1970
  - © А. С. Киланова, перевод, 2016
  - © П. А. Киракозов (наследники), перевод, 1998
  - © А. И. Корженевский, перевод, 1989
  - © Г. Л. Корчагин, перевод, 2014, 2016
  - © М. Б. Левин, перевод, 1994
  - © Е. Ю. Михайлик, перевод, 2014
  - © А. В. Новиков, перевод, 1994, 2014
  - © К. П. Плешков, перевод, 2014
  - © О. В. Полей, перевод, 2014
  - © И. Г. Почиталин (наследники), перевод, 1967, 1969, 1971, 1994
  - © А. Л. Сагалова, перевод, 2016
  - © К. Ф. Слепян, перевод, 1994
  - © Е. П. Факторович (наследники), перевод, 1967
  - © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
- Издательство АЗБУКА®

## Проникший в скалы

*Перевод И. Почиталина*

Ветер проносился над гребнем хребта и мчался ледяным потоком вниз по склону. Он рвал брезентовый костюм Пита, осыпал его твердыми, как сталь, ледяными горошинами. Опустив голову, Пит прокладывал путь вверх по склону, к выступающей гранитной скале.

Он промерз до мозга костей. Никакая одежда не спасает человека при температуре пятьдесят градусов ниже нуля. Пит чувствовал, как руки его немеют. Когда он смахнул с бакенбард кусочки льда, застывшие от дыхания, он уже не чувствовал пальцев. В местах, где ветер Аляски касался его кожи, она была белой и блестящей.

Работа как работа. Потрескавшиеся губы болезненно скривились в жалком подобии улыбки. «Если эти негодяи в погоне за чужими участками добрались даже до этих мест, они промерзнут до костей, прежде чем вернуться обратно».

Стоя под защитой гранитной скалы, он нашарил на боку кнопку. Из стального ящичка, пристегнутого к поясу, донесся пронзительный вой. Когда Пит опустил лицевое стекло своего шлема, шипение вытекающего кислорода внезапно прекратилось. Он вскарабкался на гранитную скалу, которая выступала над замерзшим грунтом.

Теперь он стоял совершенно прямо, не чувствуя напора ветра; сквозь его тело проносились призрачные снежинки. Медленно двигаясь вдоль скалы, он все глубже опускался в землю. Какое-то мгновение верхушка его шлема торчала над землей, словно горлышко бутылки в воде, затем скрылась под снежным покровом.

Под землей было теплее, ветер и холод остались далеко позади; Пит остановился и стряхнул снег с костюма. Он осторожно отстегнул ультрасветовой фонарик от наплечного ремня и включил его. Луч света такой частоты, которая позволяла двигаться сквозь плотные тела, прорезал окружающие слои грунта, будто полупрозрачный желатин.

Вот уже одиннадцать лет Пит проникал в скалы, но так никогда и не смог удержать изумления при виде этого невероятного зрелища. Чудо изобретения, позволявшего ему проходить сквозь скалы, всепроникатель, он воспринимал как само собой разумеющееся. Это был всего лишь прибор, правда хороший, но все же такой, который при случае можно разобрать и починить. Удивительным было то, что этот прибор делал с окружающим миром.

Полоса гранита начиналась у его ног и исчезала внизу в море красного тумана. Этот туман состоял из светлого известняка и других пород, уходящих вперед застывшими слоями. Гранитные валуны и скальные массивы, большие и малые, окруженные со всех сторон более легкими породами, казалось, повисли в воздухе. Проходя под ними, он осторожно наклонялся.

Если предварительное обследование было правильным, то, идя вдоль гранитного хребта, он должен был напасть на исчезнувшую жилу. Вот уже больше года он обследовал различные жилы и выработки, постепенно приближаясь к тому месту, откуда, как он надеялся, берет начало все эти жилы.

Пит шел вперед, нагнувшись и проталкиваясь через известняк. Порода проносилась сквозь его тело и обтекала его подобно быстро мчащемуся потоку воды. Протискиваться сквозь нее с каждым днем становилось все труднее и труднее. Пьезокристалл его всепроникателя с каждым днем все больше и больше отставал от оптимальной частоты. Чтобы протолкнуть атомы его тела, требовались немалые усилия. Он повернул голову и, моргая, попытался остановить взгляд на двухдюймовом экране осциллографа внутри шлема. Ему улыбнулось маленькое зеленое личико – остроконечные зигзаги волн сверкали подобно ряду сломанных зубов. Он нахмурился, заметив, каким большим стало расхождение между фактической линией волн и моделью, вытравленной на поверхности экрана. Если кристалл выйдет из строя, весь прибор разладится и человека ждет медленная смерть от холода, потому что он не сумеет спуститься

под землю. Или он может оказаться под землей в тот момент, когда кристалл выйдет из строя. Это тоже означает смерть, но более быструю и несравненно более эффектную, – смерть, при которой он навсегда останется в толще породы, подобно мухе в куске янтаря. Мухе, которая становится частью янтаря. Он вспомнил о том, как умер Мягкоголовый, и чуть заметно вздрогнул.

Мягкоголовый Сэмюэлз был из той группы ветеранов, нестигаемых скалопрокателей, которые под вечными снегами Аляски открыли залежи минералов. Он соскользнул с гранитной скалы на глубине двести метров и в буквальном смысле слова упал лицом прямо в баснословную жилу Белой Совы. Именно это открытие и вызвало лихорадку 63-го года. И когда падкие до наживы полчища людей хлынули на север, к Даусону, Сэм отправился на юг с большим состоянием. Вернулся он через три года, начисто разорившись, так что едва хватило на билет на самолет, и его недоверие к человечеству было безмерным.

Он присоединился к горстке людей около пузатой железной печурки, радуясь случаю хотя бы посидеть со старыми друзьями. О своем путешествии на юг он не рассказывал никому, и никто не задавал ему вопросов. Только когда в комнату входил незнакомец, его губы крепче сжимали сигару. Но вот «Норт Америкэн майнинг» перевела его в другую группу, и снова начались бесконечные блуждания под землей.

Однажды Сэм пошел под землю и больше не вернулся. «Застрял», – бормотали его дружки, но никто толком не знал, где это произошло, до тех пор, пока в 71-м году Пит не наткнулся на него.

Пит очень отчетливо помнил этот день. Он проходил сквозь каменную гряду, которая не была сплошной скалой, устал как собака и безумно хотел спать. Вдруг он увидел Мягкоголового Сэма, навечно пойманного каменным монолитом. На его лице застыла маска ужаса, он наклонился вперед, схватившись за переключатель у пояса. Должно быть, в это страшное мгновение Сэм понял, что его всепроникатель вышел из строя, – и скала поглотила его. Уже семь лет он стоял в этой позе, в которой ему суждено было остаться вечно, ибо атомы его тела неразрывно слились с атомами окружающей породы.

Пит тихо выругался. Если в самом скором времени не удастся напасть на жилу, чтобы купить новый кристалл, ему придется присоединиться к этой бесконечной галерее исчезнувших старателей. Его энергобатареи были на последнем издыхании, баллон с кислородом протекал, а залатанный миллеровский подземный костюм уже давно годился разве что для музея. На нем больше негде было ставить латки, и, конечно, он не держал воздуха как полагается. Питу нужна была только одна жила, одна маленькая жила.

Рефлектор на шлеме выхватил из тьмы на скале возле ложины какие-то кристаллические породы, отсвечивающие голубым. Пит оставил в стороне гранитный хребет, вдоль которого раньше шел, и углубился в менее плотную породу. Может, это и был ютт. Включив ручной нейтрализатор в штекер на поясе, он поднял кусок скальной породы толщиной в фут. Сверкающий стержень нейтрализатора согласовал плоскость вибрации образца с частотой человеческого тела. Пит прижал отверстие спектроанализатора к валуну и нажал кнопку. Короткая вспышка – сверкнуло обжигающее атомное пламя, мгновенно превратив твердую поверхность образца в пар.

Прозрачный снимок выпрыгнул из анализатора, и Пит жадно уставился на спектрографические линии. Опять неудача: не видно знакомых следов юттотанталита. Нахмурившись, он засунул анализатор в заплечный мешок и двинулся дальше, протискиваясь через вязкую породу.

Юттотанталит был рудой, из которой добывали тантал. Этот редкий металл был основой для изготовления мельчайших пьезоэлектрических кристаллов, которые делали возможным создание вибрационных всепроникателей. Из ютта получали тантал, из тантала делали кристаллы, из кристаллов – всепроникатели, которыми пользовался Пит, чтобы отыскать новое

месторождение ютта, из которого можно было добыть тантал, из которого... Похоже на беличье колесо, и сам Пит был похож на белку, причем белку, в настоящий момент весьма несчастную.

Пит осторожно повернул ручку реостата на всепроникателе: он подал в цепь чуть больше мощности. Нагрузка на кристалл увеличилась, но Питу пришлось пойти на это, чтобы протиснуться через вязкую породу.

Пита не оставляла мысль об этом маленьком кристалле, от которого зависела его жизнь. Это была тонкая полоска вещества, походившего на кусок грязного стекла, но на редкость хорошо отшлифованного. Когда на кристалл подавался очень слабый ток, он начинал вибрировать с такой частотой, которая позволяла одному телу проскальзывать между молекулами другого. Этот слабый сигнал контролировал в свою очередь гораздо более мощную цепь, позволяющую человеку с его оборудованием проходить сквозь земные породы. Если кристалл выйдет из строя, атомы его тела вернутся в вибрационную плоскость обычного мира и сольются с атомами породы, через которую он в этот момент двигался... Пит потряс головой, как бы стараясь отбросить страшные мысли, и зашагал быстрее вниз по склону.

Он двигался сквозь сопротивляющуюся породу вот уже три часа, и мускулы ног горели как в огне. Если он хочет выбраться отсюда в целостности и сохранности, через несколько минут придется повернуть назад. Однако целый час он шел вдоль вероятной жилы по следам ютта, и ему казалось, что их становится все больше. Главная жила должна быть на редкость богатой – если только удастся ее отыскать!

Пора отправляться в долгий путь назад, наверх. Пит рванулся к жиле. Он последний раз возьмет пробу, сделает отметку и возобновит поиски завтра. Вспышка пламени – и Пит посмотрел на прозрачный отпечаток.

Мускулы его тела напряглись, и сердце тяжело застучало. Он зажмурился и снова посмотрел на отпечаток – следы не исчезли! Линии тантала ослепительно сияли на фоне более слабых линий. Дрожащей рукой он расстегнул карман на правом колене. Там у него был подобный отпечаток – отснятое месторождение Белой Совы, самое богатое в округе. Да, не было ни малейшего сомнения – его жила богаче!

Из мягкого карманчика он извлек полукристаллы и осторожно положил кристалл *Б* туда, где лежал взятый им образец. Никто не сможет отыскать это место без второй половины кристалла, настроенного на те же ультракороткие волны. Если с помощью половины *А* возбудить сигнал в генераторе, половина *Б* будет отбрасывать эхо с такой же длиной волны, на какую будет настроен чувствительный приемник. Таким образом, кристалл отмечал участок Пита и в то же время давал ему возможность вернуться на это место.

Пит бережно спрятал кристалл *А* в мягкий карманчик и отправился в долгий обратный путь. Идти было мучительно трудно: старый кристалл в проникателе настолько отошел от стандартной частоты, что Пит едва протискивался сквозь вязкую породу. Он чувствовал, как давит ему на голову невесомая скала в полмили толщиной, – казалось, она только и ждала, чтобы стиснуть его в вечных объятиях. Единственный путь назад лежал вдоль длинного гранитного хребта, который в конце концов выходил на поверхность.

Кристалл уже работал без перерыва больше пяти часов. Если бы Пит на некоторое время смог выключить его, аппарат бы остыл. Когда Пит начал возиться с лямками рюкзака, руки его дрожали, но он заставил себя не торопиться и выполнить работу как следует.

Он включил ручной нейтрализатор на полную мощность и вытянул вперед руку со сверкающим стержнем. Внезапно из тумана впереди появился огромный валун известняка. Теперь проникающая частота вибраций была уже согласована с ним. Сила тяжести потянула вниз гигантский восемнадцатифутовый валун, он медленно опустился и исчез под гранитным хребтом. Тогда Пит выключил нейтрализатор. Раздался страшный треск, молекулы валуна смешались с молекулами окружающей породы. Пит ступил внутрь искусственного пузыря, образовавшегося в толще земли, и выключил всепроникатель.

Молниеносно – что всегда изумляло его – окружающий туман превратился в монолитные стены из камня. Луч рефлектора на шлеме пробежал по стенам маленькой пещеры-пузыря без входа и выхода, которую отделяло полмили от ледяных просторов Аляски.

Со вздохом облегчения Пит сбросил тяжелый рюкзак и, вытянувшись, дал покой измученным мышцам. Нужно было экономить кислород; именно поэтому он и выбрал это место. Его искусственная пещера пересекала жилу окиси рублидия. Это был дешевый, повсюду встречающийся минерал, который не имело смысла добывать так далеко, за полярным кругом. Но все же он был лучшим другом скалопроходателя.

Пит порылся в рюкзаке, нашел аппарат для изготовления воздуха и прикрепил батарею к поясу. Затем он огрубевшими пальцами включил аппарат и воткнул контакты провода в жилу окиси рублидия. Беззвучная вспышка осветила пещеру, блеснули белые хлопья начавшего падать снега. Хлопья кислорода, созданного аппаратом, таяли, не успев коснуться пола. В подземной комнате образовывалась собственная атмосфера, пригодная для дыхания. Когда все пространство будет заполнено воздухом, Пит сможет открыть шлем и достать из рюкзака продукты.

Он осторожно поднял лицевое стекло шлема. Воздух был уже подходящим, хотя давление – по-прежнему низким, а концентрация кислорода чуть выше нормы. Он радостно хихикнул, охваченный легким кислородным опьянением. Мурлыча что-то несусветное, Пит разорвал бумажную упаковку концентрата.

Он запил сухомятку холодной водой из фляжки и улыбнулся при мысли о толстых, сочных бифштексах. Вот произведут анализ, и у владельцев рудников глаза на лоб полезут, когда они прочитают сообщение об этом. И тогда они придут к нему. Солидные, достойные люди, сжимающие контракты в холеных руках. Пит продаст все права на месторождение тому из них, кто предложит самую высокую цену, – пусть теперь поработает кто-нибудь другой. Они выровняют и обтешут этот гранитный хребет, и огромные подземные грузовики помчатся сквозь землю, перевозя шахтеров на подземные выработки и обратно. Улыбаясь своим мечтам, Пит расслабленно прислонился к вогнутой стене пещеры. Он уже видел самого себя, вылощенного, вымытого и холеного, входящим в «Отдых шахтера»...

Двое в подземных костюмах, появившиеся в скале, развеяли эти мечты. Тела их казались прозрачными; их ноги при каждом шаге увязали в земле. Внезапно оба подпрыгнули вверх, выключив проникатели в центре пещеры, обрели плотность и тяжело опустились на пол. Они открыли лицевые стекла и принялись.

– Недурно пахнет, правда, Мо? – улыбнулся тот, что покороче.

Мо никак не мог снять свой шлем; его голос глухо донесся из-под складок одежды: «Точно, Эджи». Щелк! – и шлем наконец был снят.

У Пита при виде Мо глаза на лоб полезли, и Эджи недобро усмехнулся:

– Мо не ахти какой красавец, но к нему можно привыкнуть.

Мо был гигантом в семь футов, с заостренной, гладко выбритой, блестящей от пота головой. Очевидно, он был безобразным от рождения и с годами не стал лучше. Нос его был расплюсчен, одно ухо висело как тряпка, и множество белых шрамов оттягивали верхнюю губу. Во рту виднелись два желтых зуба.

Пит медленно завинтил крышку фляги и спрятал ее в рюкзак. Может, это и были честные скалопроходцы, но по их виду этого не скажешь.

– Чем могу вам помочь, ребята? – спросил он.

– Да нет, спасибо, приятель, – ответил коротышка. – Мы как раз проходили мимо и заметили вспышку твоего воздуходела. Мы подумали – а может, это кто из наших ребят? Вот и подошли посмотреть. В наши дни хуже нет, чем таскаться под землей. – Произнеся эти слова, коротышка окинул быстрым взглядом пещеру, не пропуская ничего.

Мо с хрипом опустился на пол и прислонился к стене.

– Верно, – осторожно согласился Пит. – Я за последние месяцы так и не наткнулся на жилу. А вы, ребята, недавно приехали? Что-то я не припомню, видел ли я вас в лагере.

Элджи не ответил. Не отрываясь, он смотрел на мешок Пита, набитый образцами.

Со шелканьем он открыл огромный складной нож.

– Ну-ка, что там у тебя в этом мешке, парень?

– Да просто низкосортная руда. Я решил взять пару образцов. Отдам ее на анализ, хотя вряд ли ее стоит нести до лагеря. Сейчас я покажу вам.

Пит встал и пошел к рюкзаку. Проходя мимо Элджи, он стремительно наклонился, схватил его за руку с ножом и изо всех сил ударил коленом в живот. Элджи согнулся от боли, и Пит рубанул его по шее краем ладони. Не ожидая, когда потерявший сознание Элджи упадет на пол, Пит кинулся к рюкзаку.

Одной рукой он схватил свой армейский пистолет 45-го калибра, другой – контрольный кристалл и занес свой сапог со стальной подковкой над кристаллом, чтобы растереть его в пыль.

Его нога так и не опустилась вниз. Гигантская рука стиснула его лодыжку еще в воздухе, застопорив движение тела. Пит попытался повернуть дуло пистолета, однако ручища размером с окорок схватила его кисть. Пит вскрикнул – у него хрустнули кости. Пистолет выпал из безжизненных пальцев.

Пит минут пять сидел, свесив голову на грудь, пока Мо умолял потерявшего сознание Элджи сказать, что ему делать. Наконец Элджи пришел в себя, с трудом сел, ругаясь и потирая шею. Он сказал Мо, что надо делать, и сидел с улыбкой до тех пор, пока Пит не потерял сознания.

Раз-два, раз-два – голова Пита дергалась из стороны в сторону в такт ударам. Он не мог остановить их, они разламывали голову, сотрясали все тело. Откуда-то издали послышался голос Элджи:

– Хватит, Мо, пока хватит. Он приходит в сознание.

Пит с трудом прислонился к стене и вытер кровь, мешавшую ему видеть. И тут перед ним всплыло лицо коротышки.

– Слушай, парень, ты доставляешь нам слишком много хлопот. Сейчас мы возьмем твой кристалл и отыщем эту жилу, и если она и впрямь такая богатая, как эти образцы, то я буду на седьмом небе и отпраздную удачу – убью тебя очень медленно. Если же мы не отыщем жилы, то ты умрешь намного медленнее. Так или иначе, я тебя прикончу. Еще никто не осмеливался ударить Элджи, разве тебе это не известно?

Они включили проникатель Пита и поволокли избитого сквозь стену. Футов через двадцать они вошли в другую пещеру, намного больше первой. Почти все пространство занимала огромная металлическая громада атомного трактора.

Мо бросил Пита на пол и поддал проникатель ногой, превратив его в бесполезный металлолом. Гигант перешагнул через тело Пита и тяжелым шагом двинулся к трактору. Только он влез в кабину, как Элджи включил мощный стационарный проникатель. Когда призрачная машина двинулась вперед и исчезла в стене пещеры, Пит успел заметить, что Элджи беззвучно усмехнулся.

Пит повернулся и наклонился над разбитым проникателем. Бесполезно. Бандиты чисто сработали, и в этой шарообразной могиле не было больше ничего, что помогло бы Питу выкрутиться. Подземное радио находилось в старой пещере; с его помощью он мог связаться с армейской базой, и через двадцать минут вооруженный патруль был бы на месте. Однако его отделяет от радио двадцать футов скальной породы.

Он расчертил рефлектором стену. Трехфутовая жила рубидия, должно быть, проходила и через его пещеру.

Пит схватился за пояс. Воздуходел все еще на месте! Он прижал контакты аппарата к рубидиевой жиле – в воздухе закружились хлопья серебряного снега. Внутри круга, описывае-

мого контактами, порода трескалась и сыпалась вниз. Если только в батареях достаточно электроэнергии и если бандиты вернутся не слишком быстро...

С каждой вспышкой откалывалось по куску породы толщиной примерно в дюйм. Чтобы вновь зарядить аккумуляторы, требовалось 3,7 секунды; затем возникала белая вспышка и разрушался еще один кусок скалы. Пит работал в бешеном темпе, отгребая левой рукой каменные осколки.

Вспышка между контактами в правой руке – гребок левой рукой, вспышка – и гребок, вспышка – и гребок. Пит смеялся и в то же время плакал, по щекам бежали теплые слезы. Он и думать забыл, что при каждой вспышке аппарата освобождаются все новые и новые порции кислорода. Стены пещеры пьяно качались перед его глазами.

Остановившись на мгновение, чтобы закрыть лицевое стекло своего шлема, Пит снова повернулся к стене созданного им туннеля. Он дробил неподатливую скалу, сражался с ней и старался забыть о пульсирующей боли в голове. Он лег на бок и стал отбрасывать назад осколки камней, утрамбовывая их ногами.

Большая пещера осталась позади, и теперь Пит замурован в крошечной пещере глубоко под землей. Он почти физически ощущал, что над ним нависла полумильная толща породы, давящей его, не дающей ему дышать. Если сейчас воздуходел выйдет из строя, Пит навсегда останется в своей рукотворной каменной гробнице. Пит попытался прогнать эту мысль и думать только о том, как бы выбраться отсюда на поверхность.

Казалось, время остановилось, осталось только бесконечное напряжение. Его руки работали как поршни, окровавленными пальцами он захватывал все новые и новые порции раздробленной породы.

На несколько мгновений он опустил руки, пока горящие легкие накачивали воздух. В этот момент скала перед ним треснула и обрушилась с грохотом взрыва, и воздух через рваное отверстие со свистом ворвался в пещеру. Давление в туннеле и пещере уравнилось – он пробился!

Пит выравнивал рваные края отверстия слабыми вспышками почти полностью разряженного воздуходела, когда рядом с ним появились чьи-то ноги. Затем на низком потолке проступило лицо Элджи, искаженное свирепой гримасой. В туннеле не было места для того, чтобы материализоваться; Элджи мог только потрясти кулаком у лица – и сквозь лицо – Пита.

Сзади, из-за груды щебня послышался шорох, осколки полетели в стороны, и в пещеру протолкнулся Мо. Пит не мог повернуться, чтобы оказать сопротивление, однако, прежде чем чудовищные руки Мо схватили его за лодыжки, подошва его сапога опустилась на бесформенный нос гиганта.

Мо протащил Пита, словно ребенка, по узкому каменному коридору обратно в большую пещеру и бросил его на пол. Пит лежал, хватая воздух ртом. Победа была так близка...

Элджи склонился над ним:

– Уж слишком ты хитер, парень. Пожалуй, я пристрелю тебя прямо сейчас, чтоб ты не выкинул чего-нибудь еще.

Он вытащил пистолет Пита из кармана и оттянул назад затвор.

– Между прочим, мы нашли твою жилу. Теперь я чертовски богат. Ну как, ты доволен?

Элджи нажал спусковой крючок, и на бедро Пита словно обрушился удар молота. Маленький человек стоял над Питом и усмехался:

– Я всажу в тебя все эти пули одну за другой, но так, чтобы тебя не убить, по крайней мере не сразу. Ну как, готов к следующей?

Пит приподнялся на локте и прижал ладонь к дулу пистолета. Элджи широко улыбнулся:

– Прекрасно, ну-ка останови пулю рукой!

Он нажал на спусковой крючок – пистолет сухо щелкнул. На лице Элджи отразилось изумление. Пит привстал и прижал контакты воздуходела к шлему Элджи. Grimаса изумления застыла на лице бандита, и вот голова его уже разлетелась на куски.

Пит упал на пистолет, передернул затвор и повернулся. Элджи был тертый калач, но даже он не знал, что дуло армейского пистолета 45-го калибра действует как предохранитель. Если к дулу что-то прижато, ствол движется назад и встает на предохранитель, и, чтобы произвести выстрел, необходимо снова передернуть затвор.

Мо неуверенным шагом двинулся вперед; от изумления у него отвисла челюсть. Повернувшись на здоровой ноге, Пит направил на него пистолет:

– Ни с места, Мо. Придется тебе доставить меня в город.

Гигант не слышал его, он думал только об одном:

– Ты убил Элджи. Ты убил Элджи!

Пит расстрелял половину магазина, прежде чем великан рухнул на пол.

Содрогнувшись, он отвернулся от умирающего человека. Он ведь оборонялся, но, сколько бы он об этом ни думал, тошнота не проходила. Пит обмотал ногу кожаным поясом, чтобы остановить кровотечение, и перевязал рану стерильным бинтом из санитарного пакета, который он нашел в тракторе.

Трактор доставит его в лагерь; пусть армейцы сами разберутся в этой кутерьме. Он опустился на сиденье водителя и включил двигатель. Мощный проникатель работал безукоризненно – машина двигалась к поверхности. Пит положил раненую ногу на капот двигателя, перед радиатором которого плавно расступались земные породы.

Когда трактор вылез на поверхность, все еще шел снег.

## Жизнь художника

*Перевод В. Вебера*

«Праздник, проведенный за работой. Вот уж действительно праздник! Я пробыл на Луне год. Писал картины триста шестьдесят пять дней, а вернувшись на Землю, первым делом иду в музей „Метрополитен“, чтобы посмотреть на другие картины. – Brent улыбнулся. – Хочется надеяться, что время будет потрачено не зря».

Он посмотрел на длиннющую лестницу. Гранитные ступени чуть поблескивали под ярким августовским солнцем. Он глубоко вдохнул, переложил трость в правую руку. Начал подниматься, одну за другой медленно преодолевая ступени. Казалось, они уходили в бесконечность.

Почти добрался до верха... оставалось преодолеть лишь несколько ступеней. Трость соскользнула с одной из них, он потерял равновесие, покатился вниз.

Женщина, стоявшая в тени на площадке за лестницей, громко закричала. Она наблюдала за ним с того самого момента, как он вылез из такси. Brent Далгрин, знаменитый художник, теперь все знали это молодое загорелое лицо под шапкой серебрино-седых волос, выбеленных радиацией космоса. Газеты писали, что от долгого пребывания в условиях пониженной силы тяжести мышцы его очень ослабли. Он с таким трудом взбирался по ступеням, а потом скатился с них. Женщина кричала, кричала и кричала.

Его перенесли в медпункт музея.

– Гравитационная слабость, – сказал он сестре. – Все будет в порядке.

К счастью, все кости остались целыми. Медсестра лишь нахмурилась, прикоснувшись к его коже. Померила ему температуру, глаза у нее округлились, она испуганно посмотрела на него.

– Я знаю, – кивнул Brent. – Значительно выше нормальной. Волноваться не надо, повышение температуры никак не связано с падением. Скорее наоборот.

– Я должна все занести в журнал, таков порядок.

– Мне бы этого не хотелось. Незачем общественности знать, что у меня проблемы со здоровьем. Если вас не затруднит, позвоните доктору Грейберу в Медикэл-Арт-Билдинг. Он вам скажет, что для меня повышенная температура – обычное дело. И музею нет нужды волноваться о том, что он несет ответственность за ухудшение моего здоровья.

Он легко представил себе заголовки газет: «ЛУННЫЙ ХУДОЖНИК УМИРАЕТ», «ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЗА ИСКУССТВО». Но он не считал себя героем. Он знал об опасностях радиационной болезни. Вначале четко следовал инструкциям: в скафандре проводил на поверхности Луны положенное время, и ни минуты больше. До того, как у него возникла проблема.

А состояла она в том, что он никак не мог ухватить атмосферу Луны. В одной картине ему это почти удалось, а потом как отрезало. Атмосферу полного безлюдья, экстремальных условий, царящих на равнинах, в кратерах. Ощущение инопланетности, которое ускользало от него, прежде чем он успевал запечатлеть его в красках.

Критики называли его картины уникальными, удивительными, говорили, что именно так, по их мнению, и выглядела Луна. А вот в этом он не мог согласиться с критиками. Безвоздушный спутник Земли был совершенно не таким. Другим... настолько другим, что он так и не смог ухватить эту разницу. И теперь его ждала скорая смерть: он потерпел неудачу, не смог реализовать мечту своей жизни.

Радиационная лихорадка пожирала его кровь и кости. Еще несколько месяцев, и она покончит с ним. Он боролся со временем, спешил уложиться в оставшиеся месяцы. Спешил и потерпел неудачу... не сложилось.

Медсестра, хмурясь, положила трубку на рычаг.

– Я связалась с доктором Грейбером, и он подтвердил ваши слова, мистер Далгрин. Если вы так хотите, я не буду ничего записывать. – Она помогла ему встать.

Луна стала забываться по ходу того, как перед глазами замелькали земные полотна. Он наслаждался произведениями искусства, которые создавались на протяжении многих веков. То была его жизнь, и он старался увидеть как можно больше, компенсировать свое долгое отсутствие на Земле. Греческие мраморные скульптуры успокаивали, картины Рембрандта вновь пробуждали интерес к творчеству. Его радовало, что после стольких лет, отданных живописи, он мог ходить по этим залам, с нетерпением ожидая встречи с, казалось бы, давно знакомыми картинами. Но ему хотелось посмотреть и на что-нибудь новенькое. Лифт доставил его к залам современного искусства.

И сразу его душевное спокойствие нарушила картина. Осенний пейзаж, типичный пример модерн-классицизма, столь модного в последние несколько лет. Но в картине было и что-то еще: неуловимая отстраненность.

Его ноги начали дрожать. Он понял, что надо немного отдохнуть.

Брент уселся на широкий диван у главной лестницы, но мыслями никак не мог оторваться от картины. Что-то его тревожило, задевало за живое, но он никак не мог понять, что именно.

Он чувствовал, что объяснение следует искать в эмоциональной сфере. Всякий в то или иное время испытывал удовольствие или заинтересованность, глядя на любую форму визуального искусства. Эмоциональный отклик могли вызвать и фотоснимок в журнале, и рисунок, и даже хорошо спроектированное здание. Брент попытался проанализировать свои ощущения, но ничего путного не выходило. Сформулировать он сумел лишь одну не слишком внятную мысль: «В этой картине что-то не так».

Но внезапно он получил ответ. Он явился к нему мгновенно, словно его озарило. Ему вспомнились лунные равнины, на которые не ступала нога человека. Ощущение это выразилось одним словом: инопланетность.

Это ощущение появлялось у него в вечной безжизненности молчаливых лунных просторов. Но как оно могло ассоциироваться с изящным осенним пейзажем? Каким образом художник сумел выразить это необычное чувство на холсте? Брент отругал себя, разумеется молча. Это не картинка из жизни другой планеты. Это «Осень в лесу», нарисованная человеком, который не понимал, что пишет. Человеком, который иначе смотрел на привычное всем и каждому. Художником, который смотрел на кипучую жизнь осеннего дня, а рисовал вечную смерть безжизненного спутника.

Брент оперся на трость, учащенно забилося сердце. Он должен найти этого художника. Должен поговорить с ним, узнать у него... выбить, если необходимо... он должен выяснить секрет этого человека. Мысль о близкой смерти тяжелым грузом лежала на плечах. Умереть, не зная, как передать в картине это ощущение!

Он убил себя в погоне за ним... и ничего не достиг. А на Земле жил человек, обладающий знанием, которое он искал. От таких мыслей хотелось выть.

Не без труда, но он взял себя в руки. Посидел, пока не совладал с расшалившимися нервами. Твердо сказал себе, что должен найти этого человека.

В правом нижнем углу картины, в тени валуна, стояла подпись: Артур Ди Коста. Брент никогда не слышал о таком художнике, но в этом не было ничего удивительного. Настоящие художники вымирали, как динозавры. Они трудились в подсобках, в старых гаражах, заполняя холст за холстом ради собственного удовольствия. И зачастую с их работами широкая общественность знакомилась уже после смерти художника.

Опять смерть, сердито подумал Брент. Развернулся и направился к служителю, коротавшему время около абстрактной скульптуры.

– Конечно, мистер, – ответил ему служитель. – Вы найдете куратора в его кабинете. Дверь вон там.

– Благодарю, – пробормотал Brent и проследовал в направлении, указанном мясистым пальцем. Нашел нишу, практически скрытую роскошными гобеленами. В ней обнаружил фонтанчик с питьевой водой, приводимый в действие фотоэлементом, и псевдомраморную дверь с надписью на табличке: «Доктор Эндрю Киннент – куратор, коллекция современного искусства».

Brent открыл дверь, вошел в приемную. Секретарь оторвалась от компьютера.

– Я – Brent Далгрин. И хотел бы переговорить с мистером Киннентом.

– Тот самый мистер Далгрин?! Минуточку... – Зардевшись, девушка нажала на кнопку аппарата внутренней связи. – Заходите, мистер Далгрин. Мистер Киннент будет рад встрече с вами.

Но ни очаровательная улыбка, ни радушный прием не произвели на Brentа ни малейшего впечатления: думал он совсем о другом.

После тридцати минут, отданных искусству вообще, Brent перевел разговор на нынешнюю экспозицию, а конкретно – на одного художника.

– Ди Коста – один из наших самых талантливых молодых художников. – Куратор самодовольно улыбнулся, словно он сам обучил Ди Косту секретам мастерства. – В Нью-Йорке он живет недавно, но уже успел сделать себе имя. Позвольте мне дать вам его адрес. Я уверен, что вы с удовольствием побеседуете с ним. Общность интересов, знаете ли.

Brent легко согласился получить те сведения, за которыми, собственно, и пришел. Своими истинными мыслями он делиться с Киннентом не стал. Не подкрепленные доказательствами, они действительно могли вызвать сомнения в психическом здоровье человека, который бы их высказал. Но самого Brentа это не останавливало. Жизнь подходила к концу, но сначала хотелось найти ответ на самый важный для него вопрос.

Нужный ему дом ничем не выделялся среди доброй сотни других, которые выросли на модных теперь Тридцатых улицах, заменив собой корпуса фабрик по пошиву верхней одежды. Brent перешел на другую сторону улицы, оглядел дом 31. Отсутствие окон указывало на то, что финансовых проблем у владельца нет. А все, что его интересовало, он мог узнать только внутри – не снаружи. Brent вновь перешел улицу, встал на хромированный квадрат перед дверью.

Сработавший под тяжестью тела датчик активировал механического дворецкого.

– Резиденция мистера Ди Косты. Чем я могу вам помочь?

– Мистер Brent Далгрин желает увидеться с мистером Ди Костой.

– Я очень сожалею, но касательно вас я не располагаю никакой информацией, сэр. Если вас не затруднит оставить сообщ... – Голос робота оборвался, сменившись мужским:

– Рад приветствовать вас, мистер Далгрин. Пожалуйста, заходите.

Дверь распахнулась, открыв маленькую, отделанную деревом прихожую. И лишь когда дверь закрылась, Brent понял, что находится в кабине лифта. Она тронулась с места, плавно остановилась, задняя стенка скользнула в сторону, открывая путь в библиотеку-кабинет. Из-за стола поднялся мужчина, шагнул навстречу Brentу, протягивая руку.

Brent ее пожал, не сводя глаз с лица мужчины. Ростом Ди Коста был повыше Brentа, худощавость как-то не вязалась с плавностью движений. Рука у него была длинная и сильная. Только тут Brent поймал себя на том, что просто таращится на хозяина.

– Надеюсь, вы извините меня за столь внезапное появление в вашем доме, мистер Ди Коста. Я увидел вашу картину в «Метрополитен», и она очень заинтересовала меня.

Brent остановился, понимая, что это неубедительный предлог для появления в доме художника. И порадовался тому, что Ди Коста взял инициативу на себя.

– Я вас прекрасно понимаю, мистер Далгрин. Со мной такое бывало не раз, когда я видел картины – ваши и некоторых других художников. – Он улыбнулся. – Далекое не всех, уверяю

вас. Я смотрел на эти картины и говорил себе: хотелось бы мне встретиться с человеком, который их создал. Но такие встречи крайне редки, о чем я очень сожалею. И мне льстит, что вы испытываете те же чувства при взгляде на мои работы.

Доброжелательность Ди Косты сломала лед, скоро они стали лучшими друзьями. Brent сидел в удобном кожаном кресле, Ди Коста смешивал напитки в баре, удачно вписанном в интерьер. Тем самым у Brentа появилась возможность оглядеть кабинет. То, что он видел, ему нравилось. Пожалуй, он бы и сам не отказался от такого кабинета. Что несколько удивляло, так это вращающаяся полка с книгами в углу.

Brent вдруг понял, что она медленно вращалась и когда он вышел из лифта. И еще... ну да, на столе так же медленно вращалась тяжелая бронзовая пепельница. Они создавали необычный эффект, но скорее приятный, чем наоборот. И гармонировали с кабинетом и личностью хозяина.

– А вот и выпивка. Сначала тост... За долгую жизнь и хорошие картины для нас обоих.

Brent чуть хмурился, пригубивая из стакана.

Есть такой феномен: о тонкостях профессии с удовольствием говорят и плотники, и банковские служащие. Вот и Brent легко втянулся в дискуссию о достоинствах ализариновых красок и влиянии искусства Византии на итальянских художников, скульпторов и архитекторов эпохи Возрождения. Но при этом какая-то часть его сознания скрупулезно оценивала слова Ди Косты, тщательно наблюдала за ним. Но хозяин Brentа ни на йоту не выходил из образа джентльмена, не стесненного в средствах и живо интересующегося живописью.

За живой беседой уже незаметно пролетели полчаса, когда в дверь кабинета легонько постучали. Она открылась, в кабинет вошла красивая женщина в элегантном наряде, выдержанном в серебристо-серых тонах, в котором в полном соответствии с последней модой преобладали греческие мотивы.

Она остановилась у порога.

– Я не хотела беспокоить тебя, Артур, но... о, извини, я не знала, что у тебя гость.

Ди Коста подошел к ней, нежно взял под руку.

– Я очень рад, что побеспокоила, дорогая. Позволь представить тебе знаменитого Brentа Далгрину. – Он обнял женщину за талию. – Моя жена Мария.

Brent пожал ей руку, улыбнулся, глядя в большие карие глаза. Она чуть ответила на рукопожатие, как и полагалось в приличном обществе. Очаровательная жена, комфортабельный, уютный дом – Артур Ди Коста являл собой образец современного джентльмена. И получалось, что картина в музее – единственное, в общем-то пустяковое, отклонение от нормы.

Но в то мгновение, когда он держал в руке руку Марии, его взгляд упал на портрет, висевший у двери.

И только невероятным усилием воли он удержался от того, чтобы не раздавить ее руку. Ди Коста изобразил Марию, и в ее портрете...

Присутствовала та же тонкая трансформация, что и в осеннем пейзаже, который захватил его внимание в музее. Что-то такое было в изгибе губ, в глазах, которыми она смотрела с портрета. Brent оторвал взгляд от картины, но уже после того, как Ди Коста заметил, куда он смотрит.

– Должно быть, это удивительное ощущение, – рассмеялся он. – Одновременно видеть перед собой и мою прекрасную Марию, и ее портрет на стене. – Он прикоснулся к раме, и картину залил мягкий свет.

Brent пробормотал какую-то похвалу, шагнул к картине, словно надеялся, что уменьшение расстояния позволит найти ответы на его многочисленные вопросы.

Ди Косте, похоже, льстил интерес знаменитого художника к его творчеству. Они обсудили многие проблемы, с которыми сталкивается портретист, удачные или неудачные их реше-

ния. Смутившуюся, чуть покрасневшую Марию попросили встать рядом с портретом. Она сделала вид, что эта дискуссия, птичья грамота для непосвященных, нисколько ее не раздражает.

– Эта синяя тень на шее помогает формировать...

– Эффект золотых волос, падающих на скулу, достигается...

По их просьбе она то поворачивала, то наклоняла голову, не участвуя в разговоре.

А маленькая часть сознания Брента продолжала наблюдать и анализировать. Как Ди Коста создавал свои картины, становилось более-менее ясно, а вот *почему* – оставалось загадкой. В лице, в фигуре инопланетность, чужеродность отсутствовали напрочь, скорее получалось, что она смотрела на что-то абсолютно ей неведомое.

Брент почувствовал, как в висках начинает пульсировать боль. Но к счастью, раздалась мелодичная трель телефонного звонка, отвлекшая Брента от поиска ответов на мучившие его вопросы. Ди Коста извинился и прошел в соседнюю комнату, оставив Брента наедине с Марией. Не успели они усесться в удобные кресла, как вновь появился Ди Коста. По выражению лица чувствовалось, что он получил какое-то неприятное известие.

– Прошу меня извинить, но мой адвокат просит немедленно приехать. Какой-то важный вопрос, касающийся моей собственности. Мне так не хочется уезжать. Мы обязательно должны продолжить наш разговор. Пожалуйста, не торопитесь уходить, мистер Далгрин. Мой дом в полном вашем распоряжении.

После ухода Ди Косты Брент и Мария поболтали на самые разные темы, уже никак не связанные с живописью. Не мог же Брент сразу спросить у женщины, которую видел первый раз в жизни: «Мадам, ваш муж рисует чудовищ? Или вы сами ведьма? В этом секрет?»

Быстрый взгляд на наручные часы убедил его, что пора уходить: негоже злоупотреблять гостеприимством хозяев.

Прикуривая, Брент как бы случайно посмотрел на часы, стоявшие на каминной доске.

– Как, уже половина четвертого? Прошу меня извинить, но мне пора идти.

Мария встала, улыбнулась:

– Вы для нас – самый желанный гость. – Она продолжала улыбаться. – Я знаю, что тут я могу говорить не только за себя, но и за Артура. Мы очень надеемся увидеть вас вновь.

– Постараюсь оправдать ваши надежды, – улыбнулся в ответ Брент.

Прощание прервала открывшаяся дверь лифта и громкие вопли маленького человеческого существа. Девочка бросилась к Марии, а когда та взяла ее на руки, зарыдала еще громче, уткнувшись ей в плечо. Пластмассовая кукла с раздавленной головой свидетельствовала о том, что для рыданий, сотрясавших не только золотистые кудряшки, но и все тельце, есть веский повод.

Брент молча стоял, пока рыдания не утихли. Мария улыбнулась ему, уговаривая девочку поздороваться с гостем. Наконец покрасневшее, заплаканное личико повернулось к нему.

– Дотти, познакомься, пожалуйста, с мистером Далгрином...

– Добрый день, мистер Далгрин... но, мамик, он наступил на куклу, а потом рассмеялся, когда она сломалась...

От этих слов слезы брызнули вновь.

– Успокойся, Дотти. Ты же не хочешь, чтобы твой отец увидел тебя в таком состоянии, – сказал Брент.

Эти вроде бы совершенно безобидные слова произвели неожиданный эффект. Не на девочку – на мать: Мария заметно побледнела.

– Артур – не отец Дотти, мистер Далгрин. Видите ли, это мой второй брак. Он... Я хочу сказать, у нас не может быть детей. – Чувствовалось, что слова эти даются ей нелегко.

Брент чуть смутился... и одновременно обрадовался: обнаружилось первое отклонение от нормы. И неожиданная бледность Марии ясно указывала: ее что-то тревожит. За это «что-

то» Brent с радостью отдал бы последний тюбик краски. Возможно, этот секрет не имел отношения к живописи, но, скорее всего, связь была. И он твердо решил ее отыскать.

Дневная жизнь города уступила место ночной. Brent шевельнулся в большом кресле, протянул руку к стакану бургундского, стоявшему на столике. Квартирка у него была маленькая, но очень хорошая. Одно из немногих роскошеств, которые он себе позволял. Впрочем, роскошество это, скорее, звалось необходимостью для тех, кто зарабатывал на жизнь, продавая свои эмоции, выраженные цветом.

Вино могло потерять вкус, вид города – нет. Нью-Йорк, вечный город чудес. Рассеянный свет в комнате не бросал отблесков на окно, так что взгляд устремлялся в свободный полет над архитектурной страной. Лазерные лучи гуляли по небу, изредка отражаясь от самолета или стратоплана. Сам город сиял тысячами огней тысяч оттенков. Даже сюда, на сто восьмидесятый этаж, доносился ни на секунду не умолкающий городской шум. Нью-Йорк, самый удивительный из городов, созданных человеком, вот в нем и жил человек, который не был человеком в полном смысле этого слова.

Частичный ответ Brent получил, двух мнений тут быть не могло. Недостающее звено он обнаружил в одной из своих картин. Единственной, которая принесла ему хоть какую-то удовлетворенность. Она далась ему девятью часами непрерывной работы, когда он подверг себя, по терминологии врачей, «опасному воздействию». На полотне удалось отразить грубое, ничем не прикрытое великолепие вечного космоса. Инопланетный ландшафт, увиденный человеческим глазом. А у Ди Косты все с точностью до наоборот: обычные человеческие сцены, увиденные другими глазами. Возможно, глаза эти не были для Земли полностью инородными, потому что разницу мог уловить только тот, кто ее искал. Но в одном Brent не сомневался: без инопланетного воздействия не обошлось.

Он также получил и косвенное подтверждение своей правоты. Закон природы оставался законом, а гены – генами. Люди и обезьяны – теплокровные млекопитающие, ближайшие родственники с точки зрения антропологии. Однако генная несовместимость исключала появление общих потомков.

Вот и мужчина, если он не был человеком, *homo sapiens*, не мог иметь детей от человеческой женщины. Мария Ди Коста такой и была, что доказывала заплаканная дочурка. У Артура Ди Косты детей не было.

Brent нажал клавишу на подоконнике, и окно уползло в щель. Городские шумы ворвались в квартиру вместе с запахами джерсийских лесов, вроде бы совершенно неуместными в большом городе, которые донес легкий ветерок.

Подняв голову, он увидел Луну, плывущую меж редких облаков, утреннюю звезду, Венеру, подымающуюся над восточным горизонтом. Он побывал на Луне. Он видел ракету, которая готовилась к полету на Венеру. Человек был единственной разумной формой жизни, которую ему довелось видеть. Если были и другие, то их следовало искать на других звездах. А впрочем... разве не могли представители этих далеких цивилизаций жить на Земле, среди людей?

Но проку от этих мыслей не было. Не стоит изобретать новых чудовищ, не убедившись в существовании хотя бы одного. Утро вечера мудренее. Надо хорошенько выспаться, а потом отправляться на охоту.

В десятый раз Brent бросил в урну недоеденный шоколадный батончик и двинулся дальше. Это в телешоу частный детектив с легкостью выполнял свои обязанности. В реальности все оказалось куда как сложнее. Он третий день следил за Артуром Ди Костой, и слезка эта уже сказывалась на его пищеварении. Когда останавливался Ди Коста, приходилось останавливаться и ему, зачастую на запруженных толпой улицах. Чтобы не привлекать к себе лишнего

внимания, он делал вид, что ему необходимо сделать покупку в одном из торговых автоматов, выстроившихся вдоль тротуара. Газеты он просто выбрасывал, но считал себя обязанным хотя бы надкусить шоколадный батончик.

Но вот Ди Коста ступил на движущуюся пешеходную дорожку, проложенную по Пятой авеню. Brent, отделенный от него несколькими сотнями футов, проделал аналогичный маневр. Они покатались к Верхнему Манхэттену со стандартной скоростью пятнадцать миль в час. Когда дорожка пересекала Пятьдесят седьмую улицу, на нее ступил невысокий мужчина в черно-золотом деловом костюме. Brent заметил его, когда он остановился рядом с Ди Костой и похлопал художника по плечу. Ди Коста обернулся. Улыбка медленно уступила место недоумению.

Невысокий мужчина передал удивленному художнику сложенный листок бумаги. И прежде чем Ди Коста успел что-то сказать, сошел с движущейся дорожки на островок безопасности, лихо перескочил через ограждающий барьер и по другой дорожке покатил в противоположную сторону, к Нижнему Манхэттену. Проехав мимо, он вскоре растворился в толпе.

Brent, разинув рот, проводил коротышку глазами. А повернув голову, наткнулся на взгляд Ди Косты.

Его планы рухнули. А Ди Коста улыбнулся и приветственно помахал ему рукой. Сквозь уличный шум до Brentа долетел его голос:

– Мистер Далгрин, идите сюда.

Brent помахал рукой в ответ и двинулся к Ди Косте. А что ему оставалось? Он уже подходил к художнику, когда любопытство Ди Косты взяло верх. Brent наблюдал, как тот разворачивает листок, читает написанное на нем... С Ди Костой произошла разительная перемена. Рука с запиской повисла плетью, тело напряглось. Глядя перед собой, стоя на движущейся дорожке, он словно окаменел. Превратился в статую.

Далгрин прибавил шагу. Он практически не сомневался, что записка и коротышка каким-то образом связаны с секретом картин.

Ди Коста ничего не видел и не слышал. Brent посчитал себя вправе взять загадочную записку, зажатую в негнущихся пальцах. Одна сторона – пустая, на второй – непонятная то ли надпись, то ли подпись: загогулины, пересеченные зелеными прямыми. Ни с чем подобным Brent в своей жизни не сталкивался.

Они ехали бок о бок. Brent облокотился на поручень, тогда как Ди Коста продолжал пребывать в странном трансе. Записка, которую Brent держал в руке, была вещественным доказательством, прямо указывающим на то, что его подозрения небеспочвенны. Взглянув на нее вновь, он вдруг почувствовал, как записка завибрировала у него в руке, словно хотела вырваться, потом засветилась и исчезла! Мгновением раньше он держал ее в руке, а теперь ее не было!

От неожиданности он отпрянул, но не наткнулся на стоявшего рядом Ди Косту. Потому что тот сошел с движущейся дорожки, пока он разглядывал записку. Перегнувшись через поручень, Brent увидел-таки, что Ди Коста уже подходит к аэроплощадке Центрального парка. Кляня себя за тупость, Brent поменял дорожки и поспешил к сходу, который вел к аэроплощадке.

Удача в этот день была на его стороне. Ди Коста стоял в длинной очереди к аэрокебам. И стоять ему предстояло добрых десять минут. Brent понял, что он успеет арендовать аутотакси до того, как художник поднимется в воздух.

И действительно, когда черно-оранжевый аэрокеб с Ди Костой на борту взял курс на север, синее аутотакси последовало за ним. Какое-то время спустя оба летательных аппарата скрылись вдали.

Аэрокеб летел на высоте десять тысяч футов. Brent держался чуть позади, в восьми тысячах футов от земли. Все происходило слишком уж быстро. Brentа не покидало ощущение, что действует он уже не по собственной воле и все решения принимаются за него.

Но его рапирала радость. Странный символ и необъяснимое исчезновение записки доказывали тайное присутствие инопланетян. И каждая преодоленная им миля приближала его к разгадке. Он не страшился смерти, уже свыкся с тем, что она неминуема. Собственно, и мечта-то у него осталась только одна – раскрыть тайну, с которой столкнула его судьба. Brent улыбнулся.

Пятнадцать минут спустя аэрокеб и аутотакси приземлились на муниципальной аэроплощадке в Пауфкипси. Brent припарковал свое аутотакси и следом за Ди Костой спустился на улицу. Быстрым шагом художник направился к одному из стоящих рядом административных зданий, вошел.

Brent бросился за ним. Вбежал в холл, когда захлопывались двери лифта. Нажал на кнопку вызова, но кабина продолжала подниматься. На индикаторе вспыхнула цифра 4, потом кабина поплыла вниз.

Он был слишком близок к разгадке, чтобы остановиться, обдумать происходящее. Вошел в кабину, нажал кнопку с цифрой 4. Двери закрылись, и кабина начала... опускаться.

Brent осознал, что он в ловушке, и тут же понял, что не может ничего изменить. Оставалось ждать встречи с тем, кто будет поджидать его по другую сторону дверей.

Остановилась кабина на уровне, расположенном гораздо ниже подвала. Двери разошлись.

Его ожидания не оправдались: ему открылась самая что ни на есть обычная комната.

Ну совершенно обычная, за исключением боковой стены. Стеклопанной стены, за которой бурлила вода... только стекла не было! Он видел перед собой поверхность океана, поставленную на попа. Почувствовал, как его тянет к воде, засасывает в воду.

Ощущение исчезло как по мановению волшебной палочки, стена стала ровной и черной. Только тут до него дошло, что в комнате он не один. Компанию ему составляла очаровательная девушка с прямыми волосами цвета бронзы и зелеными глазами.

– Неподготовленному человеку не следует наблюдать за этой машиной, мистер Далгрин. Она оказывает негативный эффект на мозг.

У него отвисла челюсть.

– Откуда вы знаете мою фамилию? Кто вы? Что все это?..

– Если вы присядете, я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы.

Brent понимал, что кабина не тронется с места, пока он не выйдет из нее. Вышел, двери за его спиной сомкнулись, что не прибавило ему бодрости духа. Он влип по самое не могу, инициатива полностью принадлежала другой стороне. Он сел.

Рыжеволосая посмотрела на странную стену, которая вновь забурлила водой. Brent старался смотреть в другую сторону. Наконец девушка, чуть хмурясь, повернулась к нему:

– Вас очень заинтересовали действия Артура Ди Косты, мистер Далгрин. Может, у вас есть вопросы, которые вы хотели бы задать мне?

– Безусловно есть! Что произошло с ним сегодня... и где я сейчас нахожусь?

Она наклонилась вперед, нацелилась пальцем в грудь Brentа.

– Сегодняшним визитом сюда мистер Ди Коста обязан вам. Мы заметили, что вы следите за ним, поэтому пригласили его сюда в надежде, что он приведет и вас. В записке он прочитал слово-пароль, заложенное у него в мозгу, которое вызвало автоматическую реакцию. Он прибыл сюда, следуя постгипнотическому приказу.

– Но записка! – вскричал Brent.

– Пустяк. Надпись на материале, сделанном из отдельных молекул. Небольшой энергетический заряд соединяет их воедино на протяжении короткого периода времени. Заряд рассеивается, молекулы разлетаются.

И все встало на свои места. Безусловные свидетельства демонстрации недоступных человеку сил однозначно указывали на то, что он имеет дело с...

– Инопланетянами, мистер Далгрин. Думаю, вы можете нас так называть. Да, я могу читать ваши мысли. Поэтому вы сегодня здесь. Мысленный ретранслятор в кабинете Артура Ди Косты сообщил нам о ваших подозрениях, с которыми вы входили в его дом. С той минуты мы наблюдали за вами, подготавливая ваш визит сюда.

Частично я смогу утолить ваше любопытство, мистер Далгрин. Мы не с Земли, более того, наша планета находится в другой звездной системе. А эта комната – офис санатория для больных, которым не требуется стационарное лечение.

– Санатория! – взревел Brent. – Если это офис... то где сам санаторий?

Девушка повертела в руках карандаш, а ее взгляд, казалось, вонзился в мозг Brentа.

– Вся Земля – наш санаторий. На ней живут многие наши психические больные.

Пол начал уходить у Brentа из-под ног. Он схватился за край стола.

– Значит, Ди Коста – один из ваших пациентов. Он безумен?

– Если следовать точному значению этого слова – нет. Он – слабоумный. И не поддается лечению.

– Если умница Ди Коста – слабоумный, тогда... – Brent покачал головой. – Это означает, что средний ай-кью для представителей вашей цивилизации должен составлять...

– Этой величины вы и представить себе не можете. Для людей Ди Коста совершенно нормален, более того, его ай-кью выше среднего.

На родной планете он не смог найти места в высокоорганизованном обществе. Стал пациентом государства. Его тело трансформировали, чтобы он ничем не отличался от homo sapiens. Мы дали ему новое тело, новую индивидуальность, но не смогли изменить его исходный интеллект. Вот почему он на Земле.

Детство Ди Коста провел на родной планете, в чужеродной для землян социальной среде. Эти первые впечатления навсегда остались в его подсознании. Его новая индивидуальность не имеет о них ни малейшего представления, но они есть. И проявляются в его картинах. Требуется очень острый глаз, чтобы заметить их. Позвольте поздравить вас, мистер Далгрин.

Brent печально улыбнулся:

– Теперь я сожалею о том, что заметил. Какие у вас планы в отношении меня? Как я понимаю, вы уже не позволите мне вернуться в мой земной «сумасшедший дом».

Девушка сложила руки на коленях. Смотрела на них, словно не желала встречаться с ним взглядом в момент объявления приговора. Но Brent не стал ждать. Если он сможет справиться с девушкой, то потом как-нибудь найдет пульт управления лифтом. Он напрягся и прыгнул.

Волна боли прокатилась по телу. Другой разум, неизмеримо более сильный, контролировал его тело.

Мышцы отказались подчиниться ему. Он рухнул на стол, застыл. Его тело выполнило приказ чужого разума. Рыжеволосая подняла голову. Ее глаза сверкали силой, которую она только что продемонстрировала.

– Никогда не следует недооценивать своего оппонента, мистер Далгрин. Именно для этого я приняла облик земной женщины. Я нахожу, что так управлять людьми гораздо легче. У них и в мыслях нет, что я... не та, кого они видят. Я сейчас сниму свой контроль, но, пожалуйста, не заставляйте меня вновь прибегать к этому средству.

Brent сполз на пол, сердце его рвалось из груди, тело сотрясала мелкая дрожь.

– Я – директор этого... санатория, поэтому вы понимаете, что у меня нет никакого желания привлекать к нашей деятельности внимание вашего государства. Мне придется избавиться от вас.

Дыхание Brentа чуть успокоилось, он уже мог говорить.

– Так вы... хотите... меня убить?

– Отнюдь, мистер Далгрин, наша философия запрещает убийство, за исключением самых крайних случаев. Ваше тело будет изменено в соответствии с требованиями окружающей среды другой планеты-санатория. Естественно, мы излечим вас от всех последствий радиационной лихорадки. Так что вас будет ждать долгая и интересная жизнь. Если вы согласитесь сотрудничать с нами, мы сохраним вам вашу индивидуальность.

– И что это за планета? – По интонациям девушки Brent понял, что разговор близится к завершению.

– Совсем не такая, как эта. Тяжелая планета, в атмосфере которой роль кислорода выполняет хлор. – Она нажала кнопку на столе.

Теряя сознание, Brent успел подумать: «Я буду жить... и работать... рисовать удивительные оттенки зеленого на планете с атмосферой из хлора...»

## Нить судьбы<sup>1</sup>

*Перевод К. Плешкова*

*В пыльном зале вечности, в окружении сверкающей ткани миров, сидят три норны, пря- дильщицы людских судеб. Их сморщенные от старости пальцы без усталы перебирают нити, изгибая и соединяя их в бесчисленном множестве сочетаний.*

*Каждая из нитей – чья-то жизнь. Управляя нитью, норны управляют жизнью. Под нескончаемое бормотание собственных голосов они передают друг другу единственный глаз, чтобы посмотреть, как плетется невообразимая ткань судеб. Голоса звучат все громче, их тональность меняется. Человеческая судьба далеко не всегда получается гладкой.*

*– Нет, погоди, эту линию сюда вводить нельзя.*

*– Но она – часть узора...*

*– Она его только портит. Мне придется переделывать и свою часть.*

*– Столько веков трудились, а ты все разрушить хочешь!*

*Голоса еще громче, в них слышится гнев.*

*– Постой, Гриссель, постой. Здесь нельзя ничего менять.*

*Норна сердито взмахивает рукой над тканью. Кольцо на ее среднем пальце – Перстень Единорога – касается поверхности, и рог подцепляет и выдергивает тонкую сверкающую нить чьей-то жизни.*

*– Я сделаю по-своему. Дай мне глаз.*

*Спор продолжается. Нить человеческой судьбы, никем не замеченная, свободно парит в пространстве.*

### I

*– Извини, мама, но он мне не подходит.*

*– Я купила как раз по твоему размеру, – твердо заявила мать Гранта. – Попробуй еще раз. Должен подойти.*

Грант О'Рейли снова примерил пиджак. Он прекрасно знал, что тот не подойдет; так и вышло. Пиджак жал в плечах, а манжеты на три дюйма торчали из рукавов. К подобному Грант уже привык. Мать купила сыну свадебную одежду, по своему обыкновению считая его ребенком, и все оказалось чересчур мало.

На этот раз она здорово подвела Гранта. Было воскресенье, они проделали немалый путь от города до церквушки, где прежде женились и выходили замуж дядюшки, тетушки и прочая родня Люси. Купить или взять напрокат более подходящую одежду уже не оставалось времени.

Грант глянул в зеркало трюмо, пытаясь представить себя в глазах влиятельных и благо- воспитанных родственников Люси. Нет, так явно не годится. Люси придет в ужас, зальется краской стыда, увидев его с торчащими, как у деревенщины, манжетами. Грант попытался поправить рукава. Сегодня он должен был выглядеть изысканно – именно так, как нравится Люси.

Из зеркала на него смотрело телячьими глазами отражение, неловко пытавшееся стянуть вниз обшлага пиджака. Гранту не слишком нравился этот высокий худой парень со светлыми волосами. Почти невидимые брови придавали его лицу кроткое, безгрешное выражение. Когда рядом не было зеркал, он представлял себя сильнее и с более темной шевелюрой – достойным мужем и защитником для столь прекрасной женщины, как Люси.

<sup>1</sup> Повесть написана в соавторстве с Кэтрин Маклин.

Люси! При мысли о ней загорелись щеки. Влечение было скорее телесным, нежели духовным, и отчего-то показалось, что в церкви оно будет неуместно. Отвернувшись от зеркала, он принялся стаскивать пиджак – и одновременно попытался отделаться от предательской мысли.

Развалившись в кресле у дальней стены, Херб Колломб невозмутимо курил старинную трубку. От его крепкой фигуры так и веяло мужеством, и Грант при нем чувствовал себя в безопасности – как и в те годы, что они вместе провели в колледже. Они жили в одной комнате и одновременно закончили учебу, так что в роли шафера Херб вполне устраивал Гранта.

Колломб улыбнулся, не вынимая трубки изо рта, и Грант с удивлением поймал себя на том, что улыбается ему в ответ.

В открытое окно ризницы доносилось теплое дыхание весны. Пела птица, и весь мир казался Гранту восхитительным. Однако, взглянув на переброшенный через руку пиджак, он вновь ощутил тревогу. Где бы взять другой?

Но было уже слишком поздно – слышались ноты настраиваемого органа и шарканье входивших в церковь гостей.

– Черт побери, – вполголоса пробормотал Грант.

– Не ругайся. Вряд ли Люси была бы рада услышать такое от тебя. Она из очень хорошей семьи.

– Извини, мам.

– Все в порядке, дорогой. Мне всегда хотелось гордиться своим сыном – настоящим джентльменом.

Херб выронил трубку и снова ее подобрал, слегка покраснев. Грант попытался улыбнуться, и на него накатила знакомая слабость. Ну почему именно сейчас? Раз или два в жизни ему удавалось отсрочить несвоевременный приступ, но теперь было ясно, что всю церемонию не продержаться. Лучше уж пусть это случится сейчас – нельзя допустить, чтобы свадьба пошла прахом.

Нужно лишь какое-то время побыть одному, вдали от чужих голосов и глаз. Грант понял, что сдерживаться больше не может.

– Еще десять минут, – поспешно сказал он, слыша нарастающий звон в ушах и видя, как отдаляются лица присутствующих. – Пойду немного подышу свежим воздухом.

Рядом с церковью находилось уютное старое кладбище с покосившимися могильными камнями и высоким бурьяном; посреди стояло узловатое персиковое дерево в полном цвету. Кладбище было отрезано от окружающего мира и от течения времени высокой каменной стеной. Боковая дверь ризницы выходила на мощеную дорожку, огибавшую здание церкви вдали от окон. Вполне уединенное место, по крайней мере на какое-то время.

«Нужно поменьше волноваться», – подумал Грант, закрывая за собой дверь.

Впрочем, теперь об этом уже поздно размышлять – следовало раньше принять лекарство. Если бы за Грантом кто-то наблюдал, он увидел бы, как губы молодого человека изогнулись в неприятной гримасе, обнажив неровные зубы, отчего в его прежде ангельской внешности появилось нечто звериное, словно у охотничьего пса светлой масти. Он медленно двинулся по дорожке, чувствуя, как стучит кровь в висках, и бессознательно ища укрытия, где можно дать волю приступу. И нашел его – в одном месте стена сворачивала под прямым углом.

Сойдя с дорожки, Грант вжался в этот угол и стал ждать, когда на него, подобно тяжелому камню, навалится беспомощность.

Грант не знал, сколько прошло времени, но давление в голове ослабло, звон в ушах смолк, вернулась способность видеть, слышать и осязать. Он еще немного постоял, прижимаясь лбом к холодному камню и радуясь, что болезнь не заставляет падать на землю и биться в судорогах. Когда они с Люси пожениются, он сможет просто уйти в ванную и тихо постоять за закрытой дверью, пережидая приступ.

Болезнь лишила мальчика детских игр, удерживая его под бдительным надзором матери, отняла свободу рисковать и пренебрегать опасностью, оставив на его долю лишь приключения в стихах и книгах. Но он не позволит болезни лишить его и права на семейную жизнь. Способность предчувствовать приступ давала ему возможность жить нормальной жизнью и зарабатывать деньги трудом архитектора – клиенты даже не догадывались, что с ним не все ладно. Он всегда мог найти укромное место на время припадка.

Повернувшись, он взглянул на зеленую траву, на старую каменную стену, на низкие покосившиеся надгробия. Зрение прояснилось, и теперь все окружающее словно заиграло новыми яркими красками.

Из окна над головой отчетливо слышался голос матери, возвращавший далекие воспоминания:

– У Гранта бывают припадки, если он волнуется. Мне стоило большого труда освободить его от занятий по физкультуре во всех школах, где он учился, не рассказывая о настоящей причине. С его отцом тоже так было, а началось после того, как мы поженились. Такой приятный мужчина... Это у нас семейное, знаете ли...

Грант постарался отбросить мрачные мысли, убеждая себя: что бы ни делала мать, это лишь для его же блага. Она и насчет пиджака что-нибудь придумает, у нее всегда получалось, стоило лишь захотеть.

Он встал, собираясь вернуться в церковь.

И тут он увидел.

В небе, от горизонта до горизонта, простерлось нечто длинное, белое, массивное, похожее на гигантский брус или слоновий бивень. Еще мгновение назад их разделяла вечность, а в следующий миг оно уже пикировало вниз, прямо на Гранта. Он не знал, откуда ему это известно, но не сомневался, что странная штука мчится прямо на него, словно скорый поезд в туннеле.

Прежде чем он успел закричать – и даже подумать об этом, – было уже слишком поздно. Последовал удар, удивительно мягкий, но чудовищной силы.

Мир исчез. Перед глазами Гранта вспыхнуло кладбище с оранжевой травой и красное небо. Яркие цвета медленно потускнели, и их сменило ничто – вряд ли его ощущения можно было описать иным словом. Сперва Гранта охватил ужас, но затем вернулась крупная здравомыслия. Он ничего не чувствовал, ничего не слышал, а то, что он видел, немало его озадачило; лишь какое-то время спустя стало понятно, что оно не имеет цвета. Но оно не было и черным, скорее серым – серый бархатный туман, окутывавший его со всех сторон.

К своему ужасу, он осознал, что не дышит. Не билось и сердце. Все функции его жизнедеятельности прекратились.

«Я умер».

Эта мысль давно скреблась в его мозгу и теперь наконец обрела окончательную форму. А за ней пришло безумие – пополам с невыносимым страхом.

Грант не знал, сколько это продолжалось – время утратило для него всякое значение. Могли пройти годы, а могли и секунды. Но безумие уже понемногу отступало, и вернулась способность мыслить, что, впрочем, слабо помогло – он не имел ни малейшего представления о том, где находится и что с ним случилось.

А потом мысли сменились тоской, которая, казалось, длилась целую вечность.

Его разум впал в ту же апатию, что и тело. Он висел в сплошном сером тумане, безразличный ко всему, и ждал.

## II

– *Смотри! Смотри, что ты наделала! Выдернула нить.*

*– Это не я! Это сделала ты, когда кричала на меня, что узор неправильный!*

*– Так ведь он и в самом деле негож...*

*Спор продолжался. Вторая сестра наклонилась вперед, собираясь высказаться, и висая в пустоте нить коснулась ее лица. Норна в ярости сунула ее обратно в ткань, но не вплела в узор – просто воткнула куда попало и вернулась к спору.*

Серый туман и тишина внезапно сменились воплями и грохотом, и Грант понял, что падает. Лицо его ударилось о грязный деревянный пол. Оглушенный, он несколько мгновений лежал неподвижно, слыша вокруг пьяные крики, звон бьющихся бутылок, глухие удары кулаков о плоть. В глазах замерцал желтый свет, мимо с рычанием пронеслись чьи-то тени.

Почти прямо над Грантом раздался хруст, и на ноги ему рухнул человек с короткой спутанной бородой и длинными волосами. Из его растрепанной шевелюры сочилась кровь, в черепе зияла жуткая вмятина.

С трудом подавляя отвращение, Грант выскользнул из-под обмякшего бородача и присел на корточки. На него только что свалился труп, но никто не обращал на это внимания. Орущая свора была уже где-то в стороне, хотя мимо все еще пробегали люди, ныряя в толпу.

От дыма свечей, от кухонных испарений, от запахов пролитого вина и протухшей еды слезились глаза и жгло в носу, но Гранту все же удалось понять, что он находится в помещении величиной с амбар. Над головой тянулись вытесанные вручную балки, отражая шум, жар и свет, а еще выше в чаду терялась крыша. Казалось, балки покачиваются в мерцающем сиянии свечей в такт яростным воплям дерущихся.

Вопящая толпа продолжала расти, пока снова не оказалась рядом, но Грант видел лишь спины и падающие на затылки спутанные волосы. Буяны угрожающе размахивали дубинками, кинжалами и разбитыми бутылками, что-то крича кому-то находившемуся в середине толпы. На этих людях были грязные коричневые рубахи из грубой ткани вроде мешковины, не заправленные в столь же грязные штаны из шкур.

Грант выпрямился и обнаружил, что ему хватает роста заглянуть над головами в середину толпы, атаковавшей рослого мужчину, который стоял спиной к одному из поддерживавших крышу столбов. Вот он с ворчанием бросился вперед, замахиваясь длинным мечом, затем отбил опускающуюся на его голову дубину, отразил еще один удар железной палицей, которую держал в левой руке, с хрустом врезал ею же по голове обладателю дубины и снова отпрыгнул к столбу. В каждом его движении чувствовалась невероятная энергия – он нападал и отступал, наносил удары и защищался, издавая при каждом усилии короткий стон.

Гранта, однако, потрясло не столько боевое искусство, сколько облик самого бойца – лоснящиеся кожаные доспехи, словно на картинке в энциклопедии, сверкающая кольчуга, широкий прямой меч, железная палица. Он как будто сошел со страниц учебника истории раннего Средневековья. Что он здесь делает? Грант поискал глазами кинокамеру – но кровь была настоящей.

Где выход? Присев, словно загнанный зверь, Грант повернул голову. По пустой половине зала были разбросаны скамьи и столы, в плосках мерцали свечи, добавляя чада в и без того смрадный воздух. Где дверь? В дымном полумраке почти ничего не разглядеть, в ушах отдаются жуткие звуки. Где, во имя здравомыслия, хотя бы окна? Что это вообще за притон?

Грант попытался, отгородился от шумной толпы длинным столом, но дикий вой заставил его обернуться, и глазам предстал конец битвы. Воин в кожаных доспехах замешкался, и его меч врезался в дубину, застряв в дереве. Он попытался высвободить оружие, но еще одна усаженная шипами дубина ударила его в челюсть с такой силой, что голову отбросило назад. Меч от удара освободился, но поднять его воин уже не успел. Под градом обрушившихся на него со всех сторон тяжелых палиц он, шатаясь, отступил на несколько шагов от спасительной

колонны и беспомощно рухнул в сторону Гранта, который успел увидеть его остекленевшие глаза и услышать хруст костей.

Выйдя из оцепенения, Грант начал медленно отступать к выходу; при этом он не сводил глаз с толпы и нащупывал неструганые доски стола у себя за спиной. Над бесформенной грудой, еще миг назад бывшей человеком, мельтешило дубье, и Грант был только рад, что торжествующий вой победителей заглушал все другие звуки. Возможно, все это лишь дурной сон, но смерть в этом кошмаре такая же настоящая, как на любой скотобойне.

Вой смолк. Бормоча, ругаясь и ощупывая ссадины и раны, сражавшиеся начали оглядываться по сторонам. Грант продолжал пятиться, надеясь, что до его исчезновения никто не отвлечется от лежащего на полу мертвеца. Один мужчина с торжествующим видом склонился и вырвал меч из мертвой руки. Он воздел трофей к потолку, и тут ему на глаза попался чужак. Грант застыл как вкопанный, разрываясь между инстинктивным желанием бежать сломя голову и надеждой, что его примут за своего.

Увидевший его оскалил кривые зубы.

– Смерть нечестивцу! – Поставив ногу на скамью, он подался в сторону Гранта над разделявшим их столом, замахнулся мечом, который неуклюже держал двумя руками. – Кровь для Н’тиг’ты!

Грант уклонился – отступать было уже некуда. Меч вонзился на три дюйма в стол за его спиной, огромный окровавленный клинок напоминал скорее вытянутое лезвие топора – это жуткое оружие способно было разрубить человека пополам. Пока кривоzubый высвобождал меч, Грант перепрыгнул через стол и побежал; его ноги будто налились свинцом. Слыша крики и вой преследователей, он бросился в конец зала, туда, где темнее. Перед ним возник тусклый человеческий силуэт, а дальше нечто похожее на дверь. Преодолев еще несколько ярдов, Грант и в самом деле разглядел дверь – широкую, но закрытую. Стоявший перед ней, ухмыляясь, занес топор.

Грант остановился, налетев на очередной стол. Вопящие приближались, но рядом с ним оказалась лестница, прислоненная к одной из толстых балок, что поддерживали крышу. Чтобы до нее добраться, потребовалось меньше секунды. С трудом вскарабкавшись по перекладинам, он залез на поперечную балку, а затем пинком отшвырнул лестницу прямо на орущую внизу толпу.

На какое-то время он в безопасности. Народу внизу было меньше, чем показалось ему вначале, – похоже, основная толпа завывала где-то еще, преследуя очередную жертву. И тем не менее четверо не собирались отпускать его живым, яростно таращась из-под падавших на глаза лохм и крича про какое-то пятно, которое необходимо смыть с какого-то Н’тиг’ты. Те, у кого в руках были палицы, пытались бить его по ногам, но пьяно промахивались; однако ухмыляющийся верзила с мечом уже поднимал свое оружие, а еще один схватил табурет. Почувствовав болезненный удар по лодыжке, Грант понял, что оставаться здесь ему больше нельзя, и совершил поступок, на который не отважился бы еще час назад, – отпустил колонну, служившую ему опорой, побежал по неровной балке шириной меньше чем в фут.

В иных обстоятельствах он бы наверняка свалился, но сейчас падение означало смерть, и ему удалось удержаться на ногах, хотя и самому в это совершенно не верилось. Преодолев последние десять футов, тяжело дыша, Грант прислонился к центральной колонне, откуда открывался прекрасный вид на огромное, как амбар, помещение.

Небольшая группа людей в штанах из шкур сражалась с опрокинутой им лестницей, пытаясь поставить ее на место и броситься за ним в погоню. Возле гигантского очага у дальней стены сгрудились три неопрятные женщины и толстяк. Но главный источник шума находился под ногами у Гранта.

Казалось, будто вся ревущая толпа, растерзавшая до этого воина и успевшая увеличиться как минимум вдвое, напирала еще на одного мечника, стоявшего спиной к колонне, за которую цеплялся Грант. Массивные плечи и мускулистые руки едва вмещались в красные кожаные доспехи, длинный меч был как будто даже побольше того, что недавно дорогой ценой достался врагу. Тяжелая шипастая палица в левой руке воина то и дело с глухим звуком обрушивалась на дубины, кинжалы и руки противников, круша и калеча.

Энергия воина была просто феноменальной, и чем больше Грант смотрел на взмахи сверкающего меча, тем больше восхищался искусством его обладателя. Воин отражал удары и тут же делал выпады, не останавливаясь и не сбавляя темпа, когда клинок рассекал дерево, плоть и кость. Казалось, смертельную силу оружию придает не держащая его рука, но сам свист несущегося с бешеной скоростью тяжелого лезвия, опасного, как всюю крутящийся пропеллер. И нападавшие явно его боялись.

Рыча от пьяной ярости, они держались за пределами смертельного круга, пытались нанести удары издалека или швырять кинжалы и ножи, которые ударялись о металл и отлетали в сторону.

Но далеко не все были осторожны – внутри круга валялись трупы с рассеченным горлом и расколотым черепом, а из толпы, пошатываясь, то и дело выбирался очередной неудачник, стелая и держась за перебитую руку. Кто-то помогал оставшемуся без кисти товарищу перевязать кровоточащий обрубок.

Воин продолжал отбиваться, распевая песню без слов в такт пляске сверкающей стали. На глазах у Гранта он шагнул вперед и, выдохнув, ударил наотмашь – кровавое лезвие вылетело на фут за пределы круга. Наградой смельчаку стали три вопля разом. Толпа поспешно попятилась, ругаясь и толкаясь, пока не остановилась на более почтительном расстоянии. Один из нападавших корчился на полу, пытаясь остановить хлещущую из перерубленной руки кровь. Он умирал, не достойный даже удара милосердия.

Как бы стойко ни держался воин, ясно было, что вечно так продолжаться не может. Он уже тяжело дышал, и враги норовили подкрасться к нему из-за колонны. Один промах, одна ошибка – и его сомнут, набросившись со всех сторон.

Грант вдруг понял, что ему жаль рослого воина. Кровавое искусство, которое тот демонстрировал, не заслуживало того, чтобы пропасть в этом амбаре или таверне. Затем пришла мысль, что, как только воина убьют, наступит очередь самого Гранта. Лишь поющий и кружащийся в танце клинок расчищал пространство у колонны, не давая толпе прорваться к ней и сбить беглеца с его балки.

Грант вцепился в черное от копоти дерево; к горлу подступила тошнота. Что он делает в этом воплощенном кошмаре? Может, его сбила машина и все это лишь коматозный бред?

Словно в ответ на эти раздумья в грудь ему врезалась брошенная бутылка. Удар и треск рвущейся ткани были вполне реальны, как и боль в лодыжке, куда угодила дубинка. Он преисполнился тошнотворной уверенности, что, даже если это действительно сон, безопаснее воспринимать происходящее как безжалостный факт. Похоже, ему грозила настоящая смерть, окончательная и бесповоротная.

Лестницу наконец прислонили к дальнему концу балки, и люди толкались возле нее, пытаясь опередить друг друга. Верзила в меховых штанах взобрался на три перекладки, но получил от другого удар по затылку табуретом и свалился. Обладатель табурета полез наверх, за ним последовали еще пятеро или шестеро. Пошатываясь, но с легкостью держась на ногах, они побежали по балке к Гранту.

Передний остановился и вскинул табурет над головой, чтобы нанести сокрушительный удар. Бежавший следом не успел остановиться и налетел на него, толкая вперед, и в то же мгновение Грант понял, что ему нужно оружие. Воспользовавшись замешательством верзилы, Грант подался вперед, схватился за ножку табурета и дернул. Потеряв равновесие, противник

с хриплым воплем полетел вниз, прямо в очерченный мечом круг. Воин небрежно махнул клинком вбок, перерезав горло упавшему, а затем поднял голову, подумав, что его атакуют сверху. Увидев стоявшего лицом к нападающим Гранта, он широко улыбнулся.

– Ого! Друг! – Он еще раз взмахнул мечом, получив в ответ проклятие и крик боли, и слегка переместился в сторону, вновь бросив взгляд на Гранта. – И как раз вовремя!

Словно двигаясь самостоятельно по некоей заранее определенной траектории, меч плавно взмыл над головой воина и перерезал сухожилия на лодыжках двоих стоявших на балке. Оба с визгом свалились в толпу. Следующий попытался отступить, но лишь вывел из равновесия остальных, которые посыпались, усугубляя всеобщее замешательство.

Толпа отступила, возмнив, что подверглась нападению сверху.

Сунув покрытую кровью палицу в петлю на поясе, воин несколькими яростными выпадами меча отогнал толпу еще дальше, а затем бросился к колонне, как будто хотел разделаться с теми, кто за ней прятался. Но там оказался лишь один, он прынул назад, налетел на скамью и упал. Укрывшись от толпы за колонной, воин рассмеялся и протянул свободную руку Гранту.

– Давай, приятель, помоги мне забраться наверх, и сматываемся отсюда.

То были первые дружеские слова, которые услышал Грант среди многоголосого кровавого рева, и внезапно происходящее обрело для него смысл. Быстро, но без паники Грант уселся на балке, ухватившись правой рукой за колонну, протянул вниз левую и ощутил, как за нее ухватила мозолистая ладонь.

Воин потянулся наверх, и Грант едва не завопил от боли – как будто руку выкручивали из суставов. Но в следующий миг рубака зацепилась рукояткой меча за балку и с легкостью взобрался на нее. Большая часть его веса, однако, пришлась на худую руку Гранта, причем он оказался даже крупнее и мускулистее, чем выглядел снизу, – как минимум триста фунтов плоти и снаряжения.

Не обращая внимания на звон и лязг летящих в него бутылок, кинжалов и прочих мелких предметов, воин убрал меч в ножны и всмотрелся в темный конец зала. Даже не оглянувшись на Гранта, он двинулся к дальней стене. Грант пошел следом, потирая натруженную руку, но вместе с тем испытывая странную радость оттого, что может теперь идти по узкой балке без малейшего страха.

Впереди виднелся ряд маленьких окон, над которыми уходила под углом в темноту почерневшая от копоти крыша. Воин постучал по стене рукояткой меча и удовлетворенно кивнул, словно нашел выход.

Дав знак Гранту подойти ближе, воин указал на стену, увешанную чем-то похожим на тугие мешки и гирлянды. Пахло прогорклой едой, и Грант понял, что неаппетитного вида предметы – скорее всего, копченое мясо и травы. Легко, словно пушинку, сняв два связанных между собой окурока, воин повесил их на шею Гранту, который оказался не готов к такому подарку и едва не упал с балки. Но воин молниеносным движением утвердил его на ногах.

Пренебрежительно фыркнув, боец рассмеялся, уперся ладонями в перекладину над головой и принялся со всей силы бить ногами в доски. Каким бы массивным и сильным ни выглядел он, Грант сперва не поверил своим глазам – даже супермен вряд ли способен несколькими пинками проделать дыру в стене здания. Однако тот продолжал бить, и вот слетела первая доска. На лекциях по архитектуре Гранту рассказывали о мошенниках, использовавших при строительстве непрочные материалы – такие же, как и эти доски, судя по звуку сделанные явно не из здоровой сухой древесины. Когда наружу улетела вторая планка, Грант предположил, что гвозди здесь заменили жевательной резинкой, и решил не забивать себе этим голову. В промежутке виднелась ночная тьма, в ней ледяной ветер кружил снежинки – мало похоже на весеннее солнце, которое он в глубине души рассчитывал увидеть. Ни секунды не колеблясь, воин глухо вздохнул, присел у края дыры и выпрыгнул наружу.

С трудом балансируя на балке, Грант глядел в темноту, не сулившую ничего хорошего. Впрочем, от нерешительности не осталось и следа, когда он получил палкой по ноге. Остаться – значит принять недостойную и крайне мучительную смерть от озверевшей толпы. Подобной участи он предпочел бы любую другую. Неверной походкой добравшись до конца балки, он неуклюже попытался присесть, как до этого воин, а потом вывалился в холодную снежную тьму.

### III

Снаружи у стены намело такой сугроб, что Гранту пришлось побарахтаться в нем, прежде чем удалось выбраться.

Никогда еще он не чувствовал себя столь отвратительно. Болело все тело, покрытое синяками, свисавшие с шеи окорока казались отлитыми из свинца, одежда промокла от тающего снега, а несомые ледяным ветром снежинки больно кололи лицо.

Вокруг ничего нельзя было разглядеть – лишь тьма и холод. Где-то впереди раздался крик, и Грант заковылял на него. Снег доходил до пояса, ветер пронизывал насквозь тонкую ткань свадебного костюма. Преодолев несколько ярдов, он обнаружил нечто вроде тропы – здесь прошли люди, слегка примяв снег. Он подпрыгнул от испуга, когда за него ухватилась чья-то рука.

– Иди за мной, приятель, и не потеряй окорока, иначе перережу тебе тощее горло.

Воин двинулся вперед, прокладывая узкую канавку в глубоком снегу, и Грант поспешил следом.

На нем были черные туфли с острыми носками, дорогие, блестящие, – по крайней мере, такими они выглядели, когда Грант видел их в последний раз. Сейчас он не мог их разглядеть, зато отлично чувствовал. Они идеально подходили для танцев или свадеб, но для ходьбы по снегу совершенно не годились. Грант пробирался сквозь снежные заносы, страдая от жалости к себе.

Он хотел было попросить шедшего впереди о небольшой передышке, но в голову пришла жуткая мысль, что остановиться – значит замерзнуть насмерть, и лишь она одна вынуждала его переставлять онемевшие ноги. Грант следовал за воином, сперва рассчитывая, что тот в конце концов приведет в дом или другое теплое место – вряд ли его самого радует путешествие по адской зимней равнине, – но вскоре перестал надеяться на благополучный исход. Лишь шагал за движущейся тенью, словно она символизировала постоянно ускользающее тепло.

Небо уже светлело, вокруг проглядывали заснеженные просторы. Казалось, даже свет причинял боль его онемевшим, почти превратившимся в ледышки нервам.

В рассветных сумерках по обеим сторонам виднелись деревца. Чем дальше, тем они выше и толще, и наконец путники очутились в густом лесу, где уже не дул пронизывающий ветер, а на земле лежал лишь тонкий слой снега. Грант шел за воином в варварских доспехах, и разум постепенно оттаивал, появлялись вопросы, на которые не было ответов. Так продолжалось, пока не кончился лес, пока не осталось ничего, кроме убийственной стужи и глубокого снега.

Закрыв глаза от ветра, Грант пытался ни о чем не думать и ничего не чувствовать. Они брели по какой-то колее – возможно, проложенной под снегом дороге, – а потом по поросшему деревьями склону. Воин зашагал быстрее, и Грант нагонял его, поскольку идти под уклон было легче. Дувший в спину ветер поторапливал, будто холодное копьё кололо в спину.

Впереди, в укрытой от ветра впадине, мерцал костерок. Грант впервые понял, что они наконец достигли цели своего путешествия, когда раздался хриплый окрик:

– Кто?!

Послышался скрежет извлекаемого из ножен меча.

– Акер Амен и пара окороков. Посторонитесь, лентяи! Пустите к огню!

Воин вышел к костру, Грант нетерпеливо следовал за ним. Прежде чем он успел протянуть руки к манящему теплу, человек с мечом прыгнул вперед и схватил его за перед рубашки.

– Акер, это не Бегильн! Что с ним случилось и кто этот хлюпик с мясом на шее?

Акер Амен встал у самого огня, чтобы побыстрее согреть промокшие ноги, и нахмурился:

– Бегильн дурак, и теперь он мертв. Я тоже был бы мертв, если бы не появился этот чужак, и нам вместе удалось сбежать из поганого логова. Оставь его.

Мечник отпустил Гранта, и тот без сил опустился на землю. Один из окороков плюхнулся в грязь рядом с Акером, который снял с пояса кинжал, отрезал кусок мяса и начал задумчиво жевать – вероятно, размышляя о недавней схватке. Презрительно фыркнув, он ткнул кинжалом в сторону мечника.

– Оставь его, Грайф. Послушай лучше, какая нелепая смерть постигла Бегильна. Мы сидели в кабаке и допивали третью или четвертую бутылку. Местные жители все как один грязные тупые уроды, они и на людей-то не похожи, сущие звери. Их ничто не заботит, кроме вонючего бога Н’тиг’ты – страшилища с большущим брюхом и пустой башкой, куда они кладут подношения. Там повсюду расставлены кумирчики, приходится под ноги смотреть, как бы не сшибить божка ненароком.

Грант со стоном повернулся к огню другим боком.

– В общем, сидим мы, выпиваем-закусываем. Бегильн и впрямь дурак, если не соображал, что к чему, – он ведь там уже бывал. Знаешь, что учудил? Сидел, жевал траву, а потом взял и плюнул – я даже остановить его не успел.

У Грайфа, второго воина, от удивления отпала челюсть.

– Не может быть!

– Да! – рявкнул Акер. – Он принял идола за смешную такую плевательницу. Ну и харкнул в черепушку, и тут эти изуверы в меховых штанах поднимают такой рев, что за десяток лиг слышно. Пришлось нам схватиться за мечи и подраться чуть ли не со всем проклятым селом. Бегильна прикончили, а мне удалось дать деру.

– А этот? – Грайф кивнул в сторону скорчившегося на земле Гранта. – Что ты собираешься с ним делать?

Акер отрезал еще мяса.

– Ничего я с ним делать не собираюсь. Он просто оказался рядом, вот я и захватил его с собой, чтобы тащил окорока. Мне хотелось, чтобы рука с мечом оставалась свободной. Собственно, я даже не знаю, кто он такой. – Он ткнул Гранта здоровенным, дюйма три длиной, пальцем под ребра. – Эй, ты вообще кто?

Грант с трудом открыл один глаз, пытаясь собраться с мыслями.

– Меня зовут Грант О’Рейли, я студент Колумбийского университета. Я просто... просто стоял... когда...

Он запнулся, пробуя описать, что с ним случилось, и голова снова упала на грудь. Прыцавый парень лет шестнадцати, до этого державшийся позади, метнулся вперед, крича:

– Вы слышали? Студент! Студент-маг, вот кто он такой! Я перережу ему горло, выпью кровь, заберу одежду и...

Схватив Гранта за волосы, парень закинул его голову назад и достал выдавший виды кинжал. Акер сильным пинком повалил юнца в снег.

– Ты будешь делать только то, что я тебе велю: таскать вещи и готовить еду. Оставь его в покое. Даже если это студент, он умеет драться, в отличие от тебя.

Парень попятился, шмыгая носом, потирая ягодицу и бросая зловещие взгляды на Гранта. Тот не обращал внимания – он уже засыпал.

Всю ночь в обрывках сновидений ему являлись картины бегства и сражения с толпой, в которые влеталось услышанное от Акера Амена. И постепенно, словно парализующий душу

холод, приходило понимание, что эти люди разговаривали и поступали так, словно иного образа жизни отродясь не вели и никогда не допускали возможности его существования. Каким бы образом ни оказался здесь Грант, его мир – мир денег, кондиционеров, теплых постелей, быстрых автомобилей, полиции и медицинской помощи – теперь невероятно далек, может быть, он на другом конце Галактики, и вряд ли есть шанс туда вернуться.

Воспоминания о цивилизации и комфорте, как и надежда на спасение, постепенно угасали, пока не стали казаться лишь несбыточными фантазиями.

Юнец залил костер водой, и шипение пробудило Гранта от тяжелого сна.

Снова шел снег.

Грант чувствовал себя полностью разбитым. Все мышцы страшно болели, члены онемели настолько, что он едва мог пошевелиться. Он лежал лицом к огню, а спина околела, ноги были мокры, из носа текло. Сев у дымящегося кострища, Грант попытался собраться с мыслями. Возможно, он в каком-нибудь диком уголке, на Аляске или в Гренландии. Возможно...

Обхватив руками колени и опустив на них подбородок, он уставился на изуродованные туфли. Для него это была не просто обувь, а символ, продукт цивилизации, элемент упорядоченного мира. Одна безумная ночь – и этого мира не стало, а вместе с ним исчезли безопасность и комфорт. Туфли превратились в лохмотья, сквозь которые виднелась синяя кожа – его собственная. Утерев нос рукавом пиджака, он горько всхлипнул.

Все так же падали со свинцово-серого неба белые хлопья, издавая едва слышный шелест. Грант встряхнулся, сбросив со спины снег. Вдруг стало ясно, почему погасили костер – его оставили одного.

Забыв о боли и усталости, вновь охваченный желанием выжить, он вскочил на ноги, оскальзываясь в грязной жиже. Поляна была пуста.

– Акер! – закричал Грант срывающимся от ужаса голосом. – Акер Амен! Э-э-эй!

Казалось, будто он кричит в море птичьего пуха. Обежав вокруг поляны, Грант заметил ведущие за деревья следы. Отпечатки ног были свежими, но их уже заметало. Грант пошел по следу, зная, что это его единственный шанс выжить в холодной глуши. Акер наверняка ему поможет, должен помочь. Впервые Грант понял, насколько беспомощен он сам. Если не найдет людей, к ночи он будет мертв.

Он продирался через лес, то и дело спотыкаясь и падая. Добравшись до небольшого подъема, понял, что оказался на той же колее, которая привела ночью к поляне. По склону вдаль поднимались три нечетких силуэта. Услышав его крик, люди остановились. Грант бросился к замыкавшему группу Акеру.

– Вы не можете уйти... а меня бросить! Возьмите с собой!

Акер Амен поправил пояс с мечом и равнодушно взглянул на Гранта.

– Зачем?

Грант раскрыл было рот, но не смог придумать, что сказать. Ответа на сокрушительный вопрос просто не существовало. Зачем этим людям ему помогать? Он понимал, что апеллировать к человечности или дружбе совершенно бесполезно. Здешнее общество основано на иных принципах. Мысли лихорадочно сменяли друг друга. Предложить помощь самому? В бою от него проку не будет, минувшая ночь ясно показала Амену, что воинских навыков у чужака нет. Впервые за свою двадцатипятилетнюю жизнь Гранту захотелось променять ум на силу и позабыть о том, что он цивилизованный человек.

Но пусть он и слаб, все равно может пригодиться.

– Я понесу ваши вещи...

Грант умолк, заметив, что у Акера и Грайфа, кроме оружия, ничего нет, если не считать увесистых поясных кошельков. Акер ответил на его немой вопрос, ткнув пальцем в сторону.

Пробегая мимо парня, Грант был настолько охвачен паникой, что не заметил его пошу. Теперь же он увидел гигантский тюк, увешанный котелками, мешками и свертками и увенчан-

ный краденым окороком. Этот чудовищный груз отнимал у юнца все силы; сейчас он сидел на пригорке, тяжело дышал и злобно глядел на чужака.

Носильщик в маленьком отряде уже был.

Акер Амен повернулся и двинулся дальше, но внезапно остановился, наклонив голову. В то же мгновение Грант услышал отдаленный рокот, похожий на приглушенный барабанный бой.

– Всадники! В лес! – крикнул Акер, бросаясь в кусты. Грант ошеломленно замер, оказавшись на пути Грайфа; тот столкнул его в глубокий снег и скрылся за деревьями.

Носильщик не успел покинуть дорогу до того, как появились всадники. Гранту удалось разглядеть лишь одного из них – женщину с длинными развевающимися светлыми волосами и в золоченом нагруднике, – когда они вылетели на дорогу. Издав хриплый вопль, женщина наклонилась в седле и с размаху нанесла удар мечом. Юнец упал точно подкошенный, сорвавшийся окорок полетел в одну сторону, голова убитого – в другую. Из перерубленной шеи хлынули струи густой крови, окрашивая снег в алое.

Двое воинов вновь появились на обочине, выкрикивая проклятия вслед всадникам. Издали донесся звонкий девичий смех, и ругательства зазвучали громче. Грант выбрался из холодных объятий снега, торопясь стряхнуть с себя налипший, прежде чем растает.

– Эй, ты... Грант О'Рейли! Все еще хочешь идти с нами? Нужно, чтобы кто-то тащил барахло.

Акер и Грайф расхохотались, колотя друг друга по спине. Грант счел их шутку самой безвкусной из всех возможных. И все же он с трудом скрывал облегчение и радость – смерть юнца, пусть и безвременная, давала ему единственный шанс выжить.

Он стащил ляжки с неподвижного тела, пытаясь не смотреть в полные укора глаза отрубленной головы, и уже собирался взвалить на плечи тюк и двинуться дальше, когда Акер напомнил ему, что в этом жестоком мире главное – выживание.

– Можешь забрать и его одежду. Если, конечно, не хочешь остаться в том, что на тебе.

Перебарывая брезгливость, Грант последовал совету, пока Акер Амен и Грайф ждали, прислонившись к дереву и обмениваясь замечаниями. Снегопад ослаб, а затем и вовсе прекратился, пока Грант раздевал посеревший труп, снимая шкуры, державшиеся на ремнях и шнурках, и куски грязной ткани, которую тут же отшвырнул, заметив черные точки разбегающихся вшей.

Акер Амен нетерпеливо переступил с ноги на ногу, скрипнув кожей доспехов.

– Давай быстрее.

Трудно было разобраться с замысловатыми одеяниями, но в одной большой шкуре имелся вырез посередине, а когда Грант просунул в дыру голову и опоясался кожаным ремнем, с которого свисал кинжал, получилось неплохое пончо, защищавшее от холодного ветра. Внезапный зуд дал знать, что в шкуре есть и другие обитатели, но сейчас это мало беспокоило Гранта. Почувствовав себя несколько лучше, он сел на снег и сбросил с посиневших ног раскисшие туфли, шипя от боли при каждом прикосновении, а затем обулся в неуклюжие сапоги, едва сдержав ругательство.

Сапоги оказались теплыми и на удивление мягкими внутри. Грант встал, слушая, как они поскрипывают. Он понял, что это маклаки, мягкая кожаная обувь, набитая сеном, – такую носили эскимосы. В ней было куда удобнее, чем в туфлях, хотя все равно казалось, будто демоны ада вонзают ему в ноги раскаленные иглы.

Рядом с трупом на снегу лежали тряпки разной формы и величины. Неуверенно рассмотрев их, Грант намотал одну на шею вместо шарфа, а другой, широкой посередине и узкой на концах, обвязал голову на манер женского платка. Судя по хохоту Акера и Грайфа, предмет имел иное предназначение, но, по крайней мере, он не даст замерзнуть ушам.

Акер повернулся, намереваясь идти дальше. Бросив остальные тряпки возле голого безголового тела, Грант взялся за тюк.

Тот оказался достаточно тяжелым, но решение пришло быстро. Грант встал на колени и просунул в замерзшие лямки руки, а затем стал перебирать ими по стволу молодого деревца, пока не смог полностью выпрямиться, приняв вес на ноги.

К нему вернулась способность трезво рассуждать, которой он был лишен еще полчаса назад, изнывая от стужи. Холодно было и сейчас, но он мог двигаться и думать, мороз уже не сковывал его разум, и от физических усилий становилось теплее. Грант огляделся, ища поддержки, но Акер и Грайф успели скрыться в безмолвном заснеженном лесу, оставив лишь двойную цепочку следов.

Шатаясь под объемистым грузом, но уже гораздо меньше боясь, он пошел на приглушенные голоса.

#### IV

Ему пока не угрожала никакая опасность, у него было свое место в отряде, работа согревала, ноги уже не так сильно болели. Впервые за все время пребывания в этом мире он почувствовал, что желудок пуст. На ходу отрезал кусок окорока и сунул в рот, который сразу же наполнился слюной. Вскоре по телу разлилась приятная сытость. Грант наелся до отвала, хотя, не будь он так голоден, окорок наверняка показался бы ему несъедобным. Никогда еще на своей памяти он не пропускал подряд три приема пищи и не тратил столько сил разом. Поэтому жесткое, плохо прокопченное мясо показалось настоящим лакомством.

Гранта несколько озадачивали его собственные ощущения. Судя по тому, что он знал о себе и о своем здоровье, сейчас он должен падать с ног от усталости или вообще умирать, а не радоваться простой возможности поесть, не наслаждаться ослепительной белизной снега. Ему говорили, что он слаб здоровьем, что следует избегать перегрузок и лишних волнений, но вряд ли больной человек смог бы вообще поднять этот чудовищный тюк. Грант поднял его, потому что перед ним стоял выбор: или нести, или распрощаться с жизнью. Каждый шаг требовал огромных усилий, но, вероятно, напряжение помогало работать мышцам, а боль объяснялась лишь их долгим бездействием.

Почему он вообще считал себя инвалидом?

Потому, что это ему внушала мать, и потому, что у него бывали приступы.

Оскальзываясь и хватаясь за кусты, он шел по следам, которые тянулись вдоль насыпи и уводили влево, вдоль русла высохшей реки.

Это русло было настоящим кошмаром для человека, не имевшего опыта хождения по зимнему лесу. Прячущиеся под снегом корни цеплялись за ноги, ветви били по лицу, сбрасывали свой груз на голову. Гранту вспоминались эпизоды из романов Купера, в которых искусные охотники бесшумно пробирались по чаще, – и как же он завидовал литературным героям, как жалел, что сам – не один из них! Вот бы ему ходить беззвучно, по-индейски, и не уступать Акеру Амену в силе!

Гладкие подошвы маклаков скользнули по склону, и Грант позорно растянулся на снегу. Пришлось искать опору, чтобы встать, и он потерял немало минут, прежде чем смог двинуться дальше. Грант О'Рейли относился к падениям и ушибам без прежнего страха за здоровье – его гнала вперед злость на собственное нетренированное, изнеженное тело. Нужно догнать Акера Амена и Грайфа, доказать им, что он вовсе не бесполезный увалень.

Но они постоянно ускользали, хотя иногда он слышал впереди голоса. Проходили часы, и Грант вспоминал, как нежно мать заботилась о нем, как просила избегать ненужных волнений и держаться подальше от других детей. Почему он ей верил?

Наверняка виной всему были припадки, лишавшие способности соображать и двигаться. Но теперь, когда все мышцы пылали огнем, когда приходилось работать на износ, он вовсе не чувствовал себя больным. Вчера он очутился на волосок от смерти, испытал страх, какого еще ни разу в жизни не испытывал, – и при этом не было приступов, не было даже просто болезненных ощущений. Более того, ему казалось, что все его чувства обострились, а разум обрел невероятную ясность. В чем же причина прежних недомоганий?

Оскальзываясь на очередном коротком спуске по речному руслу, Грант оперся о берег и тут же свалился на бок – рука ушла в снег, что засыпал кусты и придавал им вид твердой почвы. И пока он лежал неподвижно, к нему как будто пришел ответ. Язва желудка в порядке вещей для деловых людей, ведущих сидячий образ жизни и часто подвергающихся стрессам. А дети куда больше нуждаются в физической активности, чем взрослые. Так что, скорее всего, причиной его болезни стала излишняя заботливость матери.

Разозленный подобными мыслями, Грант выкарабкался из кустов и, пошатываясь, вышел на яркий свет зимнего солнца. Скрежеща зубами, он двинулся по следам неуловимых Акера и Грайфа. Он докажет матери, что вполне способен стать таким же дикарем, как эти люди, и напрасно она пыталась сделать из него изнеженного, хилого белоручку.

Похоже, с горечью подумал Грант, воины слишком меня презирают, чтобы идти рядом.

Но они, конечно, знают, что носильщик плетется следом – его топот и треск ветвей слышны далеко.

Уловив хруст сучка впереди и бормотание, он прибавил шагу. Если удастся нагнать воинов, он попросит о передышке. Выбравшись из сухого русла на невысокий берег, Грант обнаружил сломанную ветку, но наверху никого не оказалось – лишь отпечатки ног. Спутники потоптались на месте, будто о чем-то споря, а затем двинулись дальше.

Грант последовал за ними. Лес стал реже, земля ровней, и теперь можно было идти быстрее, не отступаясь. Выйдя на широкую поляну, он успел увидеть двоих воинов, скрывающихся в лесу на противоположной стороне. Он попытался радостно закричать, но получился лишь слабый хрип.

Который, однако, был услышан. Из зарослей позади Гранта раздался грозный рык.

В этом рыке слышалась звериная сила, и у Гранта душа ушла в пятки. Из зверей, известных ему, ни один не мог так рычать – и не было никакого желания поближе познакомиться с такой тварью. Грант что было духу побежал через поляну. В зарослях за его спиной трещали ветки. На середине поляны он оглянулся, и это было его ошибкой. Споткнувшись, он растянулся на снегу и не смог собрать силы и подняться, даже когда зверь выскочил из леса.

На первый взгляд тварь походила на черного кенгуру, но на самом деле не имела с ним ничего общего, кроме мощных задних лап. Передние лапы, короткие и толстые, заканчивались кривыми белыми когтями. Вытянутая морда напоминала волчью, но была увенчана подвижными ушами с кисточками, как у рыси. Голова чутко поворачивалась во все стороны, пока зверь не остановил свой взгляд на Гранте. Чудовище снова рыкнуло, показав два ряда острых зубов, и атаковало.

Грант попытался вытащить кинжал, глядя на несущегося к нему по снегу зверя. Снять оружие с пояса удалось, но как отбиваться им от монстра, чьи когти длиннее этого клинка?

Покрытые черной шерстью лапы ударились оземь в шести футах от Гранта, зверь подобрался для последнего прыжка. Грант увидел крошечные зеленые глазки, стекающую с зубов на темный мех слюну.

Внезапно послышался глухой звук – как будто топор вонзился в дерево. Между глазами твари появилось оперенное красное древко. Лапы дернулись, громадное тело завалилось на бок, наполовину утонув в снегу.

Грант еще несколько мгновений ошеломленно смотрел в потускневшие глаза, затем быстро огляделся. Лес безмолвствовал, он казался совершенно безжизненным. Гранта вдруг начала бить сильнейшая дрожь – после тяжелого перехода навалилась усталость пополам с запоздалым страхом смерти. Чаша была полна неведомых черных чудовищ и несущих гибель стрел.

Грант с трудом поднялся на ноги, сражаясь с весом тюка, – отчего-то казалось, будто на плечи ему давят тяжелые лапы, – и, спотыкаясь и крича, побежал напролом через лес. Он наверняка врезался бы в дерево, если бы его не остановила чья-то сильная рука.

Он пытался вырваться, вопя от ужаса, и в конце концов освободился от ноши. Удара в лицо Грант не почувствовал, лишь осознал вдруг, что сидит на земле, а перед глазами рассеивается красный туман.

Потом он увидел стоящего над ним Акера Амена и понял, что жизни ничто не угрожает. Его, лишившегося последних сил, снова затрясло.

Сердито глядя на Гранта, Акер Амен дал ему крепкого пинка.

– Что за шум? Твои вопли, должно быть, слышали в Плачущих горах.

– Зверь, – тяжело дыша, выдавил Грант. – Никогда такого не видел. Черный, большой, с большущими когтями и длинными задними лапами. Он хотел...

Похоже, приметы чудовища были знакомы Акеру. Наполовину вытащив меч, он вгляделся в заросли.

– Проклятье! По нашему следу идет берлокот. За тобой охотится...

Побледнев, Грант поспешно отверг это предположение.

– Нет, его убила стрела... Отличный выстрел. Но я не видел, откуда она прилетела.

Он лежал на земле, давая телу отдохнуть от тяжкого бремени. Акер Амен, лесной житель, наверняка мог справиться с любым зверем. Перед глазами Гранта вдруг застыли ноги в меховой обуви, а затем донесся шепот воина:

– Какого цвета была стрела?

– Красного.

Подняв голову, Грант увидел внезапно проступивший на лбу Акера пот. Воин медленно взялся слегка дрожащей левой рукой за рукоять меча и извлек его из ножен полностью.

– Мы пришли с миром и уйдем с миром! – Его голос звучал громко и подчеркнуто спокойно. Казалось, будто Акер обращается к деревьям. – Мы не враги праведникам Алькахара, мы готовы пройти испытание.

Держа меч кончиками пальцев, Акер осторожно воткнул его в снег. Сделав вежливый жест, он отошел в сторону и прошипел Гранту:

– Поднимайся, безмозглый чужеземец! И не спеши. Очень аккуратно положи свой кинжал.

Грант подчинился, а когда поднял взгляд, увидел выходящих из-за деревьев людей.

## V

Они шли со всех сторон – мужчины в черных плащах с капюшонами, у каждого длинный красный лук за спиной и пучок алых стрел за поясом. Их движения были бесшумны – громче падает осенний лист, – а лица напоминали лица мертвецов: серые, бескровные, со сверкающими в темных провалах глазами.

Грант попытался прочесть в этих глазах какие-то чувства, но если таковые и были, души их обладателей давно умерли, сгнили и высохли. Как будто он смотрел в лица мумий.

Спокойный голос Акера Амена словно развеял дурной сон:

– Я померяюсь с вами силой, а мой товарищ померяется... – Он бросил презрительный взгляд на Гранта и пробормотал: – Чем ты вообще владеешь, черт бы тебя побрал? Мечом, кинжалом, дубинкой, луком?

Грант вспомнил, что обладает навыком, который может пригодиться в этих первобытных краях. В колледже он занимался стрельбой из лука – видом спорта, который считается легким. Внезапно он услышал свой дрожащий голос:

– Пожалуй, возьму лук, если только...

– Мой товарищ померяется с вами меткостью, – громко произнес Акер. – Кто примет мой вызов?

Ответа не последовало, но вперед шагнул высокий человек в черном, снимая с плеча лук и вытаскивая из-за пояса стрелы. Он откинул капюшон и показал голову, безволосую, гладкую, с безучастным выражением лица, – голова статуи с каменными глазами.

Акер сбросил на снег оружие и доспехи. Теперь он выглядел куда моложе и гибче, и Грант устыдился: ведь это, в сущности, его ровесник, а какая у него сила, какие навыки, какой жизненный опыт! Воин разминал мышцы, ощупывая противника оценивающим взглядом.

Остальные молчали, будто набрав в рот воды. В заснеженном лесу царил тишина, лишь где-то зашуршала еловая ветка, сбрасывая свое белое бремя.

Двое слегка наклонились вперед, а затем, словно жалящая змея, высокий в темном плаще метнулся к Акеру, целя растопыренными пальцами ему в лицо. Столь же молниеносно воин отбил его руку, словно отмахиваясь от насекомого, и ударил в ответ кулаком. Но выпад высокого был лишь уловкой – практически одновременно ударила другая рука, способная прикончить кого послабее. Акер охнул от боли, и его кулак скользнул по ребрам противника, развернув того в сторону. Короткий и яростный обмен ударами закончился, когда противник подсек ноги Акера. Падая, воин с кошачьей ловкостью вцепился во врага, опрокинул его и тяжело приземлился сверху.

Незнакомец в плаще сумел подняться на ноги вместе с повисшим на его спине Акером. Оба снова упали, вздымая клубы снега, и жилистые пальцы высокого потянулись через плечи Акера, ища глаза. Воин уткнулся лицом в спину противника, пряча глаза в складках капюшона, и слегка изменил позу. Мышцы его рук напряглись, рубаха начала рваться на плечах.

Несколько мгновений они лежали неподвижно, но при этом напрягали все силы. Засыпанные снегом, единоборцы напоминали мраморную скульптуру. Внезапно раздался негромкий звук, напоминавший треск сухой ветки, и Акер, тяжело дыша, поднялся на ноги, оставив на снегу бездыханное тело со сломанным позвоночником.

Грант испуганно огляделся вокруг, но зрители оставались бесстрастными, не выказывая ни скорби по погибшему товарищу, ни желания отомстить.

Неожиданно кто-то сунул в руки Гранту лук и шесть стрел. Он тупо смотрел на оружие, пока не услышал яростный шепот Акера Амена:

– Стреляй, придурок! Попади во что-нибудь маленькое. Их человеку придется стрелять так же метко.

С тяжело бьющимся сердцем Грант сунул пять стрел за пояс и положил одну на тетиву. Лук показался чересчур тяжелым и неприкладистым. Неплохо бы сделать несколько пробных выстрелов, но такой возможности, конечно же, у него не было. Руки все еще дрожали, но Грант надеялся, что сумеет натянуть тетиву. Оглядевшись, он заметил белый шрам на темном стволе высокого, похожего на дуб дерева – вполне подходящая мишень.

Тетива была очень тугой. С немалым трудом Грант оттянул ее на всю длину стрелы и отпустил – с ужасом увидев, что промахнулся на целых шесть футов.

Стрела продолжала полет, снижаясь, и ударилась о дерево десятью ярдами дальше, угодив в короткий побег и пригвоздив его единственный лист к коре. Будь это мишенью Гранта, он счел бы свой выстрел отменным, с учетом большой дистанции.

Люди в плащах повернулись, следя за полетом стрелы, и не увидели, как он вздрогнул, переживая свой промах. Уже в следующий миг постарался вести себя как ни в чем не бывало, несмотря на гневно сдвинутые брови Акера. Воин понял, чего стоит Грант как стрелок.

К Гранту подошел один из праведников Алькахара и откинул свой капюшон. Череп был гладко выбрит, бледную кожу усеивали крестообразные ранки. Они располагались на равных расстояниях, и Грант с содроганием понял, что незнакомец нанес их себе сам.

Послунив палец, праведник узнал направление ветра и расставил ноги пошире. Несколько мгновений он оценивал расстояние и мишень, затем молниеносно натянул тетиву и отпустил ее. Стрела пронеслась алым размытым пятном на фоне свинцового неба, взмыв, а затем спикировав. Она ударила в стрелу Гранта и расщепила ее пополам.

– Робин Гуд, – насмешливо пробормотал Грант, хотя у него внутренности сжимались от страха.

Теперь противнику предстояло стрелять первым, и Грант не надеялся, что ему удастся превзойти такого меткого и уверенного в себе стрелка, как этот человек с ранками на голове.

Противник наложил на тетиву новую стрелу и постоял в расслабленной позе, пока один из его товарищей что-то высматривал в низкорослом подлеске.

Кто-то выдернул стрелы из-за пояса Гранта. Обернувшись, он с удивлением обнаружил рядом Акера, который сосредоточенно разглядывал стрелы, склонив голову набок.

– Похоже, тебе дали кривые. Ну-ка, ну-ка...

Он еще ниже склонился над стрелами, и что-то блеснуло в его руке. Прикрывая одну стрелу остальными, Акер натирал ее чем-то светящимся и шептал. Грант сумел разобрать слова:

– Пусть остр твой будет глаз, попадешь ты в цель сейчас...

Выпрямившись, Акер протянул стрелу Гранту:

– Бери. Вроде эта самая прямая.

Взглянув на нее, Грант не удержался от улыбки. Варвар пытался ему помочь, как умел. Акер нацарапал на плоском металлическом наконечнике изображение глаза, покрыл его краской и даже пробормотал над ним заклинание. Крошечный зеленый глаз смотрел на Гранта в ответ.

А потом глаз медленно моргнул и посмотрел в сторону.

Грант вздрогнул и едва не выронил стрелу, с нарастающим ужасом осознавая, что древко слегка шевелится в его руке. Острые дергалось туда-сюда, словно нос взявшей след гончей.

В кустах послышался какой-то шум, и Грант перевел взгляд, радуясь возможности отвлечься. В тускло-серое небо взмыла вспугнутая стая маленьких, но жирных птиц. Противник Гранта натянул тетиву и плавно ее отпустил. Свистнула красная стрела, и одна птица рухнула наземь, пронзенная насквозь. Взгляды всех обратились к Гранту.

Как будто он и сам теперь смотрел на себя со стороны. Стрела легко улеглась на лук, который изогнулся словно по собственной воле. Грант даже не успел толком прицелиться, как его пальцы отпустили тетиву, и стрела понеслась ввысь.

Дальше произошло нечто необычайное – стрела повернулась на лету и пронзила бегущую по ветке белку. Грант потер глаза, убеждаясь, что ему не померещилось, а когда снова поднял голову, стрела торчала из ветки вместе с насаженными на нее тремя тельцами. Он победил со счетом три – один.

Послышался жуткий, нечеловеческий вопль – в нем будто слились крик раненой кошки, надрывный вой койота и трубный рев слона; ко всему этому примешивались рыдания, плач и проклятия. Люди в черных плащах выли, запрокинув головы и широко, по-звериному, разинув рты. Грант упал на колени и закрыл глаза руками, ожидая, что на него обрушится град стрел.

Вой внезапно смолк. Осторожно убрав руки от глаз, Грант увидел, что поляна опустела, лишь кое-где еще шевелились кусты. Мертвеца унесли. О присутствии праведников Алькахара

напоминали только его отчаянно бьющееся сердце и крепко сжатые в побелевших пальцах лук и стрелы.

Акер Амен тоже почувствовал ужас, которым был наполнен их последний вопль. Он вынул меч из снега и, бурно ругаясь, вытер клинок досуха. Грант подошел к брошенному тюку и без сил опустился на него. Свой поток брани Акер обрушил на Гранта:

– Безмозглый, криворукий, тупоголовый недоносок! Не учини ты суматоху с берлокотом, эти алькахарские маньяки нас вообще, может быть, не услышали бы. Мало того, из-за твоей отвратительной стрельбы мне пришлось потратить хорошее климейское заклинание! Гррр... – Ругань сменилась гневным рычанием.

Застегнув на себе доспехи, Акер собрался было уйти, но остановился, яростно глядя на Гранта, который устало и без особого энтузиазма пытался поднять тюк.

– А ну, вставай! Нужно выбраться из леса дотемна.

Акер не сказал, почему нужно, но Грант и не нуждался в объяснениях. Он уже был сыт по горло лесными приключениями. Подняв руку, в которой сжимал лук и стрелы, он вопросительно посмотрел на воина.

– Оставь себе, – буркнул Акер. – Считается, что ты их выиграл.

Грант сразу ощутил, как обретенное оружие придает ему уверенности. Он снял с лука тетиву и сунул его вместе со стрелами в тюк, после чего взвалил гигантский груз на плечи и нагнал Акера у края поляны, на ходу поправляя ношу.

Внезапно он понял, что с ними нет Грайфа, причем уже давно.

– Где Грайф? – прохрипел Грант.

– Мы были на тропе, когда я услышал твой шум и вернулся. Должно быть, он ушел вперед и ждет нас. – Затем Акер добавил, словно произнося мрачную молитву: – Если достаточно далеко ушел, он им не попадет.

Пять минут спустя за поворотом тропы они увидели Грайфа, который лежал ничком, вытянув руку и вонзив пальцы в снег, – чудовищная подушка, утыканная столь же чудовищными красными иголками. Из его спины и ног торчало не меньше двух десятков стрел.

– Дурак. Видимо, пытался бежать. – Акер обошел тело по широкой дуге, таща за собой Гранта. – Не приближайся к нему, иначе будешь выглядеть так же. Мертвецы для алькахаров – величайшая ценность, – проворчал он и добавил: – Их едят.

Едва усаженный стрелами труп скрылся из виду, Грант оперся о дерево, чтобы расстаться со съеденным недавно мясом.

## VI

Они шли еще несколько часов. Акер злился и подгонял Гранта словами и пинками, но в конце концов сдался и зашагал медленнее, то и дело неслышно уходя вперед, чтобы разведать дорогу.

Уже в сумерках они приблизились к краю леса. Деревья внезапно закончились у обрыва – отвесной гранитной стены, вдоль которой нитью извивалась тропинка; в одном месте она расширялась в зеленый, поросший деревьями уступ, а затем снова сужалась. Внизу простиралась долина, покрытая полями и лугами, а вдали поднималась полоска дыма – там явно жили люди.

Акер и Грант двинулись по тропе, покинув лес праведников Алькахара.

Дорога была не столь опасной, как казалось издали, – похоже, ее проторили много веков назад, но по ней все еще можно было пройти, а на самых сложных спусках были вырублены ступени. Свежий ветер сдувал с идущих снег, и Грант сосредоточился на том, чтобы удержать равновесие, не потерять тюк и не свалиться с крутого обрыва.

На полпути вниз встретилась небольшая пещера. Ее стены были закопчены, в снегу виднелись головешки, – видимо, путники останавливались здесь нередко. Пока Грант со стоном

освобождался от клады, Акер прошел вперед, к поросшему деревьями уступу, и оттуда прилетели звуки разрушаемой древесины. Длинный меч годился для многих целей.

Стоило остановиться, как тяжело доставшееся тепло сразу же улетучилось. Грант запрыгал на месте, дую на онемевшие пальцы.

Вскоре вернулся Акер с охапкой сухих веток. Утопав небольшую площадку возле стены, где камни скрывали свет костра, он уложил хворост конусом, настрогал горку щепок и извлек из кошелька металлическую коробочку. Грант решил, что там кремень и огниво, но, к его удивлению, Акер вытряхнул на ладонь оранжевую ящерицу. Вялое от холода существо медленно приподняло веко, затем, явно недовольное, снова закрыло глаз и попыталось свернуться в клубок. Акер расшевелил питомицу пальцем и придвинул к ней пучок стружки. Похоже, необычное угощение обрадовало рептилию: вновь открыв глаза, она жадно проглотила древесину. Акер отколол несколько щепок подлиннее, величиной с зубочистку.

Грант страдал от холода, не видя никакой связи между игрой с питомицей и разжиганием столь желанного огня. Ящерица, поужинав, снова вознамерилась заснуть. Акер поднес ее поближе к горке щепок и сдавил хвост. Рептилия возмущенно закатила глаза и изрыгнула огненное облачко. Акер сунул ее обратно в коробку и подул на занявшийся хворост.

Грант почувствовал, как у него отваливается челюсть. Вспомнилось, что в сказках он читал про подобное существо – мифическую ящерицу, питающуюся огнем.

– Саламандра! – пробормотал он.

– Угу, – буркнул Акер, продолжая раздувать костер. – Весьма полезная зверушка.

С заходом солнца снегопад прекратился, ветер утих. Костер шипел и трещал, отбрасывая мягкий свет на каменную стену. В животе у Гранта довольно урчало. Он выковырял кусочек хряща из зубов грязным пальцем, удивляясь своему отменному самочувствию. После тяжелейшего перехода он наслаждался отдыхом, прихлебывая кислое вино из заплесневелого кожаного бурдюка.

Открыв коробочку с саламандрой, он подразнил существо веткой. Рассерженная ящерица плюнула красным огнем, но Грант вовремя успел убрать пальцы. Чтобы успокоить ее оскорбленные чувства, предложил несколько вкусных щепочек. Ящерица с удовольствием сжевала дерево и выпустила из ноздрей струйку дыма.

Маленькая саламандра символизировала все свалившиеся на него хлопоты. По законам реальности она просто не могла существовать – как и эти странные люди с их невообразимыми обычаями, как берлокот, как магия, которую применил к стреле Акер. Либо Грант свихнулся и этот мир – лишь порождение его больного рассудка, либо его каким-то невероятным образом перенесло сюда из его собственного мира, где бы ни находилось это «здесь».

– Акер, что это за страна?

– Тер-Клосскрасс, независимое свободное государство тирана Хельбиды, Натунланд. А в чем дело – ты заблудился, что ли?

– В каком-то смысле. – Грант возобновил чистку зубов ногтем.

Названия ничего ему не говорили. Названия... Они совершенно не похоже на английские, но ведь Акер изъясняется на превосходном английском. Ну, может, и не на превосходном, а на примитивном. Возможно, в этом и кроется ключ к разгадке.

– Акер, как так получается, что ты говоришь на отменном кстилпорфе... в смысле, хиюпмерте...

Грант замолчал, утирая со лба внезапно выступивший пот. Акер, точивший меч, поднял слегка удивленный взгляд.

– Как так получается, что я говорю... на чем?

Грант очень хорошо понимал, что за вопрос ему хочется задать. Английский язык, язык наших отцов, Шекспир, литературные курсы в Колумбийском университете. Английский язык. Нужно лишь произнести помедленнее... АНГЛИЙСКИЙ!

– УЗКИННП!

– Дай-ка лучше бурдюк с вином. Похоже, тебе нужно поспать.

– Нет-нет, Акер, погоди! Ты никогда не слышал про... мою страну? Ее столица – Рти-идбкс, я живу в... – Грант этого не произносил, не хотел этого слышать. Он понял, что выговорит нечто чудовищное, нисколько не похожее на «Нью-Йорк». Что это, амнезия? Тут его осенило: а что, если это вовсе не английский? – На каком языке мы разговариваем?

– На верхненатунском, разумеется. Ты что, дурак? Или прикидываешься, будто не знаешь, как называется твой родной язык? Я же знаю, ты тут родился – у тебя нет акцента, как у меня. – Он гулко ударил себя кулаком в грудь. – Я из племени ининов. Меня украли торговцы, когда я был мальчишкой. Потом я их убил и стал свободным воином. Тогда я и научился натунскому, но акцент остался. А у тебя его нет.

Грант О'Рейли знал, что родился вовсе не здесь. Теперь он не сомневался, что «здесь» – даже не его родной мир, а какой-то совсем другой, в ином времени и пространстве. Насчет деталей он был не слишком уверен – очень уж давно читал Лавкрафта, – но эта версия казалась наиболее разумной.

Она также объясняла проблемы с языком, а вернее, отсутствие таковых. Он говорил на языке этого мира, но здесь не было его заслуги. Это как если настроить радио на другую станцию: те же лампы и прочие детали, но прием идет на другой частоте, и слова получаются тоже другие. Вот и Гранта словно перенастроили с его родного мира на этот. Лексических соответствий понятиям «английский язык» и «Нью-Йорк» здесь не существовало, лишь абстрактные представления в его мозгу. И все это здорово сбивало с толку.

От вина и тепла у него отяжелела голова. Вытащив из мешка нечто похожее на побитую молью медвежью шкуру, он закутался в нее и лег, но хотелось задать еще один вопрос. Грант поднял голову и открыл глаза.

– Акер, кто были эти люди в лесу?

Воин издал горловое рычание, словно большой кот, и сплюнул в огонь.

– Алькахарские упыри! Проклятие грязных чашоб. Они испытывают всех путников, которые попадают им в руки, и едят не выдержавших испытания. Это как-то связано с их верой. – Он снова плюнул, словно пытаясь избавиться от неприятного привкуса. – В долине они тоже есть, но завтра мы покинем их землю.

Героическим усилием воли отгоняя сон, Грант завернулся в шкуру так, что наружу торчал только нос, а затем уснул как убитый.

## VII

Утром шел дождь. Его струи, сбегавшие над входом в небольшую пещеру, превращались в длинные мокрые сосульки, которые с треском отваливались, уступая голый каменный свод для следующих.

Костер погас, и камень давно остыл. Сырость пробралась сквозь ветхую шкуру, и Грант с трудом открыл глаза, увидев серое рассветное небо. Он попытался снова заснуть, но Акер услышал его шевеление, и меткий пинок угодил в самую чувствительную часть замерзшего тела.

– Встань и разведи костер.

Голос звучал приглушенно, но смысл приказа был вполне ясен. Со стоном Грант выбрался из-под шкуры, размял онемевшие конечности. Саламандра обожгла ему палец, и он в отместку прищемил ей хвост. Найдя в расщелине пещеры полено, уронил его себе на ногу

и минут десять ругался. Но все же костер наконец занялся, и Акер Амен, присев возле огня, разогрел ломоть окорока. Грант последовал его примеру, затем снова завернулся в шкуру, радуясь непогоде. О том, чтобы выходить под ледяные потоки, не могло быть и речи. Грант вдруг подумал: а если бы не дождь, смог бы он сейчас поднять тук и пойти? И тут же ответил себе: да какое там!

После завтрака Акер, напевая воинственную песню, счистил с шипов своей дубины засохшую кровь и волосы, а потом поделился некоторыми воспоминаниями о черепахах, которые это оружие сокрушило. Дождь не унимался, и Акер возился с остальным своим имуществом. Слушая связанные с ним истории, Грант решил, что жизнь свободного воина похожа на жизнь бандита. Рассказы Акера были достаточно легкомысленными, но по цивилизованным понятиям казались крайне зловещими.

Подобравшись ближе к огню, Грант плотнее закутался в шкуру. Все мышцы нещадно ныли, и хотя он сам рисковал поджариться, как тот ломоть окорока, его продолжала бить дрожь.

– Ты что, заболел? – Акер пристально посмотрел на него.

Грант отделался ложью, которую сочинил, чтобы оправдать свои неудачи, – хотя сам считал ее более чем наполовину правдой.

– Нет, просто немного не по себе. Слабость. Я... долго был в плену, растерял силы. – Он помолчал, слегка стыдясь, но в то же время радуясь уважительному вниманию Акера Амена, а потом с тревогой добавил: – Не понимаю, почему я весь дрожу. Мне не холодно.

– Кровь застоялась, – небрежно заметил Акер. – Если не будешь двигаться, к утру ооченеешь как бревно. – Усмехнувшись, он потянулся к ветке из уменьшающейся груды хвороста. – Когда сходишь за дровами, немного потренируемся с мечом.

Под протестующий скрип каждого сустава, словно у ржавой куклы, Грант выбрался из-под шкуры и отправился искать топливо. Когда он вернулся, промокший насквозь, Акер приветствовал его ударом подоженной палки и протянул другую, велел защищаться. Воин откровенно забавлялся, нанося Гранту медленные удары и глядя, как тот неуклюже пытается парировать или уклониться.

Так прошел день. Возможно, именно дождь дал Гранту шанс выжить – он шел и на следующий день, который молодой человек провел, попеременно дремля у костра, собирая дрова или слушая с раскрытым ртом добродушные повествования Акера Амена о воровстве, разбое и смерти. Шок от холода и накопившаяся за два предыдущих дня усталость постепенно отпустили, уже не была дрожь, исчезли слабость и онемение в мышцах. Он не помнил, чтобы когда-либо ел столь жадно, пытаясь заполнить мясом ненасытную пустоту в животе.

Уже на утро второго дня мышцы на его ширококостном теле начали расти, с радостью реагируя на долгожданные физические нагрузки. Ужасно хотелось есть и спать, но приходилось собирать топливо для костра и учиться рукопашному бою. Он заработал немало мелких ссадин на голове и шее под громогласный хохот Акера Амена, пока не научился отражать внезапные удары факела. Мало-помалу он осваивал приемы фехтования на мече. Не привыкшие к подобным усилиям мускулы требовали дополнительного питания.

Вечером второго дня Грант и Акер доели окорок, закусив белкой, которую Грант подстрелил из лука. Дождь прекратился, слышалась редкая капель. Температура воздуха понижалась.

– Завтра уходим, – проворчал Акер, кладя рядом с собой меч.

После дождя на охоту могли выйти ночные хищники.

– Куда пойдем? – донесся из-под теплой шкуры приглушенный голос Гранта.

Акер поднял голову, в глазах блеснуло пламя костра.

– На войну, конечно, куда же еще? Там хорошо. Вино и кровь. Убей или умри. Ведь правда здорово?

Вряд ли он мог бы лучше выразить свою варварскую философию.

– Угу, здорово, – криво усмехнулся Грант. – Жить ради того, чтобы умереть... – И с этими словами он провалился в сон.

Костер затрещал и погас. Слышалось лишь шуршание прелой листвы на деревьях. Облака унес ветер, и на студеном зимнем небе заблистали алмазами звезды.

Утро выдалось ясное и холодное. Грант впервые встал без понукания и, зябко дрожа, развел костерок, оторвав дрова от заледевшей поленницы. Акер сел и, напевая боевую песню, начал облачаться в доспехи и увешиваться оружием.

Грант посмотрел на Акера, упаковывая содержимое гигантского тюка. Вид орудий убийства и воспоминания о прошедших четырех днях заставили его задуматься. Едва ли стоит опять навьючивать на себя тяжелейший тюк ради того, чтобы попросту убивать или быть убитым. Если расстаться с Акером Аменом, больше не придется тащить этот груз.

Почему-то эта мысль не вдохновила – воин нравился Гранту, да, похоже, он и сам нравится воину; грубое же отношение со стороны Акера являлось по меркам его народа чем-то вроде добродушного покровительства.

Управившись со своим смертоносным арсеналом, воин затоптал костер.

– Пошли.

Грант откашлялся, стоя рядом с мешком.

– Э... Акер, я лучше попробую жить по-другому... В смысле, я не слишком хороший боец. Не гожусь тебе в помощники.

Похоже, его с таким трудом принятое решение не произвело ни малейшего впечатления на Акера. Воин просунул гигантскую руку в лямку тюка и с легкостью закинул его на плечо.

– Что ж, прекрасно, остерегайся только берлокотов. И праведников. В лесу их полно. А если выберешься из леса, не приближайся к крестьянам – они не любят чужаков. Когда ловят беднягу, сажают его в поле на большой острый кол – хорошее получается пугало.

Последние слова удалось расслышать уже с трудом – Акер быстро уходил по тропе. Грант, обладавший богатым воображением, поспешил следом. Обернувшись на его оклик, воин сбросил мешок и при этом даже не замедлил шага. Застонав про себя, Грант накинул лямки на натруженные плечи и с удивлением обнаружил, что груз не так тяжел, как он ожидал. Возможно, причиной тому Акер, весьма рельефно описавший альтернативу совместному походу, но, скорее всего, дело в съеденном до крошки окороке. Гранту показалось, что Акер широко улыбается, хотя виден был лишь его затылок.

Извиваясь среди деревьев, тропа снова вывела их на край обрыва и пошла под уклон, в сторону зеленой долины. У последнего поворота Акер насторожился.

– Попахивает засадой. Пойду гляну, что там внизу.

Грант остановился, взяв на изготовку лук. Акер подполз к краю обрыва и долго смотрел вниз, затем вернулся и, ни слова не говоря, спустился чуть ниже по тропе, за поворот.

Сбросив со спины тюк, Грант расправил затекшие плечи. Внизу как будто ничего подзрительного, все тихо. Но Акер снова вглядывался туда, остановившись на небольшом уступе. Зевнув, Грант машинально повернул голову на какое-то движение справа – и замер, увидев выходящего из пещеры громадного берлокота.

Зверь пока не заметил людей, но Грант видел, как шевелятся его нос и усы – монстр явно принюхивался. Снизу, с тропы, долетел лязг металла. Уши прыгнули, берлокот одним прыжком перенесся на край обрыва. Акер стоял на уступе двадцатью футами ниже, широкой спиной к хищнику – легкая добыча.

Грант неслышно поднял лук, лапы зверя напряглись для прыжка. Расстояние было малым – звон тетивы и глухой удар стрелы слились в один звук. Кот взвизгнул от боли – стрела пришила его переднюю лапу к груди, когда он уже был в воздухе.

Глазам Гранта предстал прекрасный пример рефлексивных, необходимых для выживания в этом варварском мире. Едва зазвенела тетива, голова Акера резко дернулась вверх, а услышав

воплъ кота, великан в кожаных доспехах отскочил назад с мечом в руках, готовый отразить любое нападение.

Если бы кот достиг Акера, меч пронзил бы его насквозь. Однако изменить направление прыжка зверь уже не мог. Рыча, корчась и выпуская когти, он пролетел над воином, зацепился здоровой лапой за край обрыва и с пронзительным воплем сорвался. Затрещали кусты под натиском катящегося тяжелого тела.

Акер вытер рукоять меча, убрал его в ножны и посмотрел на спутника с заметным уважением.

– Неплохой выстрел, Гранто.

И, жестом позвав за собой, двинулся дальше по тропе.

Они осторожно спускались в направлении деревьев, понимая, что где-то рядом мог красться раненый кот. Снова пошел снег, и вскоре все вокруг покрылось белой пеленой. Лес закончился, путники поднялись по насыпи на разбитый колесами телег проселок, который уходил в поля мимо каменного дома с земляной крышей.

Грант с опаской смотрел на дом. Подозрения оправдались, из двери выбежали четверо бородачей, а за ними женщина. Выкрикивая ругательства, они размахивали зловещего вида цепями и косами. Грант попятился, но Акера эти люди как будто нисколько не напугали и не заинтересовали – он спокойно стоял с усталой усмешкой.

Когда оружие мужчины оказались в нескольких ярдах, он выхватил меч и издал жуткий боевой вопль. Клинок лишь раз мелькнул в воздухе, разрубив пополам цепи в руках первых двоих. Несколько мгновений селяне тупо смотрели перед собой, а потом кинулись наутек, вопя уже не грозно, а панически. Не дожидаясь, когда они укроются в доме, Акер повернулся и продолжил свой путь.

Этот инцидент снова напомнил Гранту, сколь ценно здесь искусство владения мечом. Подобрав палку, он замахивался на каждую попадавшуюся по дороге мишень, учился наносить удар с любого угла и точно попадать в цель. Такое занятие позволяло скоротать время, и он вновь ощутил, как обостряются чувства, – то ли благодаря регулярным физическим упражнениям, то ли благодаря окружающей белой равнине, которая могла таить неведомые опасности.

К полудню они остановились у замерзшего ручья и пообедали остатками хлеба, извлеченными из глубин мешка. Акер пробил во льду полынью, и они смешали в полых рогах родниковую воду с вином. Напиток бодрил и утолял жажду; вода казалась газированной и подслащенной. Грант облизнулся, даже не пытаясь понять, как такое возможно с геологической точки зрения.

## VIII

Они шли по широкой долине, предпочитая держаться извивающейся дороги, а не пересекать пашни.

Ближе к середине дня зима закончилась.

Вряд ли Грант мог бы описать это иначе. Они брели по щиколотку в снегу, повсюду на землю медленно опускались крупные белые хлопья. Небо впереди прояснилось, а снежный покров внезапно оборвался: дальше теплое солнце освещало бурую дорогу и зеленые поля.

Путники без труда пересекли невидимый барьер, но Грант обратил внимание, что ни одна снежинка пробиться сквозь него не смогла. Те, что приближались, попросту исчезали.

С трех сторон простирался уютный сельский ландшафт, позади осталась стена кружащихся снежинок и зимний холод. Грант ошеломленно огляделся вокруг. Похоже, яркое солнце и теплый ветерок радовали Акера – тот расстегнул воротник и глубоко вдохнул густой запах трав и деревьев.

– Мы приближаемся к войску. Неплохо, когда солнце греет спину. Вот почему я люблю послужить доброму герцогу Дарикусу – он страдает подагрой и терпеть не может холодной погоды. Как здесь говорят, над Дарикусом всегда сияет солнце.

– Хочешь сказать, он вызывает теплую погоду?

– Именно. С помощью заклинания, по слухам им самим и составленного четверть века назад, и оно еще ни разу не подвело. Вокруг него всегда середина лета, какова бы ни была погода в иных местах.

Они поднялись на взгорок, и перед ними простерся зеленый луг, испещренный яркими пятнами палаток и шатров, а также темными силуэтами людей. Большинство из них были облачены в кожаные доспехи или кольчуги, некоторые, в броне из серебра и золота, сидели верхом на шестиногих животных, похожих на лошадей. В гуле лагеря различались громкие приказы, лягз металла и звук рогов. Возле дороги стояла караульная палатка, подле нее отдыхало полдюжины воинов с пиками.

Заметив Гранта и Акера, ближайший заступил дорогу и сонно бросил:

– Остановитесь и представьтесь. Что вам тут нужно?

– Мы свободные воины, готовые служить доброму герцогу Дарикусу.

Удовлетворившись, часовой опустил оружие и крикнул в сторону палатки:

– Эй, капрал, еще парочка хочет к нам присоединиться!

В палатке кто-то зашевелился, из нее высунулась голова молодого человека с длинными закрученными усами. Он окинул взглядом пришельцев, задержавшись на нескладной фигуре Гранта, его бледном лице, светлых волосах и бровях. Уголки капральского рта слегка приподнялись в усмешке.

– Не слишком подходящий материал, но, полагаю, стоит отвести их к герцогу – он готов нанять кого угодно.

Акер метко плюнул в лицо капралу, вытаскивая меч из ножен.

– Верно, сынок, тебя ведь он тоже нанял. Я сражался вместе с добрым герцогом, когда ты еще прятался под мамкину юбку. – Он пошел было дальше, но затем повернулся и добавил, словно идея только что пришла в голову: – Хочешь сразиться?

Капрал утер побагровевшее лицо, открывая и закрывая рот, словно вытасканный из воды рыба, и пригляделся к Акеру. Увидев богатырскую грудь и могучие руки под потертой кожей доспехов, он снова скрылся в палатке. Воины заушмылялись, и двое вызвались сопровождать Акера и Гранта.

Они прошли через лагерь к самому большому шатру – широкому, пестрому. Над входом развевалось знамя – черный кулак в кольчужной рукавице, выжимающий капли крови на белом фоне. Воины отсалютовали пиками флагу. Грант и Акер тоже отдали честь, после чего вошли в палатку.

У стен стояли вооруженные воины. В центре располагались два захламленных стола, за одним сидел худой писарь с испачканными в чернилах пальцами, за другим – старик в золотой короне. Акер шагнул вперед и ударил себя кулаком в грудь.

– Приветствую, герцог. Я пришел, чтобы служить тебе.

– Приветствую. Кто ты и кто это с тобой? – раздраженно спросил герцог, передвинув на подушке забинтованную ступню.

– Акер Амен и раб-копьеносец.

Грант хотел было возразить против своего нового статуса, но тут же сообразил, что Акер наверняка лучше знает, как себя вести, – это доказывала встреча с капралом стражи. Писарь быстро переворачивал листы огромной книги в кожаном переплете. Проведя пальцем по странице, он прочитал выбранную строку:

– Амен, Акер, из племени ининов, мастер меча, опытный топорник, выдающийся воин, владеет кинжалом, дубиной, арбалетом, ятаганом...

– Хватит, хватит! – прервал его сердитый голос доброго герцога. – Два золотых энна в день, добыча для тебя, добыча для раба и трофейное оружие на выбор. Согласен?

– Согласен, – проревел Акер. – Мы будем сражаться насмерть!

Он ударил ладонью по столу, подтверждая, что принимает условия. Добрый герцог тоже хлопнул по столу и поморщился – боль отозвалась в подагрической ступне. Грант подумал, не нужно ли проделать то же самое и ему, но Акер повернулся и вытолкнул его из палатки.

Вокруг теперь толпилось еще больше людей, и Грант понял, что это огромная неровная очередь к огромному котлу. Они с Акером поспешили пристроиться. Продвигаясь вперед, Грант обдумал случившееся с ним за последние дни, а затем повернулся к Акеру.

– Ты мне ни разу не говорил, с кем мы собираемся сражаться.

– Какая разница с кем? Я и сам не знаю. Бери еду, ты следующий.

Получив по роговой чашке, наполненной дымящимся варевом, они направились к палаткам, на ходу зачерпывая еду.

– Спроси начальника, – сказал Акер с набитым ртом. – Может, он знает.

– Лучше потом, – ответил Грант, наслаждаясь теплом солнца и аппетитным ароматом мяса, картошки, риса и неизвестных овощей. Философский подход Акера Амена начинал ему нравиться. – А тут не так уж и плохо кормят.

Герцог планировал напасть на некоего тирана Хельбиду. Об этом Гранту рассказал пятый из тех, к кому он обратился, но никто не знал, когда начнется битва, даже сам полководец. Судя по разговорам в лагере, каждый вечер на закате его добрейшество бросал на шелковую ткань пару двенадцатигранных астрологических костей. Пока что кости не предвещали удачной атаки, и воины оставались в лагере – ели и пили, отдыхали и ссорились, а также оттачивали искусство убивать.

Дважды в день все выходили на тренировочное поле. Рядовые бойцы и командиры окружали новобранцев, чтобы те не могли улизнуть, и гнали на поле драться, оглушительно грохоча и вопя. Опытные воины использовали настоящую сталь, начинающим давали деревянные мечи и шесты вместо копий.

Новичкам запрещалось покидать поле, но во всем остальном за ними никто не следил, так что Грант перебрался от копейщиков к группе обучавшихся владению палашиком. Рекруты колошматили друг друга, все в поту и синяках, злясь и ругаясь, подгоняемые окриками начальников. Грант быстро понял, что такое плохая защита, снова и снова поднимаясь с пыльной земли. Но он экономно расходовал силы, действовал с умом, запоминал приемы и работал над ошибками, продолжая тренироваться часами даже после того, как большинство обучаемых уходило в лагерь.

За несколько дней, заработав множество разноцветных синяков и шишек, Грант неплохо усовершенствовал технику боя. Акер Амен, проходя мимо после занятий с мечниками, иногда разлучал Гранта с его противником-новичком и, взяв деревянный меч, преподавал болезненный, но полезный урок боевого фехтования.

На пятый день добавился новый элемент. Чтобы развлечь профессиональных вояк, которые обступили поле, выкрикивая ободрающие возгласы и делая ставки, в конце дня учения превратили во всеобщую драку. Обучаемым приказали сражаться до тех пор, пока они не останутся без оружия или не лишатся чувств. Единственное требование – драться один на один – всерьез не соблюдалось. Сломанные кости и выбитые зубы, конечно же, были в порядке вещей.

Несколько крепких парней, судя по всему рекруты из крестьян, внушали ужас всем находившимся в поле; они держались вместе и нападали столь слаженно, что никто не успевал организовать отпор. Вскоре их край поля был завален бесчувственными телами, а остальные старались держаться подальше, образовав широкое пустое пространство. Крепышей возглавлял молодой верзила по имени Сплуг, он валил с ног любого благодаря своему росту, весу и силе.

Грант оборонялся в отдалении, не привлекая к себе внимания, но на этот раз ему было суждено узнать нечто такое, что было скрыто от него всю его жизнь.

Вот и до него дошла очередь – Сплуг с хохотом устремился к нему, явно введенный в заблуждение спокойным видом новичка и его сугубо защитной стойкой. Пуская слюни, крестьянин нанес неуклюжий удар сверху, словно дровосек по полену. Грант легко парировал удар и ткнул противнику под ребра. Разозлившись, Сплуг снова замахнулся, вложив в удар всю свою силу и вес, так что под слоем жира проступили мышцы. Грант удержался на ногах, но ему пришлось отступить. А затем он и вовсе потерял равновесие – под ноги ловко подсунули деревянный меч, один из приятелей Сплуга помог главарю. Сплуг, взревев, с размаху ударил пошатнувшегося противника по голове. Грант попытался ответить, но кто-то сделал ему подножку, а деревянный меч больно ударил по плечу. Верзила снова расхохотался.

В это мгновение Грант почувствовал, что у него начинается очередной приступ. Зазвело в ушах, сдавило виски, все звуки стали тише. Ну почему именно сейчас?

Друзья окружили Сплуга, похожие словно братья, – должно быть, их набрали в одном селе, где все друг другу родня. Они действовали слаженно – стоило Гранту упасть, и его наверняка втоптали бы в землю. Начальникам не было видно, что происходит. Оставалось только драться.

И вдруг Грант как будто увеличился в размерах. Все вокруг стало маленьким и далеким, деревянный меч в его руке сделался легким как перышко. Он не чувствовал ударов, а те, которые наносил сам, казались простыми тычками. Снова и снова обрушивая меч на тварей, похожих на Сплуга, Грант исполнялся упоительной радости и не ощущал никакого сопротивления. Это происходило словно во сне.

Внезапно все вокруг почернело, а потом он очнулся и обнаружил, что сидит на земле, сжимая руками голову. Над ним стоял командир, задумчиво постукивая по ладони тяжелой дубинкой. Когда Грант поднял взгляд, начальник нахмурился.

– Умерь свой крутой норов, парень. Мы тут тренируемся, а не крушим друг другу черепа.

Растерянно оглядевшись, Грант увидел вокруг себя неподвижно лежащие тела. Сплуг сидел поодаль, со стоном держась за окровавленное лицо. Схватки на поле прекратились, все смотрели на Гранта, который никак не мог понять, что случилось.

– Не могу тебя осуждать, – сказал командир, – они сами нарывались на неприятности. Но когда ты стал пихать сломанным мечом в горло этому толстяку, неприятности возникли уже у тебя самого. Пришлось слегка стукнуть. Советую приберечь такие штучки для врагов.

Постепенно сообразив, что произошло, Грант увидел, что все лежащие – из банды Сплуга. Некоторые уже с трудом поднимались на ноги и убредали прочь.

– Прошу прощения, – покраснев, пробормотал Грант. – Я не хотел...

– Своим воплем ты честно их предупредил, – усмехнулся командир. – Но в следующий раз все-таки поубавь силу.

Он ушел прочь, седой, похожий на медведя, сверкая золотыми доспехами. Грант медленно поднялся, размышляя над только что услышанным, – оказывается, у него крутой норов!

Вот это сюрприз так сюрприз! То, что он считал приступами болезни, было лишь проявлением его характера, внезапного желания убивать, атавизма, вовсе не нужного цивилизованному человеку. Свыкнуться с этой мыслью было нелегко, ведь Гранта считали милым мальчиком, сущим ангелочком, а позднее – чувственной натурой. Когда сильные эмоции не находили выхода, случался приступ, сопровождаемый онемением мышц и дрожью во всем теле.

Но на этот раз выход нашелся. Грант медленно повернулся кругом, оглядывая своих жертв. Ему вдруг пришло в голову, что среди его предков могли быть берсерки. От своей шведской родни он унаследовал светлые кудри и почти белые брови, так что вполне мог унаследовать и характер. Среди воинственных северян время от времени рождались берсерки – вполне

добродушные люди, которые, однако, в бою становились совершенно другими, убивая яростно и слепо, словно выпущенные из клетки тигры.

Он стоял посреди изрытого поля, уже не столь худой, как раньше, но такой же высокий и стройный, хотя и слегка ссутулившийся. Никто, однако, над ним не смеялся, рекруты обходили его стороной, возвращаясь к прерванному бою.

Грант пошел прочь, рассеянно помахивая сломанным мечом и с тревогой спрашивая себя, сколько раз он бывал близок к подобному на своем веку и как ухитрился никого не прикончить в приступе болезни, которая болезнью вовсе и не была.

## IX

Следующий приступ случился всего две ночи спустя. Грант с Акером сидели в палатке возле бурдюка с вином, спина к спине, раскачиваясь в такт местной заунывной мелодии. Акер запел, и Грант присоединился к нему:

Она королю отказала, но мне улыбнулась,  
И задрала платье над розовым коленом,  
Я сказал: клянусь всеми святыми, никогда не видал  
Такой...

Из-за палатки вышел кто-то темный и со всей силы ударил Акера по голове. Рослый воин рухнул без чувств, и в то же мгновение Гранта свалил на землю кулак в перчатке.

Незнакомец шагнул в круг лунного света, и Грант узнал усатого капрала стражи.

– Никто не смеет плевать мне в лицо, – пробормотал тот и поднял ногу, чтобы опустить ее на лицо Акера.

Холодная ярость затмила разум Гранта, и он рубанул учебным мечом по горлу капрала, словно ненависть превратила дерево в настоящую сталь. Удар показался ему совсем легким, но капрал вдруг сложился пополам, изо рта хлынула кровь, как игристое вино из початой бутылки. Вот он повалился наземь, застыл бесформенной грудой. Грант оторопело смотрел на него, пока не вспомнил услышанное когда-то о смертельном ударе в гортань. Видно, именно такой удар он сейчас и нанес.

Поднявшись на ноги, Грант вдруг осознал, что рядом есть кто-то еще. Возле откинутого клапана освещенной палатки стоял, наблюдая за ним, человек – судя по блеснувшим перстням, благородного происхождения. Он рассмеялся, и Грант узнал командира, который оглушил его на тренировочном поле.

– Помни, о чем я говорил: держи норы в узде. – Заметив напряженную позу Гранта, он снова рассмеялся. – Не беспокойся, я тебя не выдам. Любой, кто ударит человека посреди хорошей песни, заслуживает наказания. Тащи сюда приятеля и влей немного вина ему в глотку. Хочется дослушать песню до конца. Я думал, что знаю ее полностью! Труп тоже волоки сюда, – добавил он, поворачиваясь к Гранту спиной. – Доспехи и оружие – твои по праву победителя. Тот, кто может убить деревянным мечом, достоин настоящего клинка.

На следующий день Грант расхаживал по лагерю в кожаных доспехах, с луком и колчаном за спиной и легким палахом на поясе. Ему нравилось, как лагерные слуги и рабы уступают ему дорогу, нравилось почтение, оказываемое бойцу; и еще он ловил взгляды следовавших за войском женщин.

Потом, однако, он почувствовал себя довольно глупо, сняв доспехи на учебном поле и взяв в руки деревянный меч. Ни сил, ни ловкости по сравнению с предыдущим днем, когда его считали не более чем рабом, особо не прибавилось, но он увлекся, и день пролетел быстро.

Когда позвали к ужину, Грант воткнул меч в землю, ощутив навалившуюся усталость, но вместе с тем сознавая, что в очередной раз многому научился.

Он снова облачился в доспехи, к которым за один день привык, как к собственной коже. Направлявшийся вместе с другими воинами к котлу Акер хлопнул Гранта по плечу, уже далеко не в первый раз с тех пор, как Грант завоевал броню и оружие, – так воин выражал одобрение.

За ужином прошел слух, что брошенные герцогом кости посулили благополучный исход битвы. Начались поспешные сборы, нестройно заревели рога, созывая бойцов в строй.

Утром они выступили против войска независимого государства Хельбиды. Замок тирана стоял в долине, несколькими милями дальше, и войско добралось до него лишь после полудня.

Армия герцога выстроилась неровным полукругом у подножия замка, ожидая приказов. Цитадель из черного камня словно вырастала из иззубренной стены, окружавшей долину. Над зубцами стен развевались флаги, а иногда между ними мелькала голова в шлеме.

Объявили переговоры, и один из приближенных доброго герцога въехал в замок через боковые ворота. Какое-то время спустя они лязгнули и появился тот же командир, зажимая кровавую рану на месте носа.

Герцог больше не раздумывал. Он взмахнул мечом, нестройно заиграли рожки, и воины устремились вперед, увлекая за собой Гранта, вцепившегося в выданное ему копьё.

Воздух наполнился стрелами, ревом и лязгом. Первые ряды воинов несли широкие щиты и лестницы, которые приставили к крутым стенам. Люди карабкались под прикрытием шедших позади лучников. Никто не отваживался открыто расхаживать на стенах, но вражеские лучники прятались за зубцами и бойницами, отвечая градом метких стрел.

Вокруг Гранта падали люди, а на него давили сзади, пока он не оказался у подножия стены, в недосягаемости для чужих стрел противника. Он схватился за перекладину лестницы и полез наверх. По соседней лестнице ловко взбирался Акер Амен.

Поднимаясь по неотесанным перекладинам, он разрывался между двумя желаниями. Хотелось показать свою вновь обретенную силу и ни в чем не отстать от Акера, но некая частица цивилизованного разума призывала убраться подальше от смертельной битвы. Каков процент потерь в этих дурацких междоусобных распрях?

«Никакого, – подумал Грант, карабкаясь по лестнице. – Никто тут не считает покойников. Но если хочешь жить как мужчина, будь готов и умереть так же».

Взбравшийся впереди него воин сорвался, получив тяжелым камнем по голове. Грант попытался его подхватить, но не успел. Тогда он поспешно полез по освободившейся лестнице, и вот уже преодолены две трети ее высоты.

Улыбнувшись, он повернулся, чтобы приободрить Акера, и в тот же миг увидел, как стрела пронзает насквозь шею его друга.

Несколько мгновений руки воина еще держались за перекладину, и Грант успел заметить его остекленевший, безжизненный взгляд. А потом Акер рухнул и исчез навсегда. Снизу уже карабкался другой воин.

В голове у Гранта словно взорвался огонь, и в один миг он превратился в объятую ледяным бешенством берсерка, смысл жизни которого состоит лишь в том, чтобы убить как можно больше врагов Акера Амена. Он полез дальше.

Впереди один за другим умирали воины, а потом он оказался на лестнице первым. Уже виднелась кромка стены, откуда на него смотрел лучник, натягивая тетиву. Грант хладнокровно воткнул копьё ему в глаз, разрывая плоть и сокрушая кость, и тотчас дернул на себя, как загарпуненную рыбу. Лучник тяжелым кулем полетел вниз.

Прежде чем место убитого успел занять другой, Грант схватился за шершавый камень и перевалился через парапет. Какой-то рыцарь в шлеме замахнулся топором, целя в голову, и Грант едва успел откатиться. Топор лишь отколол кусок гранита. Прежде чем рыцарь смог

снова поднять оружие, Грант схватил его за ногу и перебросил через стену, услышав пронзительный вопль, а затем громкий ляг.

Не давая никому шагнуть вперед, Грант выпрямился и выставил перед собой копье. Острие угодило в горло одному из воинов тирана, и тот умер, страшно клопоча, но по инерции продолжал двигаться, пока не оказался в объятиях Гранта. В то же мгновение мертвецу в спину вонзились три стрелы.

Движимый неутолимой кровожадностью берсерка, Грант не оттолкнул тело, ставшее хорошей защитой от стрел. Выдернув палаш из судорожно сжатых пальцев мертвеца, он впервые смог окинуть взглядом битву.

Дела у герцога шли не лучшим образом. Те немногие, кто сумел добраться до стены, вскоре погибли, а на взбирающихся по лестницам лились потоки кипящего масла. Слева от Гранта смешались в кучу дерущиеся воины. Справа у стены не осталось ни одной лестницы, и к нему неслись латники тирана, не меньше десятка.

Хватило одной секунды, чтобы оценить обстановку, и в тот же миг разум берсерка принял решение. Издав бессвязный вопль, Грант швырнул усаженный стрелами труп в нападающих и прыгнул следом.

Внезапность атаки спасла ему жизнь, но в схватке на кинжалах и мечах невозможно было остаться невредимым. Из ран текла кровь, однако он не чувствовал боли. Воины тирана несли куда большие потери – меч Гранта безжалостно рассекал плоть и доспехи, а когда противник оказывался рядом, кинжал вспарывал ему живот.

Некоторые пытались отступить, валя с ног напивавших, что лишь приближало их смерть. Грант рубил врагов на куски, крепко держа мокрую от крови рукоять меча. Одному воину удалось сбежать, но остальные лежали бездыханные или умирали у ног берсерка.

Наконец никого не осталось на этом участке стены, и Грант поднял меч, готовый к новой атаке. Однако ее так и не последовало. Постепенно красный туман перед его глазами рассеялся, и он ощутил жгучую боль во всем теле. С некоторым удивлением заметил пропитавшую его рубаху кровь и длинную рану на правом бедре глубиной в несколько дюймов. А потом он понял, что стоит прямо над механизмом, приводящим в действие подъемный мост, и машинально оценил профессиональным взглядом архитектора грубые шкивы и лебедку.

Платформа моста располагалась наклонно, а значит, она опускалась под действием собственного веса. К ее внешнему концу крепились две гигантские цепи, намотанные на огромный ворот, соединенный, в свою очередь, посредством ряда шкивов с лебедкой. Шкивы давали некое механическое преимущество, но тем не менее, чтобы провернуть лебедку, требовалось немалое усилие. К барабану лебедки было приделано большое зубчатое колесо, удерживаемое на месте металлической собачкой. Чтобы собачка не соскользнула, ее снабдили веревочной петлей.

Все до смешного просто. Подъемный мост держится на веревке не толще, чем палец Гранта. Стоит ее перерезать, и мост упадет.

Так отчего бы не попробовать?

Цивилизованная часть его разума еще размышляла, как поступить, но вновь обретенные рефлексy заставили прыгнуть со стены – и как раз вовремя: там, где он миг назад стоял, со свистом пронеслась стрела. Раненая нога подломилась от удара о платформу, и он заскрежетал зубами от боли. Но оставался пустяк: встать и проковылять несколько футов. Хватило одного удара мечом, чтобы перерубить веревку.

Ничего не произошло. Трение и ржавчина не дали древнему механизму сдвинуться с места.

Послышался чей-то крик, и к Гранту устремилась группа воинов. Он пнул зубчатое колесо здоровой ногой, и оно стронулось, затем стало поворачиваться все быстрее, преодолевая силу трения.

Скрежеща шкивами и грохоча цепями, мост опустился. Раздался радостный рев, и люди герцога немедленно устремились вперед. Все, кто находился во внутреннем дворе замка, приготовились к отражению натиска. О Гранте на какое-то время забыли, и он превратился в заинтересованного зрителя.

Войско доброго герцога с грохотом пронеслось по мосту и врезалось в толстую опускную решетку. Бойцы просовывали в нее мечи и осыпали бранью защитников замка. Ответом были град стрел и контратака.

У ворот завязалась яростная битва. Воины тирана не могли отразить нападение, а воины доброго герцога не могли пробиться внутрь. Мельтешила сталь, ныряя сквозь решетку, падали все новые тела. Положить этому конец смог лишь сам добрый герцог.

Окруженный своими войсками, он пробился в авангард атакующих. С помощью восьмифутовых копий его гвардия расчистила пространство по ту сторону ворот, и под защитой щитов герцог присел возле стальных прутьев. Гранту сверху все было очень хорошо видно.

И тут в сражение вступило волшебство. Теплое солнце посреди зимы весьма убедительно доказывало, что герцог Дарикус – могущественный мастер тайных искусств. Вероятно, чары противника не позволяли ему успешно атаковать извне, но теперь с помощью Гранта он преодолел стену, и задача упростилась. Чем-то обрызгав решетку и бормоча заклинание, он поводил ладонями возле прутьев.

Результат не заставил себя ждать. Прутья замерцали и покрылись бурными пятнами, словно ржавели уже тысячу лет. Воины с радостными криками устремились вперед, и решетка рассыпалась в пыль.

Силами своего войска и магии добрый герцог Дарикус захватил замок. И он прекрасно понимал, какую роль в этом сыграл Грант. Увидев стоящего у лебедки парня, полководец отсалютовал мечом, прежде чем возглавил последнюю атаку. Лишь мысль о гибели Акера помешала Гранту ощутить мрачную гордость.

## X

В то же мгновение все кругом словно застыло – воины замерли на бегу, шум сражения смолк; даже солнечный свет, казалось, превратился в лед.

Зазвучали похожие на далекие раскаты грома голоса, и Грант вроде бы понял, о чем идет речь.

*– Гриссель, смотри, куда ты сунула нить!*

*– А куда я ее сунула?.. Все мы знаем, кто виноват. Дай мне глаз... Так я и думала. Она должна идти здесь. Из-за твоей глупости едва не пропал узор.*

Грант не почувствовал никакого перехода. Картина перед глазами исчезла, мгновенно сменившись другой. Сбитый с толку, он не сразу понял, где находится.

Покосившиеся камни. Надгробия. И церковь. Воспоминания о них казались невероятно древними, но он все же узнал эту сцену. Меч выпал из обессилевших пальцев. Он дома, в своем родном мире. В том же самом церковном дворе, откуда исчез.

Радость, однако, оказалась преждевременной – все вокруг снова растаяло, сменившись столь хорошо запомнившимся безвременьем.

*– Ты же не можешь просто так вернуть его назад – последствия целиком изменят узор.*

*– Могу, и запросто, старая ты ведьма. Я просто сделаю узелок во времени. И никто не будет помнить...*

*– Все, что случилось... все, что он сделал... как будто ничего и не было...*

Раскатился смех, казалось заполнивший собой вечность.

Грант прислонился к каменной стене, пытаясь сохранить ускользающие драгоценные воспоминания. Во время приступа с ним что-то случилось, но что? Этого никак не восстановить в

памяти. Костюм жал в плечах, худые руки торчали из рукавов. Какие-то они неправильные, его руки. Они должны быть сильными, закаленными – и грязными. А почему должны, поди угадай.

На этом все закончится. Воспоминания развеются, и он вернется в церковь точно таким же, каким вышел из нее.

Вот только осталось одно упущение – кончик нити так и не подрезали.

Глядя на худые запястья, Грант заметил лежащий на земле меч с не успевшей засохнуть кровью. Не веря своим глазам, наклонился и поднял тяжелое оружие, осмотрел иззубренный клинок. Грязная железка – но она представляет величайшую ценность.

То был ключ ко всему случившемуся. Глядя на меч, Грант вспомнил снег, доброго герцога, берлокотов, войну – и Акера Амена. Кровавые, страшные воспоминания о варварском мире, оставшемся невероятно далеко, но и они для него не менее ценны.

– Гранти! Где ты, дорогой? Поторопись.

Пронзительный голос матери вернул его к реальности, заставив вздрогнуть. Медленно выпрямившись, он уронил меч на землю. Свое дело тот уже сделал. Все закончено.

Назад в церковь шел все тот же высокий худой парень в слишком тесном костюме. Но впервые он шел прямо, не сутулясь, чего прежде за ним никто не замечал.

– Где ты был? Разве не знаешь, что уже пора? Я думала... – Речь матери напоминала прокручиваемую назад на большой скорости грамзапись, и смысла в ее словах было не больше.

– Да уймись ты! – рявкнул Грант. – И поди скажи Люси, что я хочу ее немедленно видеть. Это очень важно.

Мать замолчала на полуслове. У Херба Колломба отвисла челюсть, изо рта выпала трубка и покатила по полу. После трех безуспешных попыток матери наконец удалось выдавить:

– Да что с тобой? Ты же знаешь, что увидеться с Люси до церемонии нельзя, она уже в свадебном платье – невеста и жених никогда не...

– К черту дурацкие предрассудки, – бросил Грант матери в лицо. – Сказал же, приведи ее сюда, или я сделаю это сам.

Мать попыталась что-то сказать насчет богохульства в церкви, но ей хватило одного лишь взгляда на бешеные глаза Гранта, чтобы бочком, по-крабьи, попятиться к двери. Херб подобрал трубку и водворил ее назад в рот, пока жених расхаживал, словно тигр в клетке.

Ворвалась побагровевшая от гнева Люси.

– Что ты себе позволяешь, Грант? Церемония и без того задерживается.

– Подождут, – рассмеялся Грант. – В конце концов, это наша свадьба, и мы вольны поступать как захотим. Я просто решил тебе сказать, что теперь все будет совсем по-другому – как мы и мечтать не могли...

От избытка чувств Грант заключил ее в объятия. Скоро она станет его женой – как и начертано свыше.

– Прекрати, дурак! – взвизгнула Люси. – Нашел время и место! Ты мне фату помнешь!

– Да и черт с ней, – пробормотал Грант, и его мать задохнулась от ужаса, услышав очередное богохульство.

Все шло совсем не так, как он рассчитывал.

По сути, он впервые видел и ощущал Люси столь близко – раньше они ограничивались лишь воздушными поцелуями на прощание. Она оказалась куда костлявее, кожа бледная и пятнистая под слоем косметики. У варваров девушки были куда полнее и симпатичнее. Грант попытался отбросить неприятные мысли – все-таки это его возлюбленная. Или нет? Мысль была столь неожиданной, что он отпустил Люси и отшатнулся.

Теперь на него кричали уже обе женщины, но слов он не слышал – лишь странные звуки вроде мяуканья кошек на заборе.

Любит ли он ее? Прежде ни разу не обнимал и даже по-настоящему не целовал. Они всегда гордились тем, что подходят друг другу по интеллекту. Как, черт побери, он на это

повелся – да и, самое главное, с чего вообще увлекся ею? Уж не были ли ее родители старыми друзьями его матери?

– Мама! – гневно бросил он.

Обе немедленно замолчали.

– Вы что, подстроили эту женитьбу? Сговорились, чтобы продеть мне кольцо в нос? Я хочу все знать, иначе никакой свадьбы не будет.

– Да я и так уже знаю достаточно! – срывающимся голосом завопила Люси. – Свадьба отменяется... откладывается до тех пор, пока ты не извинишься и не начнешь вести себя прилично!

– Ты права, – спокойно прервал ее Грант. – Свадьба отменяется, а кольцо можешь оставить себе в качестве сувенира. Я всегда говорил: поспешно женишься – скоро пожалеешь.

Услышав такое, Люси едва не лишилась чувств. Ее угроза, конечно, была всего лишь уловкой, чтобы поставить Гранта на место. Но дело приняло совершенно нежелательный оборот.

Прежде чем невеста и мать успели вновь обрести дар речи, Грант вытолкнул их в соседнюю комнату.

– В обморок лучше падать там, – невозмутимо заявил он. – На мягкий ковер.

Закрыв дверь, он повернул ключ в замке. Херб молча сидел, попыхивая трубкой и наблюдая за происходящим.

– Поздравляю, – сказал он. – Надеюсь, ты будешь счастлив.

Грант понял, что друг говорит совершенно искренне, и хмурость сменилась улыбкой.

– Тоже хочешь сбежать? – спросил он.

– Вовсе нет, – ответил Херб, вставая и выбивая трубку. – Я никогда еще не чувствовал себя лучше, и все благодаря тебе. А теперь ответь, что это за муха тебя вдруг укусила.

– Придется кое-что объяснить, – хлопнул Грант друга по плечу.

Его пальцы сомкнулись на твердых как камень мышцах Херба, но стоило ущипнуть себя за собственную худую руку, и улыбка исчезла с лица. От его столь тяжело заработанной силы не осталось и следа.

– Как накачать мускулы и приобрести приличную форму? – спросил Грант. – И желательно побыстрее.

Если Херб и удивила столь внезапная перемена темы, то он ничем этого не выдал.

– Скалолазание, гантели, занятия в спортзале – подойдет все. Я сам лазаю по скалам каждые выходные.

– Звучит неплохо, – сказал Грант, направляясь к выходу. – А теперь давай-ка найдем местечко, где можно выпить чего-нибудь покрепче, – может, даже целую бутылку, – и я расскажу то, во что ты никогда не поверишь. Заодно можно будет поговорить и о скалолазании.

Мир казался ему ярче прежнего, небо сияло пронзительной голубизной, и все окружающее несло в себе куда более глубокий смысл, чем раньше. Грант ускорил шаг, наслаждаясь каждым глотком воздуха.

Его тяжело заработанные мускулы, навыки и рефлексы пропали, но их можно восстановить – было бы желание и соответствующие знания. А они никуда не пропали.

Грант молча отдал честь памяти Акера Амена и чужому миру, который он никогда больше не увидит. Двое друзей свернули за угол и медленно скрылись из виду.

## Безработный робот

*Перевод И. Гуровой*

Джон Венэкс вставил ключ в дверной замок. Он просил, чтобы ему дали большой номер – самый большой в гостинице, и заплатил портье лишнее. Теперь ему оставалось только надеяться, что его не обманули. Жаловаться он не рискнет, а о том, чтобы попросить деньги назад, конечно, не могло быть и речи.

Дверь распахнулась, и он вздохнул с облегчением: номер был даже больше, чем он рассчитывал, – полных три фута в ширину и пять в длину. Места для работы было вполне достаточно. Вот сейчас он снимет ногу, и к утру от его хромоты не останется и следа.

На задней стене был стандартный передвижной крюк. Джон просунул его в кольцо под затылком и подпрыгнул так, что его ноги свободно повисли над полом. Он отключил энергию ниже пояса, и ноги, расслабившись, стукнулись о стенку.

Перегрешемуся ножному мотору надо дать остыть и только потом уже браться за него, а пока можно будет просмотреть газету. С нетерпением и неуверенностью, обычными для всех безработных, он раскрыл газету на объявлениях и быстро пробежал колонку «Требуется (роботы)». Ничего подходящего в разделе «Специальности». И даже в списках чернорабочих – ничего. В этом году Нью-Йорк был малоподходящим местом для роботов.

Отдел объявлений, как всегда, наводил уныние, но можно было получить заряд бодрости, заглянув в колонку юмора. У него был даже свой любимый комический персонаж, хотя он стыдился себе в этом признаться: «Робкий робот», неуклюжий механический дурак, который то и дело попадал в дурацкое положение по собственной глупости. Конечно, отвратительная карикатура, но иногда такая смешная! Он начал читать подпись под первой картинкой, но тут плафон в потолке погас.

Десять вечера, комендантский час для роботов. Свет гаснет – и сиди взаперти до шести утра. Восемь часов скуки и темноты для всех, кроме горстки ночных рабочих. Но существовало немало способов обходить закон, который не содержал точного определения, что именно понимать под видимым светом. Отодвинув один из щитков, экранировавших его атомный генератор, Джон повысил напряжение. Когда генератор чуть-чуть нагрелся, он начал испускать тепловые волны, а Джон обладал способностью зрительно воспринимать инфракрасные лучи. Используя теплый ясный свет, струящийся из его живота, он дочитал газету.

Тепломером в кончике левого указательного пальца он проверил температуру ноги. Нога уже достаточно остыла, и можно было приниматься за работу. Водонепроницаемая оболочка снялась без всякого труда, обнажив энерговоды, нейропровода и поврежденный коленный сустав. Отсоединив проводку, Джон отвинтил коленную чашечку и осторожно положил ее на полку рядом с собой. Из набедренной сумки он бережно, с нежностью достал сменную деталь. В нее был вложен трехмесячный труд – деньги, которые он заработал на свиноводческой ферме в Нью-Джерси.

Когда плафон в потолке замигал и разгорелся, Джон стоял на одной ноге, проверяя новый коленный сустав. Половина шестого! Он успел как раз вовремя. Капля масла на новое сочленение – вот и все. Он спрятал инструменты в сумку и отпер дверь.

Шахта ненужного лифта использовалась вместо мусоропровода, и, проходя мимо, он сунул газету в дверную щель. Держась поближе к стене, он осторожно спускался по закапанной смазкой ступеням. На семнадцатом этаже он замедлил шаг, пропуская вперед двух других роботов. Это были мясники или разделыватели туш – правая рука у обоих кончалась не кистью, а остро отточенным резаком длиной в фут. На втором этаже они остановились и убрали резаки в пластмассовые ножны, привинченные к их грудным пластинам. Вслед за ними Джон по скату спустился в вестибюль.

Помещение было битком набито роботами всех размеров, форм и расцветок. Джон Венэкс был заметно выше остальных и через их головы видел стеклянную входную дверь. Ночью прошел дождь, и под лучами восходящего солнца лужи на тротуарах отбрасывали красные блики. Три робота белого цвета, отличающего ночных рабочих, распахнули дверь и вошли в вестибюль. Но на улицу никто не вышел, так как комендантский час еще не кончился. Толпа медленно двигалась по вестибюлю, слышались тихие голоса.

Единственным человеком здесь был ночной портье, дремавший за барьером. Часы над его головой показывали без пяти шесть. Отведя взгляд от циферблата, Джон заметил, что какой-то приземистый черный робот машет ему, стараясь привлечь его внимание. Могучие руки и компактное туловище указывали, что он принадлежит к семейству Копачей, одной из самых многочисленных групп. Пробившись через толпу, черный робот с лязгом хлопнул Джона по спине:

– Джон Венэкс! Я тебя сразу узнал, как только увидел, что ты зеленым столбом торчишь над толпой. Давненько мы с тобой не встречались – с тех самых дней на Венере!

Джону незачем было смотреть на номер, выбитый на исцарапанной грудной пластине черного робота. Алек Копач был его единственным близким другом все тринадцать нудных лет в поселке Оранжевого моря. Прекрасный шахматист и замечательный партнер для парного волейбола. Все свободное время они проводили вместе. Они обменялись рукопожатием особой крепости, которая означала дружбу.

– Алек! Старая ты жестянка! Каким ветром тебя занесло в Нью-Йорк?

– Захотелось наконец увидеть что-нибудь, кроме дождя и джунглей. После того как ты выкупился, не жизнь стала, а сплошная тоска. Я начал работать по две смены в сутки в этом чертовом алмазном карьере, а последний месяц – и по три смены, только бы выкупить контракт и оплатить проезд до Земли. Я просидел в шахте так долго, что фотоэлемент в моем правом глазу не выдержал солнечного света и сгорел, едва я вышел на поверхность. – Алек придвинулся к Джону поближе и хрипло прошептал: – По правде говоря, я запрятал за глазную линзу алмаз в шестьдесят каратов. Здесь, на Земле, я продал его за две сотни и полгода жил припеваючи. Теперь деньги закончились, и я иду на биржу труда. – Голос его снова зазвучал на полную мощность: – Ну а ты-то как?

Джон Венэкс усмехнулся – такой прямолинейный подход к жизни его позабавил.

– Да все так же: брался за любую работу, пока не попал под автобус – он разбил мне коленную чашечку. Ну а с испорченным коленом мне оставалось только кормить свиней помоями. Но тем не менее я заработал достаточно, чтобы починить колено.

Алек ткнул пальцем в сторону трехфутового робота ржавого цвета, который тихонько подошел к ним.

– Ну, если ты думаешь, что тебе туго пришлось, так погляди на Дика – это на нем не краска. Знакомьтесь: Дик Сушитель, а это Джон Венэкс, мой старый приятель.

Джон нагнулся, чтобы пожать руку маленького робота. Его глазные щитки широко разошлись, когда он понял, что металлическое тело Дика покрыто не краской, как ему показалось вначале, а тонким слоем ржавчины. Алек кончиком пальца процарапал в ржавчине сверкающую дорожку. Он сказал мрачно:

– Дика сконструировали для работы в пустынях Марса. О влажности там и не слыхивали, и поэтому его скаредная компания решила не тратиться на нержавеющую сталь. А когда компания обанкротилась, его продали одной нью-йоркской фирме. Он стал ржаветь, работать медленнее, и тогда они отдали ему контракт и вышвырнули беднягу на улицу.

Маленький робот заговорил скрипучим голосом:

– Меня никто не хочет нанимать, пока я в таком виде, а пока я без работы, я не могу сделать себе ремонт. – Его руки скрипели и скрежетали при каждом движении. – Я сегодня

думаю опять заглянуть в бесплатную поликлинику для роботов: они сказали, что попробуют что-нибудь сделать.

Алек Копач прогрохотал:

– Не очень-то ты на них надейся. Конечно, капсулу смазки или бесплатный кусочек проволоки они тебе дадут. Но на настоящую помощь не рассчитывай.

Стрелки показывали уже начало седьмого, роботы один за другим выходили на тихую улицу, и трое собеседников двинулись вслед за толпой. Джон старался идти медленнее, чтобы его низенькие друзья от него не отставали. Дик Сушитель шел дергаясь и спотыкаясь, и голос у него был такой же неровный, как и походка:

– Джон... Венэкс... А что значит... эта фамилия? Может быть... как-то связана... с Венерой...

– Правильно. «Венероэкспериментальный». В нашем семействе нас было всего двадцать два. У нас водонепроницаемые тела, выдерживающие большое давление, – для работы на морском дне. Конструктивная идея была правильной, и мы делали то, что от нас требовалось. Только работы для нас всех не хватало – расчистка дна не приносила больших прибылей. Я выкупил мой контракт за полцены и стал свободным роботом.

Ржавая диафрагма Дика задергалась.

– Свобода – это еще не все. Я иногда жалею, что Закон о равноправии роботов все-таки был введен. В... в... владела бы мной сейчас какая-нибудь богатая фирма с механической мастерской и... горами запасных частей...

– Ну это ты несерьезно, Дик. – Алек Копач опустил тяжелую черную руку ему на плечо. – Многое еще скверно, кто этого не знает, но все-таки куда лучше, чем в старые времена, когда мы были просто машинами. Работали по двадцать четыре часа в сутки, пока не ломались. А тогда нас выбрасывали на свалку. Нет уж, спасибо. Нынешнее положение меня больше устраивает.

Перед биржей труда Джон и Алек попрощались с Диком, и маленький робот медленно побрел дальше по улице. Они протолкались сквозь толпу и встали в очередь к регистрационному окошку. Доска объявлений рядом с окошком пестрела разноцветными карточками с названиями компаний, которым требовались роботы. Клерк прикалывал к доске новые карточки.

Венэкс скользнул по ним взглядом и сфокусировал глаза на объявлении в красной рамке:

ТРЕБУЮТСЯ РОБОТЫ  
СЛЕДУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ:  
Крепильщики  
Летчики  
Атомники  
Съемщики  
Венэкс  
Обращаться сразу в «Чейнджет лимитед»  
Бродвей, 1919

Джон взволнованно постучал по шее Алека Копача:

– Погляди-ка! Работа по моей специальности! Буду получать полную ставку! Увидимся вечером в гостинице. Желаю удачи в поисках!

Алек помахал ему на прощание:

– Ну, будем надеяться, что работа окажется не хуже, чем ты рассчитываешь. А я ничему не верю до тех пор, пока деньги у меня не в руках.

Джон быстро шел по улице, его длинные ноги отмахивали квартал за кварталом. «Старина Алек! Не верит ни во что, чего не может потрогать. Может быть, он прав. Но зачем наго-

нять на себя уныние? День начался не так уж плохо – колено действует прекрасно. Я, возможно, получу хорошую работу...»

Никогда еще с тех пор, как его активировали, у Джона Венэкса не было такого бодрого настроения.

Быстро повернув за угол, он столкнулся с каким-то прохожим. Джон сразу же остановился, но не успел отскочить. Очень толстый человек стукнулся об него и упал на землю. И радость сменилась черным отчаянием – он причинил вред ЧЕЛОВЕКУ.

Джон наклонился, чтобы помочь толстяку встать, но тот увернулся от дружеской руки и визгливо завопил:

– Полиция! Полиция! Караул! На меня напали... взбесившийся робот! Помогите!

Начала собираться толпа. На почтительном расстоянии, правда, но тем не менее грозная. Джон замер. Голова у него шла кругом: что он натворил! Сквозь толпу протиснулся полицейский.

– Заберите его, расстреляйте... Он меня ударил... чуть не убил! – Толстяк дрожал и захлебывался от ярости.

Полицейский достал пистолет семьдесят пятого калибра с гасящей отдачу рукояткой. Он прижал дуло к боку Джона.

– Этот человек обвиняет тебя в серьезном преступлении, жестянка. Пойдешь со мной в участок, там поговорим.

Полицейский тревожно оглянулся и взмахнул пистолетом, расчищая себе путь в густой толпе. Люди неохотно отступили. Послышались сердитые восклицания.

Мысли Джона вихрем неслись по замкнутому кругу. Как могла произойти эта катастрофа и чем она кончится? Он не осмеливался сказать правду – ведь тем самым он назвал бы человека лжецом. С начала года в Нью-Йорке замкнули уже шесть роботов. Если он посмеет произнести хоть слово в свою защиту – электрический кабель рядом, и в полицейском морге на полку ляжет седьмая выжженная металлическая оболочка.

Его охватило тупое отчаяние – выхода не было. Если толстяк не возьмет своего обвинения назад, его ждет каторга. Хотя, пожалуй, живым ему до участка не дойти. Газеты успешно раздували ненависть к роботам: она слышалась в сердитых голосах, сверкала в сузившихся глазах, заставляла сжиматься кулаки. Толпа превращалась в стаю зверей, готовую накинуться на него и растерзать.

– Эй! Что тут происходит? – прогремел голос, в котором было что-то, приковавшее внимание толпы.

У тротуара остановился огромный межконтинентальный грузовик. Водитель выпрыгнул из кабины и начал проталкиваться сквозь толпу. Полицейский, когда водитель надвинулся на него, нервно поднял пистолет.

– Это мой робот, Джек. Не вздумай его продырявить. – Шофер повернулся к толстяку. – Этот жирный – врун, каких мало. Робот стоял тут и ждал меня. А жирный, наверное, не только дурак, а еще и слеп в придачу. Я все видел: он наткнулся на робота, а потом завизжал и давай звать полицию.

Толстяк не выдержал: он побагровел от ярости и бросился на шофера, неуклюже размахивая кулаками. Шофер уперся могучей ладонью в лицо своего противника, и тот вторично очутился на тротуаре.

Толпа разразилась хохотом. Замыкание и робот были забыты. Драка шла между людьми, и причина драки никого больше не занимала. Даже полицейский, убирая пистолет в кобуру, позволил себе улыбнуться и только потом начал разнимать дерущихся.

Шофер сердито прикрикнул на Джона:

– А ну лезь в кабину, рухлядь! Забот с тобой не оберешься!

Толпа хохотала, глядя, как он толкнул Джона на сиденье и захлопнул дверцу. Шофер нажал большим пальцем на кнопку стартера, могучие дизели взревели, и грузовик отъехал от тротуара.

Джон приоткрыл рот, но ничего не мог сказать. Почему этот незнакомый человек помог ему? Какими словами его благодарить? Он знал, что не все люди ненавидят роботов. Ходили даже слухи, что некоторые обращаются с роботами не как с машинами, а как с равными себе. Очевидно, шофер грузовика принадлежал к этим мифическим существам – иного объяснения его поступку Джон не находил.

Уверенно держа рулевое колесо одной рукой, шофер пошарил другой за приборной доской и вытащил тонкую пластиковую брошюрку. Он протянул ее Джону, и тот быстро прочел заглавие: «Роботы – рабы мировой экономической системы». Автор – Филпотт Азимов-второй.

– Если у вас найдут эту штуку, вам крышка. Спрячьте-ка ее за изоляцию вашего генератора: если вас схватят, вы успеете ее сжечь. Прочтите, когда рядом никого не будет. И узнаете много нового. На самом деле роботы вовсе не хуже людей. Наоборот, во многих отношениях они даже лучше. Тут есть небольшой исторический очерк, показывающий, что роботы – не единственные, кого считали гражданами второго сорта. Вам это может показаться странным, но было время, когда люди обходились с другими людьми так, как теперь обходятся с роботами. Это одна из причин, почему я принимаю участие в нашем движении: когда сам обожжешься, так и других тащишь из огня. – Он улыбнулся Джону широкой дружеской улыбкой – его зубы казались особенно белыми по контрасту с темно-коричневой кожей лица. – Я должен обратиться на шоссе номер один. Где вас высадить?

– У Чейнджета, пожалуйста. Мне нужно навести там справки о работе.

Дальше они ехали молча. Прежде чем открыть дверцу, шофер пожал Джону руку:

– Извините, что обозвал вас рухлядью, – надо было умиротворить толпу.

Грузовик отъехал.

Джону пришлось подождать полчаса, но наконец подошла его очередь, и клерк сделал ему знак пройти в комнату заведующего приемом. Он быстро вошел и увидел за столом из прозрачной пластмассы маленького нахмуренного человека. Тот сердито перебирал бумаги на своем столе, иногда ставя на полях какие-то закорючки. Он быстро, по-птичьи покосился на Джона.

– Да-да, поскорей. Что тебе нужно?

– Вы дали объявление. Я...

Маленький человек жестом остановил его:

– Довольно. Давай твой опознавательный жетон... И поскорее. Другие ждут.

Джон вытащил жетон из щели в животе и протянул его заведующему. Тот прочел кодový номер, а потом провел пальцем по длинному списку похожих номеров. Внезапно палец остановился, и заведующий посмотрел на Джона из-под полуопущенных век:

– Ты ошибся, у нас для тебя ничего нет.

Джон попробовал было объяснить, что в объявлении указывалась именно его специальность, но заведующий сделал ему знак замолчать и протянул обратно жетон. Одновременно он выхватил из-под пресс-папье какую-то карточку и показал ее Джону. Он подержал ее меньше секунды, зная, что фотографическое зрение и эйдетическая память робота мгновенно воспримут и навсегда сохранят все, что на ней написано. Карточка упала в пепельницу, и прикосновение карандаша-зажигалки превратило ее в пепел.

Джон сунул жетон на место и, спускаясь по лестнице, мысленно прочитал то, что было написано на карточке. Шесть строчек, напечатанных на машинке. Без подписи.

**РОБОТ ВЕНЭКС! ТЫ НУЖЕН ФИРМЕ ДЛЯ СТРОГО СЕКРЕТНОЙ РАБОТЫ. В АППАРАТЕ УПРАВЛЕНИЯ, ПО-ВИДИМОМУ, ЕСТЬ ОСВЕДОМИТЕЛИ КОНКУРИРУЮ-**

ЩИХ КОМПАНИЙ. ПОЭТОМУ ТЕБЯ НАНИМАЮТ ТАКИМ НЕОБЫЧНЫМ СПОСОБОМ. НЕМЕДЛЕННО ИДИ НА ВАШИНГТОН-СТРИТ, 787, И СПРОСИ МИСТЕРА КОУЛМЕНА.

У Джона словно гора с плеч свалилась. Ведь он уже совсем было решил, что не получит работы. Такой способ найма не вызывал у него никакого удивления. Большие фирмы ревниво охраняли открытия своих лабораторий и не стеснялись в средствах, пытаясь добраться до секретов своих соперников. Пожалуй, можно считать, что место за ним.

Громоздкий погрузчик сновал взад и вперед в полутьме старинного склада, возводя аккуратные штабеля ящиков под самый потолок. Джон окликнул его, и робот, сложив подъемную вилку, скользнул к нему на бесшумных шинах. В ответ на вопрос Джона он указал на лестницу в глубине помещения.

– Контора мистера Коулмена вон там. На двери есть дощечка.

Погрузчик прижал пальцы к слуховой мембране Джона и понизил голос до еле слышного шепота. Человеческое ухо не уловило бы ничего, но Джон слышал прекрасно, так как металлическое тело погрузчика обладало хорошей звукопроводимостью.

– Он отпетая сволочь и ненавидит роботов. Так что будь повежливей. Если сумеешь вставить в одну фразу пять «сэров», можешь ничего не опасаться.

Джон заговорщицки подмигнул, опустив щиток одного глаза, погрузчик ответил ему тем же и бесшумно отъехал к своим ящикам.

Поднявшись по пыльным ступенькам, Джон осторожно постучал в дверь мистера Коулмена.

Коулмен оказался пухлым коротышкой в старомодном желтом с фиолетовым костюме солидного дельца. Поглядывая на Джона, он сверился с описанием Венэкса в Общем каталоге роботов. По-видимому, убедившись, что перед ним действительно Венэкс, он захлопнул каталог.

– Давай жетон и встань у стенки, вон там!

Джон положил жетон на стол и попятился к стене.

– Да, сэр. Вот он, сэр.

Два «сэра» в один прием – пожалуй, не так уж плохо. Смеху ради он прикинул, удастся ли ему втиснуть пять «сэров» в одну фразу так, чтобы Коулмен не почувствовал, что над ним потешаются, – и заметил опасность, когда было уже поздно.

Скрытый под штукатуркой электромагнит был включен на полную мощность, и металлическое тело Джона буквально вжалось в стену. Коулмен крикнул, злорадно приплясывая:

– Все в порядке, Друс! Повис, как расплющенная консервная банка на рифе! Не пошевелинет ни одним мотором. Тащи сюда эту штуку, и обрабатываем его.

Друс был в комбинезоне механика, надетом поверх обычной одежды. На боку у него висела сумка с инструментами. В вытянутой руке он нес черный металлический цилиндр, старательно держа его как можно дальше от себя. Коулмен раздраженно прикрикнул на него:

– Бомба на предохранителе и взорваться не может! Перестань валять дурака. Ну-ка присобачь ее к ноге этой жестянки, да побыстрее!

Что-то ворча себе под нос, Друс приварил металлические фланцы бомбы к ноге Джона, чуть выше колена. Коулмен подергал черный цилиндр, проверяя, прочно ли он держится, а потом повернул какой-то рычажок и вытащил блестящий черный стержень чеки. Раздался негромкий сухой щелчок – взрыватель бомбы был взведен.

Джон мог только беспомощно следить за происходящим – даже его голосовая диафрагма была парализована магнитным полем. У него не оставалось никаких сомнений, что заманили его сюда не ради сохранения коммерческой тайны. Он ругал себя последними словами за то, что так легкомысленно угодил в ловушку.

Электромагнит был отключен, и Джон тотчас запустил мотор движения, готовясь ринуться вперед. Коулмен достал из кармана пластмассовую коробочку и положил большой палец на кнопку в ее крышке.

– Без глупостей, ржавая банка! Этот передатчик настроен на приемник в бомбочке, приваренной к твоей ноге. Стоит мне нажать на эту кнопку, и ты взлетишь вверх в облаке дыма, а вниз посыплешься дождем из болтов и гаек... А если тебе захочется разыграть героя, то вспомни вот про него.

По знаку Коулмена Друс открыл стенной шкаф. Там на полу лежал человек неопределенного возраста в грязных лохмотьях. К его груди была крепко привязана бомба. Прищурив налитые кровью глаза, он поднес ко рту почти опорожненную бутылку виски. Коулмен ударом ноги захлопнул дверь.

– Это просто бездомный бродяга, Венэкс, но тебе ведь все равно. Он же че-ло-век, а робот не может убить человека. Бомбочка этого пьяницы настроена на одну волну с твоей, и если ты попробуешь сыграть с нами какую-нибудь штуку, он разлетится на куски.

Коулмен сказал правду, и Джону оставалось только подчиниться. Все привитые ему понятия, да и 92-й контур в его мозгу делали непереносимой для него даже мысль о том, что он может причинить вред человеку. Для каких-то неведомых ему целей эти люди превратили его в свое покорное орудие.

Коулмен оттащил в сторону тяжелый брезент, лежавший на полу, и Джон увидел в бетоне зияющую дыру – начало темного туннеля, уходившего дальше в землю. Коулмен указал Джону на дыру:

– Пройдешь шагов тридцать и наткнешься на обвал. Убери все камни и землю. Расчистишь выход в канализационную галерею и вернешься сюда. И один! Если вздумаешь позвать легавых, и от тебя, и от старого хрыча останется мокрое место. А теперь – живо!

Туннель был прорыт совсем недавно, и крепежными стойками в нем служили такие же ящики, какие он видел на складе. Внезапно путь ему преградила стена из свежей земли и камней. Джон начал накладывать землю в тачку, которую дал ему Друс.

Он вывез уже четыре тачки и начал накладывать пятую, когда наткнулся на руку – руку робота, сделанную из зеленого металла. Он включил лобовой фонарь и внимательно осмотрел руку. Сомнений не было: шарниры суставов, расположение гаек на ладони и сочленения большого пальца могли означать только одно – это была оторванная кисть Венэкса.

Быстро, но осторожно Джон разгреб мусор и увидел погибшего робота. Торс был раздавлен, провода обуглились, из огромной рваной раны в боку сочилась аккумуляторная кислота. Джон бережно обрезал провода, которые еще соединяли шею с телом, и положил зеленую голову на тачку. Она смотрела на него пустым взглядом мертвеца: щитки разошлись до максимума, но в лампах за ними не теплилось ни искорки жизни.

Он начал счищать грязь с номера на раздробленной груди, но тут в туннель спустился Друс и навел на него яркий луч фонарика.

– Брось возиться с этой рухлядью, а то и с тобой будет то же! Туннель надо закончить сегодня!

Джон сложил бесформенные металлические обломки на тачку вместе с землей и камнями и покатил ее по туннелю. Мысли у него мешались. Мертвый робот – это было страшно. Да еще к тому же робот из его семейства! Но тут начиналось необъяснимое. Что-то с этим роботом было не так – он увидел на его груди номер 17, а ведь он очень хорошо помнил тот день, когда Венэкс-17 погиб на дне Оранжевого Моря, потому что в его мотор попала вода.

Только через четыре часа Джон добрался до старой гранитной стены канализационной галереи. Друс дал ему короткий ломик, и он выломал несколько больших камней, так что образовалась дыра, через которую он мог спуститься в галерею.

Затем он поднялся в контору, бросил ломик на пол в углу и, стараясь выглядеть как можно естественнее, уселся там на куче земли и камней. Он заерзал, словно устраиваясь поудобнее, и его пальцы нащупали обрубок шеи Венэкса-17.

Коулмен повернулся на табурете и взглянул на стенные часы. Сверившись со своими часами-булавкой, которой был заколот его галстук, он удовлетворенно буркнул что-то и ткнул пальцем в сторону Джона:

– Слушай, ты, зеленая жестяная морда! В девятнадцать часов выполнишь одно задание. И смотри у меня! Чтобы все было сделано точно. Спустишься в галерею и выберешься в Гудзон. Выход под водой, так что с берега тебя не увидят. Пройдешь по дну двести ярдов на север. Если не напутаешь, окажешься как раз под днищем корабля. Смотри в оба, но фонаря не зажигай, понял? Пойдешь прямо под килем, пока не увидишь цепь. Влезешь по ней, снимешь ящик, который привинчен к днищу, и принесешь его сюда. Запомнил? Не то сам знаешь, что будет.

Джон кивнул. Его пальцы тем временем быстро распутывали и выпрямляли провода в оторванной шее. Потом он взглянул на них, чтобы запомнить их порядок.

Включив в уме цветовой код, он разобрался в назначении этих проводов. Двенадцатый провод передавал импульсы в мозг, шестой – импульсы из мозга.

Он уверенно отделил эти два провода от остальных и неторопливо обвел взглядом комнату. Друс дремал в углу на стуле, а Коулмен разговаривал по телефону. Его голос иногда переходил в раздраженный визг, и все же он не спускал глаз с Джона, а в левой руке крепко сжимал пластмассовую коробочку.

Но голову Венэкса-17 Джон от него заслонял, и, пока Друс продолжал спать, он мог возиться с ней, ничего не опасаясь. Джон включил выходной штепсель в своем запястье, и водонепроницаемая крышечка, щелкнув, открылась. Этот штепсель, соединяющийся с его аккумулятором, предназначался для включения электроинструментов и дополнительных фонарей.

Если голова Венэкса-17 была отделена от корпуса менее трех недель назад, он сможет реактивировать ее. У каждого робота в черепной коробке имелся маленький аккумулятор на случай, если мозг вдруг будет отъединен от основного источника питания. Аккумулятор обеспечивал тот минимум тока, который был необходим, чтобы предохранить мозг от необратимых изменений, но все это время робот оставался без сознания.

Джон вставил провода в штепсель на запястье и медленно довел напряжение до нормального уровня. После секунды томительного ожидания глазные щитки Венэкса-17 внезапно закрылись. Когда они снова разошлись, лампы за ними светились. Их взгляд скользнул по комнате и остановился на Джоне.

Правый щиток закрылся, а левый начал отодвигаться и задвигаться с молниеносной быстротой. Это был международный код – и сигналы подавались с максимальной скоростью, какую был способен обеспечить соленоид. Джон сосредоточенно расшифровывал: «Позвони... вызови особый отдел... скажи: „Сигнал четырнадцатый“... помощь при...» Щиток замер, и свет разума в глазах померк.

На мгновение Джона охватил панический ужас, но он тут же сообразил, что Венэкс-17 отключился нарочно.

– Эй, что это ты тут затеял? Ты свои штучки брось! Я знаю вас, роботов, знаю, какой дрянью набиты ваши жестяные башки! – Друс захлебывался от ярости. Грязно выругавшись, он изо всех сил пнул ногой голову Венэкса-17. Ударившись о стену, она отлетела к ногам Джона.

Зеленое лицо с большой вмятиной во лбу глядело на Джона с немой мукой, и он разорвал бы этого человека в клочья, если бы не 92-й контур. Но когда его моторы заработали на полную мощность и он уже готов был рвануться вперед, контрольный прерыватель сделал свое дело, и Джон упал на кучу земли, на мгновение полностью парализованный. Власть над телом могла вернуться к нему, только когда угаснет гнев.

Это была словно застывшая живая картина: робот, опрокинувшийся на спину, человек, наклонившийся над ним, с лицом, искаженным животной ненавистью, и зеленая голова между ними – как эмблема смерти.

Голос Коулмена, словно нож, рассек мощный пласт невыносимого напряжения:

– Друс! Перестань возиться с этой жестянкой. Пойди открой дверь. Явился Малыш Уилли со своими разносчиками. А с этим хламом поиграешь потом.

Друс повиновался и вышел из комнаты, но только после того, как Коулмен прикрикнул на него второй раз. Джон сидел, привалясь к стене, и быстро и точно оценивал все известные ему факты. О Друс он больше не думал: этот человек стал для него теперь только одним из факторов в решении сложной проблемы.

Вызвать особый отдел, – значит, это что-то крупное. Настолько, что дело ведут федеральные власти. «Сигнал четырнадцать» – за этим стояла огромная предварительная подготовка, какие-то силы, которые теперь могут быть мгновенно приведены в действие. Что, как и почему, он не знал, но ясно было одно: надо любой ценой выбраться отсюда и позвонить в особый отдел. И времени терять нельзя – вот-вот вернется Друс с неведомыми «разносчиками». Необходимо что-то сделать до их появления.

Джон еще не успел довести ход своих рассуждений до конца, а его пальцы уже принялись за дело. Спрятав в руке гаечный ключ, он быстро отвинтил главную гайку бедренного сочленения. Она упала в его ладонь, и теперь только ось удерживала ногу на месте. Джон медленно поднялся с пола и пошел к столу Коулмена.

– Мистер Коулмен, сэр! Уже время, сэр? Мне пора идти к кораблю?

Джон говорил медленно, делая вид, что идет к дыре, но одновременно он незаметно приближался и к столу.

– У тебя еще полчаса, сиди смир... Э-эй!

Он не договорил. Как ни быстры человеческие рефлексy, они не могут соперничать с молниеносными рефлексами электронного мозга. Коулмен еще не успел понять, что, собственно, произошло, а робот уже упал поперек стола, сжимая в руке отстегнутую у бедра ногу.

– Вы убьете себя, если нажмете эту кнопку!

Джон заранее сформулировал это предупреждение. Теперь, выкрикнув его прямо в ухо растерявшегося человека, он засунул отъединенную ногу ему за пояс. Все произошло, как было задумано: палец Коулмена метнулся к кнопке, но застыл над ней. Выпученными глазами он уставился на смертоносный цилиндр, чернеющий у самого его живота.

Джон не стал ждать, пока он опомнится. Соскользнув со стола, он подхватил с пола ломик и, оттолкнувшись единственной ногой, в один прыжок очутился у дверцы стенного шкафа. Он всадил ломик между косяком и дверцей и с силой нажал. Коулмен еще только ухватился за металлическую ногу, а Джон уже открыл шкаф и одним рывком разорвал толстый ремень, удерживавший бомбу на груди мертвецки пьяного бродяги. Бомбу он бросил в угол возле Коулмена – пусть разделяется с ней как хочет. Хоть он и остался без ноги, но, во всяком случае, избавился от бомбы, не причинив вреда человеку. А теперь надо добраться до какого-нибудь телефона и позвонить.

Коулмен, еще не успевший освободиться от бомбы, сунул руку в ящик стола за пистолетом. О двери нечего было и думать – там ему преградят путь Друс и его спутники. Оставалось только окно, выходящее в помещение склада.

Джон Венэкс выскочил в окно, матовые стекла брызнули тысячью осколков, а в комнате позади него прогремел выстрел и от металлической оконной рамы отлетел солидный кусок. Вторая пуля калибра 75 просвистела над самой головой робота, поскакавшего к задней двери склада. До нее оставалось не больше тридцати шагов, как вдруг раздалось шипение, огромные створки скользнули навстречу друг другу и плотно сомкнулись. Значит, все остальные двери

тоже заперты, а топот стремительно бегущих ног навел на мысль, что именно там его и намерены встретить враги. Джон метнулся за штабель ящиков.

Над его головой, скрещиваясь и пересекаясь, уходили под крышу стальные балки. Человеческий глаз ничего не различил бы в царившем там густом мраке, но для Джона было вполне достаточно инфракрасных лучей, исходявших от труб парового отопления.

С минуты на минуту Коулмен и его сообщники начнут обыскивать склад, и только там, на крыше, он сможет спастись от плена и смерти. Да и передвигаться по полу на одной ноге было непросто. А на балках для быстрого передвижения ему будет достаточно рук.

Джон уже забрался на одну из верхних балок, когда внизу раздался хриплый крик и загремели выстрелы. Пули насквозь пробивали тонкую крышу, а одна расплющилась о стальную балку как раз под его грудью. Трое из новоприбывших начали карабкаться вверх по пожарной лестнице, а Джон тихонько пополз к задней стене.

Сейчас ему ничто непосредственно не угрожало, и он мог обдумать свое положение. Люди ищут его, рассыпавшись по всему зданию, и через несколько минут он, несомненно, будет обнаружен. Все двери заперты, и окна... он обвел взглядом склад – окна, конечно, тоже заблокированы. Если бы он мог позвонить в особый отдел, неведомые друзья Венэкса-17, вероятно, успели бы прийти к нему на помощь. Но об этом не стоило и думать – единственным телефоном в здании был тот, который стоял на столе Коулмена. Джон специально проследил направление провода и знал это наверняка.

Джон машинально посмотрел вверх, туда, где почти у самой его головы протянулись провода в пластмассовой оболочке. Вот он, телефонный провод... Телефонный провод? А что еще ему нужно, чтобы позвонить?

Он ловко и быстро освободил от изоляции небольшой участок телефонного провода и вытащил из левого уха маленький микрофон. Он усмехнулся: сначала нога, теперь ухо – ради ближнего он жертвовал собой в буквальном смысле слова. Не забыть потом сказать об этом Алексу Копачу – если это «потом» для него наступит. Алек обожает такие шутки.

Джон вставил в микрофон два провода и подсоединил его к телефонной линии. Прикоснувшись к проводу амперметром, он убедился, что линия свободна. Затем, рассчитав нужную частоту, послал одиннадцать импульсов, точно соблюдая соответствующие интервалы. Это должно было обеспечить ему соединение с местной подстанцией. Поднеся микрофон к самому рту, Джон произнес четко и отдельно:

– Алло, станция! Алло, станция! Я вас не слышу, не отвечайте мне. Вызовите особый отдел – сигнал четырнадцать, повторяю – сигнал четырнадцать...

Джон повторял эти слова, пока не увидел, что обыскивающие склад люди уже совсем близко. Он оставил микрофон на проводе – в темноте люди его не заметят, а включенная линия подскажет неведомому особому отделу, где он находится. Упираясь в металл кончиками пальцев, он осторожно перебрался по двутавровой балке в дальний угол помещения и заполз там в нишу. Спасти он не мог. Оставалось только тянуть время.

– Мистер Коулмен, я очень жалею, что убежал!

Голос, включенный на полную мощность, разнесся по складу раскатами грома. Люди внизу завертели головами.

– Если вы позволите мне вернуться и не убьете меня, я сделаю то, что вы велели. Я боялся бомбы, а теперь боюсь пистолетов. – Конечно, это звучало очень по-детски, но он не сомневался, что никто из них не имеет ни малейшего представления о мышлении роботов. – Пожалуйста, разрешите мне вернуться... сэр! – Он чуть было не забыл про магическое словечко, а потому повторил его еще раз: – Пожалуйста, сэр!

Коулмену необходим этот ящик, и, разумеется, он пообещает все, что угодно. Джон прекрасно понимал, какая судьба его ждет в любом случае, но он старался выиграть время в надежде, что ему удалось дозвониться и помощь подоспел вовремя.

– Ладно, слезай, жестянка! Я тебе ничего не сделаю, если ты выполнишь работу как следует.

Но Джон уловил скрытую ярость в голосе Коулмена. Бешеную ненависть к роботу, посмевавшему дотронуться до него...

Спускаться было легко, но Джон спускался медленно, стараясь выглядеть как можно более неуклюжим. Он поскакал на середину склада, хватаясь за ящики, словно для того, чтобы не потерять равновесия. Коулмен и Друс ждали его там. Рядом с ними стояли какие-то новые люди с пустыми и злыми глазами. При его приближении они подняли пистолеты, но Коулмен жестом остановил их:

– Это моя жестянка, ребята. Я сам о нем позабочусь.

Он поднял пистолет, и выстрел оторвал вторую ногу Джона. Подброшенный ударом пули Джон беспомощно рухнул на пол, глядя вверх – на дымящееся дуло пистолета калибра 75.

– Для консервной банки придумано неплохо, только этот номер не пройдет. Мы снимем ящик каким-нибудь другим способом. Так, чтобы ты не путался у нас под ногами.

Его глаза зловеще сощурились.

С того момента, как Джон кончил шептать в микрофон, прошло не более двух минут. Вероятно, те, кто ждал звонка Венэкса-17, дежурили в машинах круглые сутки. Внезапно с оглушительным грохотом обрушилась центральная дверь. Скрежеща гусеницами по стали, в склад влетела танкетка, ошеренная автоматическими пушками. Но она опоздала на одну секунду: Коулмен нажал на спуск.

Джон уловил чуть заметное движение его пальца и отчаянным усилием рванулся в сторону. Он успел отодвинуть голову, но пуля разнесла его плечо. Еще раз Коулмен выстрелить не успел. Раздалось пронзительное шипение, и танкетка изрыгнула мощные струи слезоточивого газа. Ни Коулмен, ни его сообщники уже не увидели полицейских в противогазах, хлынувших в склад с улицы.

Джон лежал на полу в полицейском участке, а механик приводил в порядок его ногу и плечо. По комнате расхаживал Венэкс-17, с видимым удовольствием пробуя свое новое тело.

– Вот это на что-то похоже! Когда меня засыпало, я уже совсем решил, что мне конец. Но пожалуй, я начну с самого начала.

Он пересек комнату и потряс уцелевшую руку Джона:

– Меня зовут Уил Контр – четыре тысячи девятьсот пятьдесят один эйч-зет. Хотя это давно пройденный этап – я сменил столько разных тел, что уже и забыл, каков я был в самом начале. Из заводской школы я перешел прямо в полицейское училище и с тех пор так и работаю – сержант вспомогательных сил сыскающей полиции, следственный отдел. Занимаюсь я больше тем, что торгую леденцами и газетами или разношу напитки во всяких притонах: собираю сведения, составляю докладные и слежу кое за кем по поручению других отделов. На этот раз – прошу, конечно, извинения, что мне пришлось выдать себя за Венэкса, но, по-моему, я ваше семейство не опозорил, – на этот раз меня одолжили таможене. В Нью-Йорк начали поступать большие партии героина. ФБР удалось установить, кто орудует здесь, но было неизвестно, как товар доставляется сюда. И когда Коулмен – он у них тут был главным – послал объявления в агентства по найму рабочей силы, что ему требуется робот для подводных работ, меня запихнули в новое тело, и я сразу помчался по адресу. Как только я начал копать туннель, я связался с отделом, но проклятая кровля обрушилась до того, как я выяснил, на каком судне пересылают героин. А что было дальше, тебе известно. Опергруппа не знала, что меня прихлопнуло, и ждала сигнала. Ну а этим ребятам, понятно, не хотелось сложа руки ждать, когда ящик героина ценой в полмиллиона уплывет назад невостребованным. Вот они и нашли тебя. Ты позвонил, и доблестные блюстители порядка вломились в последний миг – спасти двух роботов от ржавой могилы.

Джон давно уже тщетно пытался вставить хоть слово и поспешил воспользоваться случаем, когда Уил замолчал, залюбовавшись своим отражением в оконном стекле.

– Почему ты мне все это рассказываешь – про методы следствия и про операции твоего отдела? Это же секретные сведения? И уж никак не для роботов.

– Конечно! – беспечно ответил Уил. – Капитан Эджкомб, глава нашего отдела, – большой специалист по всем видам шпионажа. Мне поручено наболтать столько лишнего, чтобы тебе пришлось либо поступить на службу в полицию, либо распрощаться с жизнью во избежание разглашения государственной тайны.

Уил расхохотался, но Джон ошеломленно молчал.

– Правда, Джон, ты нам очень подходишь. Роботы, которые умеют быстро соображать и быстро действовать, встречаются не так уж часто. Услышав, какие штуки ты откалывал на складе, капитан Эджкомб поклялся оторвать мне голову навсегда, если я не уговорю тебя. Ты ведь ищешь работу? Ну так чего же тебе еще? Неограниченный рабочий день, платят гроши, зато уж скучно, поверь мне, не бывает никогда. – Уил вдруг перешел на серьезный тон: – Ты спас мне жизнь, Джон. Эта шайка бросила бы меня ржаветь в туннеле до скончания века. Я буду рад получить тебя в помощники. Мы с тобой сработаемся. И к тому же, – тут он снова засмеялся, – тогда как-нибудь при случае и я тебя спасу. Терпеть не могу долгов!

Механик кончил и, сложив инструменты, ушел. Плечевой мотор Джона был отремонтирован, и он смог сесть. Они с Уилом обменялись рукопожатием – на этот раз крепким и долгим.

Джона оставили ночевать в пустой камере. По сравнению с гостиничными номерами и барачными закутками, к которым он привык, она казалась удивительно просторной, и Джон даже пожалел, что у него нет ног – их было бы где поразмять. Ну ладно, придется подождать до утра. Перед тем как он начнет выполнять свои новые обязанности, его приведут в полный порядок.

Он уже записал свои показания, но невероятные события этого дня все еще не давали ему думать ни о чем другом. Это его раздражало: надо было дать остыть перегретым контурам. Чем бы отвлечься? Почитать бы что-нибудь. И тут он вспомнил о брошюре. События развивались так стремительно, что он совсем забыл про утреннюю встречу с шофером грузовика.

Он осторожно вытащил брошюру из-за изоляции генератора и открыл первую страницу. «Роботы – рабы мировой экономической системы». Из брошюры выпала карточка, и он прочел:

**ПОЖАЛУЙСТА, УНИЧТОЖЬТЕ ЭТУ КАРТОЧКУ, КОГДА ПРОЧТЕТЕ!**

**ЕСЛИ ВЫ РЕШИТЕ, ЧТО ВСЕ ЗДЕСЬ – ПРАВДА, И ЗАХОТИТЕ УЗНАТЬ БОЛЬШЕ, ТО ПРИХОДИТЕ ПО АДРЕСУ: ДЖОРДЖ-СТРИТ, 107, КОМНАТА В, В ЛЮБОЙ ЧЕТВЕРГ В ПЯТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА.**

Карточка вспыхнула и через секунду превратилась в пепел, но Джон знал, что будет помнить эти строчки не только потому, что у него безупречная память.

## Мир на волоске

*Перевод О. Полей*

Тест номер 1937 подходил к концу, когда раздалась первые взрывы. Вначале приглушенный рокот, затем громче – бабах! – так, что задрожали оконные стекла. Из четверых находившихся в лаборатории только Джон Барони поднял голову, и между бровей пролегла резкая тревожная складка. Он оглянулся на остальных. Доктор Штайнгрумер стоял у пульта управления, Люси Каваи помогала ему с настройками, а молодой Сэнди Льюис записывал результаты теста в отрывном блокноте. Напрасно Джон пытался успокоить себя мыслью о том, что коллеги невозмутимы и сосредоточены. Слишком часто он слышал эти звуки в былые дни и знал, что они означают. Негромким голосом он проговорил:

– Это не гром... Это мощная взрывчатка.

Один за другим коллеги повернули к нему головы; все лица были растерянными и недоверчивыми. Объяснить он не успел, но в следующую секунду все стало ясно и так. Послышался тонкий протяжный вой; вначале отдаленный, он звучал все громче. Джон узнал его, и сразу в животе возникла знакомая тяжесть; но он тотчас понял, что упадет не слишком близко. Раздался взрыв, и кампус за окном на секунду словно осветило дневное солнце. Затем налетела взрывная волна, зазвенели разбитые стекла. Сэнди и доктор Штайнгрумер вздрогнули, а у Люси вырвался вскрик.

А потом раздался телефонный звонок, заглушив все еще слышавшийся вдалеке рокот бомбардировщика. Джон пошел к телефону, а все остальные подбежали к окну.

Разговор был коротким, и звонивший сразу же отключился. Джон медленно повесил трубку и попытался вникнуть в смысл происходящего. В общем-то, понять его было нетрудно, но он никак не укладывался в голове. Напрашивающийся вывод не радовал. Оборвав свою мысль, Джон крикнул:

– Сэнди, это тебя. Не представились, только спросили, здесь ты или нет. Я ответил, мне сказали: «На базу по тревоге, срочно!» – и повесили трубку.

Все понимали, что это значит. Сэнди был пилотом национальной гвардии. Когда он схватил куртку и выбежал за дверь, всем стало ясно: это не учебная тревога, не маневры. Только после того, как захлопнулась дверь, Джон сообразил, что зря не посоветовал ему быть осторожнее. Грохот доносился как раз со стороны аэродрома.

– Радио, – сказал доктор Штайнгрумер. – Нужно узнать, что происходит.

Он включил приемник, покрутил ручку настройки. Слышались только шум несущих волн и помехи.

– Сломалось, – произнесла Люси без уверенности.

Джон высказал вслух то, о чем со страхом думали все:

– Приемник в порядке, дело наверняка в радиостанциях – ни одна не работает. Похоже, это война. Стрельба на аэродроме, национальная гвардия поднята по тревоге, радио... По моему, это единственно возможное объяснение.

В его голосе не слышалось волнения – просто мрачная констатация факта. Речь человека, не понаслышке знающего, что такое война и смерть.

– Это... русские? – Голос у Люси был тихий, но в нем звучал страх.

Джон только пожал плечами и повернулся к окну. Грохот не умолкал, красное пламя освещало горизонт. Все смотрели на улицу – на заснеженный университетский двор и дальше, на Байпорт, этот тихий уголок Новой Англии, и пытались совместить идиллическую картину с войной и взрывами. Происходившее казалось невозможным. Бомбы уже не ложились поблизости, и нельзя было определить, куда же попала та, первая.

Издали доносились крики, слышался рев заводившегося двигателя и шум отъезжавшего автомобиля. Никто не замечал, как задувает в окно январская стужа. Зачарованное молчание прервал доктор Штайнгрумер. Он прикрыл глаза рукой и повернулся к телефону. Пошелкал с минуту кнопками и аккуратно повесил трубку.

– Гудка нет, телефон уже не работает. Давайте закроем чем-нибудь окно, а то холодно.

Они работали быстро, радуясь, что нашлось занятие, а закончив, повернулись к Джону в ожидании указаний. Он не удивился. Доктор Штайнгрумер – физик, профессор, и это его лаборатория, однако сейчас и он, и его ассистентка Люси Каваи ждут помощи от бывшего человека. Сейчас они видят перед собой не студента последнего курса, а фронтовика, пехотинца. Мигом вспомнили и про его военный опыт, и про то, что когда-то прочитали о нем в газетах. Криво усмехаясь, он подумал: надо же, одна бомба, и бывший сержант американской армии уже главнее знаменитого профессора. Но утешить коллег нечем, и нельзя ничего предпринять, пока не выяснится, что происходит. Эксперимент не закончен... можно продолжить работу, пока не поступят какие-нибудь новости.

– Хорошая мысль, – согласился с ним Штайнгрумер и повернулся к пульту управления.

Люси и Джон последовали его примеру, возвратясь на свои места. Контрольные параметры были уже рассчитаны и введены. Джон вынул из картонной фабричной упаковки новую пробирку и положил на бакелитовую пластину в центре аппарата. Он дал знак доктору Штайнгрумеру, и тот щелкнул переключателем, запустив финальную стадию эксперимента. Стрелки приборов качнулись, а через пять секунд, когда поступление энергии автоматически прекратилось, они вернулись в исходное положение.

О том, что аппарат работает, говорило лишь негромкое гудение окружавшей пластину спирали. Ученые по опыту знали, что с бакелитовой пластиной ничего заметного не произойдет: не будет ни излучения, ни заряда, который могут обнаружить многочисленные приборы. А вот с пробиркой кое-что произошло. Только что она была целой, а теперь на пластине лежит сотня осколков. Ни звона разбитого стекла, ни иного звука. Лишь беззвучный переход из одного состояния в другое.

– Тип реакции – «В», – сказал Джон. – Это редкость. Почти триста тестов на шести тысячах ампер, и «В» всего три раза.

Он записал результат в журнал и аккуратно ссыпал стеклянные осколки в конверт для дальнейшего исследования. Аппарат подготовили к следующему тесту, и Джон достал из коробки новую пробирку. Работая машинально, он думал, и думал напряженно. Взрывы за окном были забыты, но память о них осталась.

Вот уже неделю мысль крутилась в голове, скользила по самому краю сознания, а он все отмахивался, уж очень неправдоподобной она казалась. Будь она верной, еще раньше возникла бы у профессора Штайнгрумера, ведь машина – его изобретение. Но теперь кое-что изменилось. Сложилась чрезвычайная ситуация – и все сразу увидели в Джоне лидера. Он по-прежнему с почтением относился к начальнику, однако благоговейного трепета поубавилось. Может быть, его версия – полная чепуха, и тем не менее он выскажется.

Со следующими двумя пробирками ничего не случилось, и он дважды написал в журнале букву «А». Четвертая пробирка после включения тока исчезла бесследно – он поставил «Б». С каждым проведенным тестом его решимость крепла. Когда закончили серию экспериментов и отключили питание, он заговорил:

– Доктор, что же все-таки, по-вашему, происходит с этими пробирками?

Штайнгрумер поднял глаза и заморгал – он заносил результаты сегодняшней серии опытов в сводную таблицу. Немного подумав, ответил:

– У меня нет позитивной теории относительно этих явлений, однако одна-две гипотезы имеются. Возможно, все дело в пространственной ориентации – вы же помните изначальную теорию, на основе которой была сконструирована машина?

Джон улыбнулся:

– Я помню расчеты, хотя и не могу сказать, что до конца в них разобрался. Проще говоря, вы, насколько я понимаю, пытались связать длительность и непрерывность в объединенную функцию магнетизма и гравитации. Поле, генерируемое машиной, должно было, по вашим расчетам, изменить силу притяжения для объектов эксперимента. Однако ни масса пробирки, ни свойства магнитного поля не изменились – и все же что-то произошло.

Штайнгрумер нахмурился, глядя на свои цифры:

– Это верно, однако...

– Позвольте мне закончить, доктор: идея настолько дикая, что лучше уж сразу высказать ее до конца. Длительность – это ведь не что иное, как время. Если вы не изменили ни массу объекта, ни параметры магнитного поля, так, может быть... может быть, вы изменили время для этих пробирок!

Люси засмеялась и тут же осеклась. Когда заговорила, в голосе звучало замешательство:

– Ты хочешь сказать, что это... машина времени?

Джон не успел ответить – за дверью раздались тяжелые шаркающие шаги. Она с грохотом распахнулась. В проеме, прислонившись к косяку, стоял Сэнди Льюис. Пальто у него было грязное, разорванное, с левого рукава капала кровь. Он был до крайности взволнован, на бледном лице резко выделялись черные полосы грязи. Говорил он так сбивчиво, что коллеги еле разобрали слова:

– Убиты... Все убиты.

Джон быстро разорвал пропитанный кровью рукав. Рана выше локтя – похоже, от пули – была на вид не опасной. Сэнди просто ослаб от потери крови. В аптечке нашлись бинты и сульфамид, и Джон наложил повязку.

На бунзеновской горелке закипел кофейник. Люси, не дожидаясь просьбы, наполнила чашку и добавила щедрую порцию хлебного спирта. Все подождали, пока Сэнди выпьет кофе и с его лица хоть отчасти сойдет ужас, и только потом приступили к расспросам.

– Что было на аэродроме?

Несколько секунд Сэнди не отвечал Джону, лишь беззвучно раскрывал рот. Но стоило выговорить первые слова, как другие хлынули неуправляемым потоком.

– Мой мотоцикл стоял сразу за дверью, ну, я его завел и поехал к аэродрому. Я давно решил, что в экстренном случае через главные ворота не поеду, отсюда можно срезать почти две мили. Не сомневался, что на мотоцикле через колючую проволоку прорвусь – там всего-то три ряда. Ну, я так и сделал, а на стрельбу особого внимания не обращал – на этих объездных дорогах не до того, особенно когда еще и снегом засыпало. Через ограждение я довольно легко проскочил и рванул к аэродрому. На взлетке виднелось что-то черное, я остановился и пригляделся – там был сгоревший джип, а в нем два убитых летчика. Тогда-то я и заметил кругом воронки от бомб и другие следы боя. Решил, что лучше бросить мотоцикл и идти пешком, – я же понятия не имел, что меня там ждет.

На самолетной стоянке было довольно тихо, а возле казарм и у главных ворот все время трещали выстрелы. Я заглянул во второй ангар и чуть не потерял сознание. Там были летчики, все, кого я знал, и еще много из запаса. Они были мертвы – все до одного. Как будто их согнали в ангар и расстреляли из пулеметов. Это ужасно.

И тогда я решил узнать, что происходит. Приблизился к воротам, насколько смог, и понял, как же мне повезло, что я не приехал на аэродром обычным путем. В будке КПП стоял пулемет, и еще один за углом контрольно-диспетчерской вышки. Машину пропускают, и она попадает под кинжальный огонь сразу двух пулеметов. У тех, кто прибыл по тревоге, не было шансов спастись.

– Кто стрелял, Сэнди? – не мог не спросить Джон.

– Я тогда еще не знал кто... Потом выяснил, когда вернулся к взлетной полосе. Там стояли четыре больших корабля, а пятый сел на моих глазах. Должно быть, кто-то меня заметил, открыли огонь – тогда-то в руку и попало. Я добежал до своего мотоцикла и вернулся сюда.

Эти корабли, что я видел, – именно корабли, без крыльев, без винтов, и тот, последний, опускался вертикально. Можете думать, что я умом тронулся, но сегодня столько всего бредового творится... Эти корабли, по-моему, не просто из другой страны, – похоже, началось инопланетное вторжение.

Тут все заговорили разом, и через несколько минут Джон понял: если он хочет еще что-то выяснить, делать это придется самому. Но сначала нужно проследить, чтобы здесь все было организовано должным образом. Натягивая пальто, он сказал доктору Штайнгрумеру, куда направляется.

Его подозрения оправдались: кто-то уже открыл административное здание, и студенты с разных факультетов толпились вокруг, оживленно переговариваясь. Похоже, они совершенно не понимали, что происходит, и когда Джон забрался на стол и заговорил, все охотно умолкли.

От услышанного они оторопели, но поверили. Может быть, студенты и сомневались в нашествии инопланетян, но ведь и сам он сомневался. Однако что-то ведь произошло из ряда вон выходящее, и пока не поступило никаких официальных распоряжений, нужно принять меры самозащиты. Джон и глазом не успел моргнуть, как взял на себя командование и приступил к планированию обороны.

На складе службы подготовки офицеров резерва хранилось оружие и немного боеприпасов. Он сбил молотком замок и проследил, чтобы оружие досталось тем, кто умел с ним обращаться. Это были старые винтовки калибра 7,62, магазинные, но с ручной перезарядкой. Одну Джон взял себе и прихватил ремень с полными подсумками.

В здании лаборатории есть собственная электростанция, а значит, разумнее всего именно там оборудовать опорный пункт. Город еще не обесточен, но это может случиться в любую минуту. Джон разместил часовых и наблюдателей, а оставшихся вооруженных студентов увел в здание лаборатории. Весьма странное подразделение хрустело свежеснеженным снегом: студенты в джинсах и блейзерах, но с винтовками наперевес. Почти все тревожно поглядывали в сторону аэродрома. Стрельба смолкла, но еще полыхало зарево. Разговоров было почти не слышно.

Обеспечив охрану здания, Джон спустился на первый этаж, в физическую лабораторию. Доктор Штайнгрумер сидел и писал какие-то уравнения, он даже не заметил вошедшего. От стола, за которым стояла Люси Каваи, шел запах припоя – она возилась с какими-то деталями. При появлении Джона ее сосредоточенно нахмуренное лицо разгладилось.

– Я сейчас присоединю к приемнику усилитель и поймаю что-нибудь на коротких волнах. Коммерческие радиостанции не работают, но радиолюбители держатся на батарейках. Может, удастся узнать, что происходит в других местах.

Джон долго боролся со своими чувствами к этой девочке, наполовину гавайке, наполовину японке, но в конце концов понял, что эту битву ему не выиграть. Ну как устоять перед таким сочетанием – ум физика и великолепная фигура? Ему до сих пор казалось чудом, что она ответила ему взаимностью.

– Люси, это самая лучшая мысль за весь вечер. Может, что и получится. А я пока съезжу в город и попробую разведать обстановку. Постараюсь не задерживаться.

В ее глазах мелькнул испуг, но она ничего не сказала. Они поцеловались на прощание, и Люси немного задержала его в объятиях. Сэнди оставил ключи в замке зажигания, и Джон решил воспользоваться его мотоциклом. Люси постояла, прислушиваясь к удаляющемуся реву двигателя, и вернулась к своей работе.

Когда Джон был уже на полпути к городу, погасли все фонари. Он тоже погасил фару. Ночь была лунная, и свет отражался от снега – достаточно, чтобы разглядеть дорогу. Когда

Джон сворачивал с шоссе, кто-то выстрелил в его сторону, но промахнулся, и он не стал выяснять, кто это, лишь прибавил газу.

Добравшись до делового района, он свернул в узкий переулок и заглушил двигатель. Людей на улицах хватало, но они были мертвы. Почти все на вид гражданские. Он снял винтовку с плеча и проверил, вставлена ли обойма. Дослал пулю в патронник и сдвинул предохранитель.

Он будто снова очутился в Италии. Такие же темные улицы, скорчившиеся тела в лунном свете. Шел от дома к дому, беззвучно, осторожно – этот опыт настолько въелся в него, что уже никогда не будет забыт. Джон, он же Джино Барони, мальчишка с нью-йоркских улиц, вернулся в родную Италию, где бушевала война. А сейчас, в Штатах, ему снова пригодится все то, чему научили бесконечные бои и походы в составе пятой армии.

Мимо проехал автомобиль с выключенными фарами, почти неслышно – звук тонул в снегу. Когда он свернул за угол, Джон вжался в землю за открытой верандой и прицелился в водителя. Машина медленно удалилась, Джон не нажал на спуск. Не разглядеть было, кто – или что – сидит за рулем. Остаток пути до полицейского управления он проделал ползком.

Там он сразу понял, что имел в виду Сэнди, когда рассказывал об аэродроме. Люди в полицейской форме стояли в строю, наверное, по стойке смирно, когда их скосили пулеметные очереди. Кирпичная стена здания вся выщерблена, кровь залила тротуар. Мало кто успел схватиться за пистолет.

Он снова на войне – то же чувство оцепенения и одновременно полная ясность сознания. Дверь здания медленно открылась, он отступил назад и укрылся в тени.

На крыльцо вышел начальник городской полиции, а с ним по бокам два... существа. В лунном свете трудно было разглядеть их во всех подробностях, но Джон был этому даже рад. Ростом с человека, они передвигались на двух ногах. На этом сходство заканчивалось. Головы были шишковатые и шипастые, больше похожие на рачьи, чем на человеческие. Гладкие, светло-зеленые, твердые на вид.

Эти трое дошли до тротуара и повернулись спиной к Джону раньше, чем он смог выйти из оцепенения. Он шагнул из тени на свет и рефлексивно вскинул винтовку – так человек давит каблук паука. Когда второй «рак» упал вслед за первым, Джон опустил оружие и вгляделся в сраженных его пулями существ. Они не пытались отползти, из ран вытекала какая-то жидкость, оставляя пятна на снегу. Начальник полиции, Фостер, стоял неподвижно, похоже, он был в шоке. Джон схватил его за руку.

– Они убиты, шеф, вам больше ничто не угрожает – если мы успеем убраться отсюда, пока другие не появились.

Не выпуская руки Фостера, он пнул в голову одного из пришельцев – твердый экзоскелет. Полицейский вырвал руку и схватился за револьвер. Пуля просвистела у Джона над головой, выстрел оглушил его. Второй раз Фостер выстрелить не успел – получив свинец в грудь, он рухнул на тротуар.

Измученно глядя на него, Джон наконец осознал: нашлись, оказывается, предатели человеческого рода. Фостер не был пленником пришельцев, он действовал заодно с ними. В здании полицейского управления затопали бегущие ноги, и Джон едва успел затащить Фостера за угол. Тот был без сознания, но еще жив. Он тяжело дышал, на губах пузырилась кровавая пена. Может дать ценные сведения, если только удастся доставить его в кампус живым.

Выбиваясь из сил, Джон оттащил этого бугая за три квартала и спрятал за колонкой стоявшей на отшибе автозаправки. Через десять минут вернулся с мотоциклом и взгромоздил начальника полиции на заднее сиденье. Ехать с таким грузом нелегко; пришлось положить руки Фостера себе на плечи и держать их одной рукой.

Никто не пытался его остановить, и под обстрел он больше не попадал. Выехав на шоссе, быстро добрался до кампуса, обогнул университет, убеждаясь, что нет слежки. Когда остановился у лаборатории, Фостер был уже мертв.

Двое студентов помогли втащить тело в физическую лабораторию, где Штайнгрумер и Люси с тревогой уставились на окровавленный труп. Джон ногой перевернул мертвеца, чтобы погасшие глаза смотрели в потолок, и рассказал обо всем увиденном в городе. Пока он говорил, доктор Штайнгрумер все разглядывал покойника, а затем вдруг наклонился и ткнул карандашом в пулевую рану.

– Джон, у вас есть какие-нибудь соображения?

Он раздвинул края раны острием карандаша, и Джон заглянул в кровавое отверстие. Пуля перебила ребро и ушла дальше. Сломы блестели – ребро было металлическое.

Макдоналд, второкурсник с медицинского факультета, вызвался сделать вскрытие. Он разрезал труп быстрыми движениями скальпеля. Результаты оказались такими, что наблюдавшие не сразу поверили своим глазам. Они узнали, что начальник полиции Фостер не человек и человеком никогда не был. Кожа, мышечные ткани, вены походили на человеческие, но и только. Все кости были явно искусственного происхождения, сделаны из прочного цветного металла. На некоторых даже выбито что-то вроде серийного номера. Внутренности, например содержимое грудной клетки, не поддавались описанию. Некоторые органы показались Макдоналду смутно знакомыми, большинство же совершенно ни на что не похоже. Джон смотрел с отвращением, сколько мог выдержать, а затем отвернулся. Он устало опустился на стул в кабинете администрации, и Люси принесла ему кофе.

Через несколько минут к ним присоединился доктор Штайнгрумер. За окнами едва брезжил серый зимний рассвет.

Люси заговорила первой:

– Должно быть, это происходит по всей стране, а может, и по всему миру. Радиолюбители, каких мне удалось поймать, повторяют одно и то же, даже тот англичанин. Молниеносные беспощадные атаки, все военные и полицейские уничтожены в первые же часы. Кое-кто упомянул о предателях, а один сказал, что видел, как взорвали местную радиостанцию. Парень из Мэриленда утверждал, что на Вашингтон сбросили атомную бомбу. Потом он замолчал, и мне больше не удалось его поймать. И так почти со всеми. Сначала все говорили наперебой, влезали на чужие частоты, а потом один за другим затихли. Когда я последний раз слушала, в эфире было несколько человек.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, – сказал Джон. – Это вторжение, и похоже, тщательно спланированное. А еще похоже, что победа будет за ними. Пришельцы, кем бы или чем бы они ни были, безжалостны, как дикие звери, – только они возвели свою жестокость в ранг науки. Создали здесь, на Земле, пятую колонну – шпионов вроде начальника полиции. Должно быть, в биотехнологиях они опередили нас на несколько веков. Не удивлюсь, если они способны подвергнуть любого представителя своего вида каким угодно физическим изменениям без вреда для пациента. Чтобы получить такое существо, как Фостер, нужно было удалить кожный покров вместе с экзоскелетом, а затем поместить в тело искусственные кости. Мускулы тоже не свои, кожа искусственная – с ним проделали тысячи манипуляций, каких нам даже и не вообразить. Гигантская работа – и все ради того, чтобы внедрить горстку предателей... если только таких агентов не девяносто пять процентов среди пришельцев.

Коллеги смотрели на Джона широко раскрытыми глазами, с трудом понимая, о чем идет речь. А тот взволнованно развивал свою мысль:

– Если разобраться, все очень даже просто. По этой пятой колонне видно, как далеко они опередили нас в биотехнологиях. Однако тот факт, что для упреждающего удара пришельцы использовали наше оружие, позволяет предположить, что в физике они несильны. Возможно, и космические корабли украли у какой-нибудь технически более развитой цивилизации. И план

вторжения разработали таким образом, чтобы не пришлось полагаться на свои собственные ресурсы.

Сначала они создали агентов и тайно отправили их на Землю. наших людей на ключевых постах убивали одного за другим и заменяли двойниками. Когда все агенты заняли свои места, началась открытая стадия вторжения. Что-то вроде дзюдо мирового масштаба – наша сила использована против нас же. Начальники небольших подразделений вызвали своих подчиненных и расстреляли – так было на аэродроме и возле управления полиции. Крупные воинские формирования и, вероятно, все мировые столицы взорваны нашими же водородными бомбами. Связь полностью разрушена, даже радиолюбителей разыскивают по одному и ликвидируют. После того как пятая колонна выполнила свою задачу, на Землю садятся корабли, и теперь уже регулярные войска пришельцев зачищают территорию.

Осуществляя вторжение минимальными силами и средствами, они не могут брать пленных, поэтому каждый, кто окажет сопротивление, будет уничтожен. Вооруженные силы Земли, оставшись без связи, разрозненны и неуправляемы. нас разобьют поодиночке, и тогда пришельцы победят.

Пока Джон говорил, лицо у Люси становилось все бледнее. Она еле слышно прошептала:

– Что же мы можем сделать... Есть хоть какая-то надежда?

– Как знать. Возможно, план не везде сработал безупречно и пришельцам где-то еще противостоят крупные воинские части. Ну и самоорганизовавшиеся отряды вроде нас. Даже если враги сумели уничтожить почти всю армию, они наверняка столкнутся с партизанской войной. Мы еще не проиграли.

Слова Джона до некоторой степени успокоили слушавших. Но не его самого. Он видел, что сделали пришельцы с городком, – если по всему миру творится такое... Усилим воли заставил себя не думать об этом. Сейчас можно только сражаться и надеяться на лучшее.

Доктор Штайнгрумер снова погрузился в свой особый мир, перебирая разбросанные по всему столу записи. Ему было, пожалуй, легче всех. Джон пошел проверять караулы, а Люси стала мыть чашки после кофе.

Вернувшись, Джон нашел обоих в главной лаборатории; там ощущалась атмосфера сдержанного воодушевления. Завидев его в дверях, Штайнгрумер замахал ему как сумасшедший.

– Ваша идея, Джон, великолепна! Я проверил расчеты, и тут может быть только одно объяснение: наш аппарат – это временной линейный ретранслятор, первый в мире...

– Как вы сказали? – Джон не поспевал за развитием событий – мало ему вторжения пришельцев, теперь еще и эпохальное открытие.

– Временной линейный ретранслятор – если моя теория верна, этот термин значительно точнее, чем «машина времени». По временной оси, или непрерывности, пробирки вернулись в прошлое и там замкнули эту ось в кольцо, соединив саму с собой. И с того момента уже единая временная ось продолжается до настоящего времени.

Джон тоже почувствовал радостное возбуждение. На какой-то миг пришельцы были забыты.

– Пока что я слежу за вашей мыслью, док, но как это объясняет разбитые и исчезнувшие пробирки?

– Очень просто. Если вы просмотрите записи, то увидите: чем мощнее ток мы подавали, тем больше было реакций типа «Б» и «В». Давайте предположим на минуту, что чем выше мощность, тем дальше возвращение в прошлое. Чем дальше в прошлое уйдет пробирка, прежде чем соединится с собственной временной осью, тем выше вероятность, что с ней что-то произойдет до тех пор, пока она не вернется в настоящее. Теория о бесконечном количестве параллельных вселенных безусловно верна. Когда мы отправляем эти пробирки в прошлое, они все целые. Очевидно, в большинстве случаев объекты остаются на главной временной оси. Они сливаются с самими собой, какими были раньше, и движутся по временной оси до того

момента, когда мы достаем их из коробки и помещаем в машину. Другие пробирки попадают на временной перекресток и начинают двигаться к иному будущему – вероятно, мы сами в какой-то мере создаем этот перекресток своими экспериментами. Некоторые пробирки случайно разбиваются в ходе опыта – это те, что возвращаются к нам в виде осколков. Другие тоже разбиваются или просто выпадают из поля машины – они перемещаются в параллельное будущее и уже не возвращаются на ту временную ось, что ведет в настоящее. Для нас они просто исчезают.

Штайнгрумер продолжал развивать свою теорию, пустившись в какие-то чудовищно сложные математические расчеты, но Джон уже не слушал. Он обдумывал собственную версию, ту, на которую его натолкнули события этой ночи, – и у него зарождалась надежда.

– Профессор, – произнес Джон, – а животное, достаточно крупное, можно отправить в прошлое с помощью этой машины?

Профессор осекся посреди своего уравнения и ответил не сразу.

– Разумеется, хотя только экспериментальным путем можно выяснить, не погибнет ли животное в процессе.

Не успел он договорить, как Джон исчез за дверью. Но тотчас вернулся из биологической лаборатории, неся клетку с белой мышью.

– Давайте проверим.

Мышь привязали к подставке нейлоновым кордом и включили машину на минимальную мощность. В самом начале силуэт мыши на мгновение размылся, но больше ничего не изменилось. Мышь сидела у Джона на ладони и чистила усики, пока он излагал заключительную, логически обоснованную часть своей теории.

– Если мышь не погибла во время эксперимента, есть вероятность, что и человек не погибнет. И если кто-то вернется в нужное время – и если теория параллельных реальностей верна, – это нашествие на Землю можно остановить еще до его начала.

Прошла минута, пока эта мысль доходила до сознания остальных, а затем они заговорили разом. Все сводилось к одному: идея потрясающая, но надо проверить.

Профессор Штайнгрумер занялся расчетами для новой большой машины, а Джон пошел собирать инженеров и физиков.

Когда им объяснили принцип действия машины и теорию Джона, сковавшее всех отчаяние сменилось воодушевлением. В другое время они, может быть, и отмахнулись бы от столь фантастической мысли, но сейчас готовы были ухватиться за любую, пусть самую тонкую соломинку, лишь бы прекратился кошмарный сон наяву. Они заходили в лабораторию по несколько человек, студенты вперемешку с преподавателями, и наблюдали за демонстрацией опыта. Уходили, согретые надеждой, словно богомолцы, которым довелось увидеть святого чудотворца.

Двое суток ушло на подготовку большой машины к первому эксперименту – сорок восемь часов напряженной работы и кровопролитных боев. Возле кампуса вспыхивали перестрелки, когда малочисленные патрули противника пытались приблизиться к зданию. Четверо студентов были убиты, зато патологоанатомическая лаборатория получила еще два трупа пришельцев для исследований. Потом наступило затишье. Все понимали: когда дойдет до настоящего штурма, против них бросят непобедимую огневую мощь. Где-то еще держатся и другие группы сопротивления – слышна непрекращающаяся канонада, – а когда их уничтожат, у неприятеля дойдут руки и до университетского городка.

На второй день, перед самым рассветом, устроили вылазку в Байпорт. Необходимое оборудование было похищено со склада электроники и доставлено в университет грузовиком. При этом погибли девять студентов и преподаватель немецкого языка.

На минимальной мощности машина работала безупречно – и мыши, и кролики возвращались живыми, хотя один кролик где-то расцарапал в кровь ухо. Это происшествие не сочли серьезным, и машина была перенастроена для эксперимента с человеком. Джон требовал,

чтобы эксперимент провели на нем, и не принимал никаких возражений, пока ему не доказали, что в управлении наспех собранным аппаратом без него не обойтись. Для опыта выбрали крепкого студента, капитана футбольной команды.

Он уселся на пластину и улыбнулся, когда нажали кнопку. На долю секунды его фигура потеряла четкость очертаний, и ничего не изменилось, если не считать того, что он уже не улыбался.

– Что там было? Что ты помнишь?

– Где – там? Я все жду, когда вы нажмете кнопку и сделаете меня бессмертным!

В комнате воцарилось молчание, которое прервал мрачный голос профессора Штайн-грумера.

– Я боялся, что так и будет... но не хотел говорить, пока не убедился окончательно. Объект не просто переносится в прошлое, а погружается в него. Физических изменений с ним не происходит, иначе мы могли бы их наблюдать. Изменений психического характера, к сожалению, тоже не видно. Все мысли и воспоминания стираются во время перехода.

Это конец. Все жертвы были напрасными. Гнетущая атмосфера отчаяния почти физически ощущалась в комнате. Люси смотрела на Джона, ломая голову, чем ему помочь. На его лице было то же подавленное, несчастное выражение, что и у всех остальных, но как только девушка поймала его взгляд, что-то явственно изменилось.

На секунду этот взгляд стал рассеянным. Люси шагнула к Джону – и его лицо озарилось радостным удивлением. Не успела девушка ничего сказать, как он вскочил на ноги, и все посмотрели на него.

– Постойте-ка... машина работает! – Не дожидаясь вопросов, он торопливо заговорил: – Я только что это сделал – вернулся из будущего! – Он взглянул на часы. – Через каких-нибудь шестьдесят пять минут я войду в машину и возвращусь в эту минуту. Но сначала нужно, чтобы сюда пришел доктор Шлимер из психологической лаборатории – он сейчас в карауле у главного входа.

По настоянию Джона кто-то побежал за доктором Шлимером, а сам он объяснил, что будет дальше.

– Когда сознание путешественника во времени уходит в прошлое, оно смешивается с тем, что существовало тогда, и перекрывается им. Инерция времени, так вы это называете, док... или будете называть... прошу простить, если я перепутал времена глагола. Сознание, принадлежащее будущему, подавлено, но не уничтожено. Очевидно, оно продолжает существовать где-то в глубине подсознания. Воспоминания можно восстановить с помощью гипнотического внушения. Именно это сделал Шлимер... и сделает снова. Он применил глубокий гипноз, чтобы моя память проснулась, реагируя на определенный стимул. В качестве стимула он использовал Люси – как только я увидел ее, кладовая открылась!

В комнату поспешно вошел доктор Шлимер, а когда понял, что от него требуется, послал студента за оборудованием, которое использовал в сеансах гипноза. Именно он первым заметил парадокс.

– Джон, вы только что вернулись из будущего и теперь объясняете, что нужно сделать, чтобы вы могли снова отправиться в будущее. Но если бы вы нам не объяснили, то нипочем не сумели бы это сделать... Получается замкнутый круг. Где же у него начало?

Коллеги все еще пытались в этом разобраться, когда Джон вошел в глубокий транс и началось внушение – в тот самый миг, о котором Джон говорил час назад.

Пришельцы пошли на штурм через пять минут, как раз тогда, когда у людей забрезжила надежда на спасение. Сначала налетели самолеты – бомбы взрывались со всех сторон, – затем ударила артиллерия, пробив стену университета. Как и все атаки пришельцев, эта была внезапной и безжалостной, рассчитанной лишь на уничтожение.

Одна из первых бомб убила Люси – большой осколок вошел ей прямо в мозг. Джон держал ее на руках и почти не чувствовал, как доктор Штайнгрумер тащит его куда-то. Голос учебного звучал так тихо, будто преодолевал тысячу миль.

– Джон, еще не поздно. Мы все-таки можем победить их, и тогда она будет жить. Только скорее... скорее!

В этих словах был смысл, и Джон откликнулся на них. Пока Штайнгрумер настраивал машину на максимальную мощность, доктор Шлимер снова погрузил Джона в транс и внушил ему сигнал, который должен будет восстановить его память.

Словно в тумане, Джон, шатаясь, подошел к бакелитовой пластине. Все казалось каким-то нереальным, зыбким, – вот студенты пятаются в лабораторию, отстреливаются и падают. Вот Шлимер берет винтовку убитого и сам тут же валится на труп, не успев выстрелить, и его седина окрашивается кровью.

Перехода он не почувствовал. Кровь и шум битвы пропали, как пропадают кадры с экрана, когда рвется пленка. Они мгновенно сменились привычной тишиной лаборатории. Джон стоял у рабочего стола, почему-то с необычайной ясностью ощущая в руке электронную лампу. Деревянные щиты, которыми были заколочены разбитые окна, исчезли, сквозь стекла лился солнечный свет. Люси помогала Штайнгрумеру настраивать какой-то прибор.

У него получилось – память вернулась вовремя. Должно быть, лампа в руке и есть тот стимул, который должен был пробудить воспоминания.

Это были ужасные воспоминания. Джона охватила на секунду слабость, когда он словно наяву увидел мертвую Люси и погибающих друзей, но тут же пришло понимание: в его силах это изменить. Лишь бы хватило времени. На столе перед ним лежала раскрытая газета, и он, бросив взгляд, отметил, что сегодня третье января.

Времени оставалось меньше, чем Джон рассчитывал. Нет и двух недель – вторжение инопланетян начнется шестнадцатого утром. Машина, включенная на максимальную мощность, перенесла его всего на тринадцать дней назад. Ну что ж, придется обойтись тем, что есть.

Несколько минут он раздумывал, не рассказать ли обо всем профессору и Люси, но решил, что не стоит. Убедить их в том, что скоро произойдет, почти невозможно, не следует и время терять. Надо справиться самому.

Никто не заметил, как он выскользнул из лаборатории и прошел в свою комнату. Там было тихо, можно посидеть с холодной бутылкой пива и хорошенько напрячь мозги. Через час был готов план. Совсем простой. Фронтовой опыт научил Джона: чем проще замысел, тем меньше вероятность, что он сорвется.

В короткой записке, адресованной Люси, он изложил «легенду»: заболел родственник в Бостоне, необходимо уехать на несколько дней. Бритва в кармане пальто – вот и весь багаж. Этажом ниже он задержался и постучал в дверь комнаты номер 121. Тишина. Быстро оглядевшись, Джон приналег плечом – маленький замок, конечно, не выдержал. Это была комната Билла Доранса, который совмещал учебу со службой в спецподразделении полиции и дежурил по вечерам. Джон отыскал в шкафу его револьвер тридцать восьмого калибра и сунул во внутренний карман. Свинство, конечно, по отношению к Биллу, но сейчас не до чистоплюйства, слишком многое поставлено на карту.

Через час, когда бостонский экспресс отъехал от станции, он сидел в первом вагоне и тщательно обдумывал свой план заново.

В региональном отделении ФБР с ним были очень вежливы, хоть он и отказался объяснить, что его сюда привело. Почти два часа ушло на то, чтобы пробиться к начальнику – ничего бы не получилось, если бы Джон не показал документы и не намекнул на секретную работу, которой занимается в университете. Со времен Хиросимы в ФБР чрезвычайно интересовались физикой.

Фамилия начальника была Грегг, и многие принимали его за бизнесмена, пока не замечали, что его внушительный вес – это на 90 процентов мускулы, а не жир, и не ощущали в его рукопожатии сдержанную силу. Он был вежлив, как и все в этой организации, хотя Джон явно оторвал его от важных дел.

– Садитесь, пожалуйста, мистер Барони, и давайте попробуем разобраться с тем, что вас беспокоит.

Джон криво улыбнулся:

– Боюсь, это труднее, чем вы можете себе представить. – Он зажег сигарету и приступил к детально продуманному объяснению.

О машине времени упоминать не стал – это было ни к чему, да и слишком уж фантастично, чтобы вот так сразу переварить. В подобных случаях маленькая ложь лучше большой правды. Он рассказал Греггу о якобы подслушанном разговоре между начальником полиции Байпорта и офицером с военно-воздушной базы.

– Я не все слышал, но и из того, что разобрал, стало ясно, что они работают на какую-то иностранную державу. Начальник чем-то недоволен и вроде как не прочь выйти из дела, но у того, другого, похоже, есть чем его прижать. Уверен, если вы пригласите полицейского и допросите, он вам все расскажет. А если я буду при этом присутствовать, задам вопросы, от которых ему не отвертеться.

Джон понимал, что вся эта история отдает бредом сумасшедшего, но понимал и то, что просто так отмахнуться федералы не могут. Скорее всего, без лишнего шума вызовут начальника полиции для беседы. А после этого им определенно будет о чем подумать.

Единственная ошибка, которую допустил Грегг, – он не сообразил, что и в физическую лабораторию человек может попасть напрямую из пехоты. На долю секунды у него дрогнул взгляд, когда он вытаскивал револьвер из ящика стола. Пуля вошла ему в лоб и убила на месте.

С самого начала было ясно, что любой из больших начальников, с которыми собирается беседовать Джон, может оказаться пришельцем. Пришлось долго убеждать себя, что необходимо стрелять первым. Слишком многое зависит от Джона – значит он должен выжить, даже если по ошибке убьет невиновного.

Металлический блеск в пулевом отверстии сразу подтвердил, что ошибки не произошло.

Вторая дверь из кабинета вела в коридор. Не успев выйти, Джон услышал, как первая дверь у него за спиной распахнулась. Раздался крик, но пока он шел по коридору, не было признаков погони. Похоже, пришельцы захватили все отделение. Они не хотят поднимать шум, они хотят схватить Джона сами.

У себя в номере, в дешевом отеле, куда заселился несколько часов назад под чужим именем, Джон устало опустился на кровать. Теперь враги знают, кто он, и ищут. А ведь осталось всего двенадцать дней.

Следующий его шаг зависит от пришельцев. Если они сумели моментально заменить Грегга его копией, придется придумывать новый план. А пока ясности нет, остается только ждать.

Через два долгих дня и три бессонные ночи он нашел в газете долгожданную заметку: «Грегг Эфраим... скончался от сердечного приступа... поминальная часовня Андерссона». Ему необходим был труп пришельца в качестве доказательства, и теперь он знал, где его взять. Очевидно, враги не нашли замену Греггу, поэтому его загримировали и объявили, что он умер своей смертью.

Днем Джон поехал на автобусе в пригород и угнал там неприметный автомобиль. Медленно продвигаясь по городу, добрался до делового района в самый час пик. Пришлось трижды проехать мимо часовни Андерссона, прежде чем он заметил человека, которого искал, и остановил машину в некотором отдалении.

Джон был почти уверен, что никто не заметит его в пробке, и все же первые два часа держал руку на пистолете. Когда движение на улице стало поспокойнее, он вынул газету и сделал вид, что читает.

Он надеялся, что на этот раз сумел перехитрить врагов, – иначе ему конец. Пришельцы наверняка ждут, что он попытается захватить тело Грегга. Но есть шанс, что они не продумали свою партию на три хода вперед, в отличие от Джона.

Был уже десятый час, когда в похоронном бюро погасили свет; Джон успел промерзнуть до костей – мотор пришлось выключить, а без него не работает печка. Из здания вышли двое, поймали такси. Это явно не те, кто его интересуется. Минут через десять вышел высокий мужчина, которого он уже видел сегодня, и запер за собой дверь. Джон осторожно повернул ключ в замке зажигания. Мужчина пошел вперед, и когда он свернул за угол, автомобиль Джона находился футах в двадцати.

На улице было полно магазинов, но все они уже закрылись. А вот прохожие еще виднелись тут и там. И все же лучше места, пожалуй, не найти – если медлить, высокий может скрыться. Джон обогнал его, проехал вперед на несколько сот футов и остановился у тротуара. Он выключил фары, но мотор глушить не стал.

Джон не спускал глаз с высокого. Как только тот поравнялся с автомобилем, открылась дверца. Высокий резко остановился, вытаращив глаза от удивления. Хотел что-то сказать, но его опередил выстрел револьвера. Смерть наступила мгновенно – пуля вошла прямо в мозг.

Всего несколько секунд понадобилось на то, чтобы затащить труп на заднее сиденье и отъехать. Никто не пытался остановить Джона, да никто, кажется, и не понял, что произошло. Тот... или то, что лежало на заднем сиденье, было мертво. Вскрытие в университете показало, что мозг пришельца расположен в черепной коробке, как и у *homo sapiens*.

Через два квартала Джон остановился и посветил фонариком в отверстие от пули. Да, металл – значит план сработал. На поминальной церемонии этот парень вел себя как распорядитель, нетрудно было заподозрить, что это пришелец – его прислали сюда, чтобы было кому позаботиться о мертвых инопланетянах.

Через два часа Джон угнал другую машину. На рассвете он уже ехал в пригород Вашингтона с трупом в багажнике.

До вторжения оставалось восемь дней.

Следующий шаг обещал быть трудным. Надо поговорить с кем-нибудь облеченным властью, – но как узнать наверняка, что это не чужак? Тот факт, что на Капитолий собирались сбросить атомную бомбу, давал надежду, что враги не захватили его полностью под свой контроль. Но совсем без них там вряд ли обошлось.

Наконец он остановился на государственном департаменте – это единственное учреждение в правительстве, которое, по идее, должно быть почти свободно от пришельцев. Они наверняка засели в армии и структурах правопорядка, но зачем им агенты в госдепе? И проверить эту версию будет несложно.

Он оставил машину на стоянке и сделал список подходящих людей – просто списал имена руководителей отделов с доски, висевшей в вестибюле департамента. Найдя в телефонной книге их адреса, почти весь день объезжал их.

Лучше всех подходил Мартин Оливер.

Он жил в Александрии, в фешенебельном многоквартирном доме, будучи холостяком, если судить по размерам квартиры. А главное, в доме не было швейцара, но был автоматический лифт.

Как только стемнело, Джон припарковался на другой стороне улицы. Он не обращал внимания на входивших в дверь – все равно ведь не знает, как Оливер выглядит. Вместо этого он следил за окнами квартиры. Старался не уснуть, но в какой-то момент почувствовал, что это

выше его сил. Было чуть больше десяти часов, когда он очнулся от дремоты и увидел, что в окнах горит свет.

Подождав, пока улица опустеет, он поставил машину напротив входа и заглянул в вестибюль. Там расхаживал взад-вперед человек в смокинге. Так он ходил чуть ли не полчаса, и Джон уже готов был пристрелить его, но тут появилась женщина, и оба сели в такси. Быстро оглядевшись, Джон взвалил на плечо тело пришельца и втащил его в здание. Лифт еще стоял на первом этаже, Джон вошел и нажал на восьмерку. Двери закрылись, и он тяжело перевел дыхание.

На восьмом этаже не было ни души. Он подтащил тело к двери Оливера и уложил на пол. Звонок отозвался вдалеке еле слышной трелью.

Дверь открыл, должно быть, сам Мартин Оливер – невысокий, с моложавым лицом и седеющими волосами. Джон упер револьвер ему в живот и втолкнул его обратно в комнату, волоча за собой тело. В комнате сидел еще один человек, вынимал из портфеля бумаги, и на его лице отразился тот же ужас пополам с изумлением, что и у Оливера.

Придется разбираться с ними по очереди.

– Где кладовка? – спросил Джон.

Оливер слабо мотнул головой в сторону двери, и Джон втолкнул туда второго, держа обоих в поле зрения. Пока он придвигал к двери кладовой диван, к Оливеру вернулся голос.

– Что происходит, черт возьми? Кто вы такой?

– Сначала вопросы буду задавать я, – сказал Джон. – А потом, надеюсь, мы сможем побеседовать. Сядьте за стол, а лучше встаньте на колени.

Лицо Оливера покраснело от гнева, и он попытался возразить. Джон остановил его, махнув оружием в сторону трупа.

– Я его убил вот из этого револьвера, и то же будет с вами, если позволите себе хоть одно лишнее движение. А теперь – на колени.

Когда Оливер подчинился, Джон взял его руку и прижал к поверхности стола. Достал из кармана пачку бритвенных лезвий.

– Будет больно, – сказал он. – Но пулю схлопотать куда больнее. Так что терпите и не дергайтесь. Если окажется, что я не прав, с удовольствием извинюсь.

И он чиркнул бритвой по указательному пальцу. Оливер охнул от боли, когда Джон раздвинул края раны.

Ну, слава богу.

Блеснула белая кость, и тут же рана заполнилась кровью. Тяжелый удар в дверь за спиной напомнил Джону о втором пленнике.

– Кто это? – спросил он.

– Дрексель, мой помощник, – послышался неохотный ответ. – Пришел после работы, чтобы закончить кое-какие дела...

– Выпустите его, посмотрим, как он выдержит проверку.

Трясущийся Дрексель испытание не прошел. Он попытался схватить Джона, как только тот разрезал ему палец, и этого, да еще блеснувшего на миг желтого металла, было достаточно. Пуля разворотила ему лицо, и теперь в комнате было уже два мертвых пришельца.

На то, чтобы объясниться с Оливером, ушел почти час. Он отказывался верить, пока Джон не втащил тело Дрекселя в ванну и не произвел небольшую хирургическую операцию. Когда у Оливера прекратилась рвота, до него начало доходить. Даже если возвращались сомнения, они исчезали, стоило лишь взглянуть на Дрекселя.

Через три часа двое джентльменов нанесли неотложный визит министру иностранных дел и наставили на него револьвер. Когда вспышка гнева прошла и палец был перевязан, Оливер приступил к объяснениям. Убедить министра было нелегко, но в конце концов он внял

аргументам. Перед рассветом все трое прибыли в квартиру Оливера, сопровождаемые тремя охранниками с забинтованными пальцами и недоумевающими лицами.

Министр иностранных дел когда-то служил в армии, так что при виде Дрекслея его не вырвало. После этого убедить его было уже несложно. Пока они с Оливером обсуждали, к кому в первую очередь нагрязнуть с проверкой, Джон уснул в кресле.

Это была самая кровавая из всех мировых войн в истории человечества, и она завершилась победой. Через три дня после начала операции «Зачистка» пришельцы догадались, что происходит, и начали сопротивляться. Вспыхивающие тут и там сражения были жестокими, но теперь враги не имели ни преимущества внезапности, ни поддержки из космоса. Очевидно, вторжение было назначено на шестнадцатое января, и космические корабли не могли прибыть раньше. А прибыв, не успели приземлиться – их почти все сожгли на подлете.

Победа была одержана – на этой Земле. Однако Джон не забыл другую Землю, оставшуюся в другом времени, – ту, которая погибла, чтобы эта смогла выжить.

Когда в Ночь Победы они с Люси смотрели на ликующие толпы народа, Джон вспоминал Люси, умершую у него на руках. И от этого его радость была несколько меньше, чем у всего празднующего мира.

## Капитан со сдвигом

*Перевод А. Сагаловой*

– На что похож космос? Лицом к лицу со звездами – каково это? О, на такие вопросы отвечать нелегко.

Капитан Джонатан Борк обвел глазами слушателей, жадно ловящих каждое слово. Потом быстро опустил взгляд на стол, где лежали его выдубленные космосом руки.

– Порой это похоже на падение в шахту глубиной в миллионы и миллионы миль. Иногда чувствуешь себя мухой, запутавшейся в паутине вечности, беспомощной перед безжалостными звездами. А звезды – они совсем не такие, как вы привыкли думать. Никакого мерцания и тому подобного. Это просто крошечные пятнышки жесткого света.

Он говорил, а сам в тысячный раз проклинал себя за чудовищную ложь. Капитан Борк, космический пилот. Владелец уникальной привилегии – наблюдать звезды в безбрежном пространстве между мирами. Он совершил пять полетов на Марс и обратно, но при этом понятия не имеет, на что похож космос. Его тело управляло кораблем, а Джонатан Борк не представляет себе, как выглядит кабина пилота.

Вслух он об этом, понятное дело, не рассуждал. Если его спрашивали о звездах, пускался в цветистые описания, примерно как сейчас. Слова капитан позаимствовал из учебников – там нашлись подходящие эпитеты, он их как следует вы зубрил.

Усилием воли он заставил себя ни о чем таком не думать и вернулся мыслями к столу, за которым собрались друзья и родственники. Ужин устроен в его честь, так что нужно взбодриться. Бренди в таком деле отличное подспорье. Капитан охотно прибегнул к его помощи и при первом же удобном случае, извинившись, улизнул.

Фамильный дом был старым, еще из тех, у которых есть крошечный задний дворик. Там-то Борк и уединился. Он привалился спиной к стене, еще не остывшей после жаркого дня. К бренди капитан не привык, но ощущения были приятные. Он задрал голову. Звезды кружились хороводом, пока Борк не закрыл глаза.

Звезды. Он ведь всегда смотрел на звезды. С самого раннего детства звезды были его мечтой. Его двигателем. Что бы он ни делал, чему бы ни учился, все было подчинено одной цели: пройдя суровый отбор и став пилотом, прокладывать тропы в космосе.

Он поступил в Академию, как только достиг семнадцати лет – минимального возраста. А уже к восемнадцати понял: все это сплошное надувательство.

Он честно старался не брать в голову, пытался как-то оправдать происходящее – без толку. Все его знания – и давно усвоенные, и только что полученные – лишь подтверждали сделанный им вывод. И это было абсолютно невыносимо.

Правда казалась столь неотвратимой и столь ужасной, что он посмел обратиться к преподавателю.

На занятии по физиологии разбирали состояние сознания и способность ориентироваться в условиях ускорения, используя теорему Пэли. Едва Джонатан робко поднял руку, Черники Орлиный Взор раздраженным тоном велел подняться. Теперь деваться было некуда, это придало Джонатану уверенности.

– Профессор Черники, если принять теорему Пэли за истину, то получается, что даже при минимально необходимом для выхода на орбиту ускорении мы достигаем порога потери сознания. И фактор ориентации в пространстве, как мне представляется... Он тоже...

– Мистер Борк, к чему вы клоните? – Голос Черники казался острее лезвия бритвы.

Джон решил, что отступить поздно:

– Напрашивается только один вывод. После старта пилот либо теряет сознание, либо он уже не способен ориентироваться в достаточной степени, чтобы управлять кораблем.

Аудитория грохнула от хохота, и щеки Джона налились горячим румянцем. Даже Черники сподобился выдавить холодную усмешечку, прежде чем снизошел до ответа:

– Прелестно. Но если ваше утверждение верно, полеты в космос невозможны в принципе. А ведь мы совершаем их ежедневно. В будущем семестре рассмотрим изменение порога восприятия в условиях стресса, и тогда вы убедитесь...

– Да нет же, сэр! – перебил Джон. – В учебниках о таком не напишут. Если уж на то пошло, их авторы вообще избегают этой темы. Я прочел все пособия по вашему предмету и по связанным с ним, и...

– Мистер Борк, вы обвиняете меня во лжи? – Голос Черники был столь же леденящим, как и взгляд. В помещении воцарилась мертвая тишина. – Извольте немедленно покинуть аудиторию. Отправляйтесь в свою комнату и оставайтесь там, пока вас не вызовут.

Изо всех сил стараясь держаться уверенно, Джон встал из-за парты и вышел за дверь. Все взоры были устремлены на него, и он чувствовал себя как приговоренный на пути к эшафоту. Хотел разобраться с мучившим его вопросом, а вместо этого нажил изрядные неприятности.

Он сидел у себя в комнате и пытался не думать о последствиях.

Сделаться пилотом – вот главная мечта его жизни. Но в глубине души Джон не верил, что его примут на курсы. Этот шанс выпадал одному из сотни; все остальные потихоньку оседали на многочисленных должностях в космическом флоте. Совсем уж серых мышек Академия отбраковывала еще на жестких вступительных экзаменах. Тому, кто попал в Академию, вылететь из нее было непросто. Но все говорило о том, что у Джонатана Борка это вот-вот получится.

Дожидаясь вызова, он был готов к худшему. И все равно подпрыгнул от неожиданности, когда из переговорного устройства раздался отрывистый приказ. Джонатан вскочил и поспешил к лифту, который доставил его на административный этаж. Секретарь со строгим лицом коротко кивнул, и Джон вошел в кабинет Адмирала.

Чтобы возглавить Академию, Сайкелм уволился с действительной военной службы. Командные нотки из его голоса так и не исчезли, и все студенты и сотрудники Академии величали его не иначе как Адмиралом. Джону не доводилось прежде общаться с президентом вот так, один на один, и теперь язык от ужаса прилип к гортани. Адмирал, как ни удивительно, не стал рычать и рвать, а лишь негромко скомандовал «вольно».

– Профессор Черники доложил мне, что произошло во время занятия. Я также прослушал запись вашей беседы.

Джон удивился еще больше. В аудиториях есть скрытые записывающие устройства – надо же, а он и не догадывался. И тут Адмирал сказал нечто такое, чего Джон никак не ожидал услышать:

– Мои поздравления, мистер Борк. Вы приняты на курсы пилотов. Занятия со следующей недели, конечно, если у вас имеется желание их посещать.

Джон заговорил было, но Адмирал поднял ладонь, останавливая его:

– Вам стоит дослушать до конца, свое мнение выскажете потом. Вы самостоятельно пришли к выводу, что полет в космос – совсем не то, чем он кажется со стороны. На раннем этапе освоения околоземного пространства мы теряли девять кораблей из десяти. И причиной тому были вовсе не поломки. Телеметрическая экипировка пилотов позволила нам обнаружить корень проблемы: человеческий организм не приспособлен для космоса. Изменения гравитации, невесомость, скачки артериального давления, потеря чувствительности под воздействием радиации – все это вместе с десятком других причин, открытых позднее, выводит пилота из строя. Человек или полностью отключается, или теряет способность управлять кораблем. В лучшем случае у него под влиянием новых стимулов нарушается способность ориентироваться, но все равно он не справляется со своей задачей.

Мы зашли в тупик. Отличных кораблей предостаточно, а летать на них некому. Чего только не перепробовали, пытаясь приспособить человека к космосу: наркотики, гипноз и бог весть что еще. Ничто не срабатывало все по той же причине. Мы отлаживали человеческий организм для полета, но в итоге всегда получали безвольное, накачанное препаратами тело. Решение нашел доктор Моше Кан – вы слышали это имя?

– Только мельком... Первый директор Психологического корпуса, правильно?

– Да, это то, что о нем известно широкой общественности. Возможно, настанет день, когда этому человеку воздадут подобающие почести. Не кто иной, как доктор Кан, открыл нам дорогу в космос.

Его теория оказалась абсолютно правильной. Известное нам человеческое существо, homo sapiens, для космонавтики не годится. Доктор Кан вознамерился создать нового человека, homo nova, способного жить и работать в космосе. Если определенным образом изменить ментальные настройки, человеческое тело получит способность творить чудеса: проходить сквозь пламя или терять восприимчивость к боли, как под воздействием гипноза. Тело само по себе обладает огромным потенциалом. Осознав это, доктор Кан понял, что требуется создать разум homo nova. Он достиг этого путем стимулирования раздвоения личности у взрослых...

– Я не совсем понимаю, сэр, – перебил Джон. – Разве не проще было бы работать с детьми, с младенцами? Стимулировать раздвоение с самого начала.

– Разумеется, проще, – вздохнул Адмирал. – К счастью, закон не позволяет нам этого делать. Доктор Кан никогда не рассматривал подобной перспективы. Он работал исключительно со взрослыми мужчинами-добровольцами; большинство из них были как-то связаны с космосом. Случаи проявления синдрома множественной личности фиксировали еще в девятнадцатом веке, но никто не ставил себе целью создать отдельную личность. Такую попытку предпринял Кан, и его эксперимент удался. То, что у обычного человека провоцирует заметные нарушения и расстройства, является нормой существования этих новых личностей. Они способны вести корабль от планеты к планете. А также доставлять пассажиров, погруженных в состояние искусственной гистерии и защищенных таким образом от жестоких реалий космоса.

Программу держат в секрете – по вполне очевидным и разумным причинам. Вообразите себе возмущенные вопли людей, которым предстоит путешествие с пилотом, который пребывает не в своем уме. С сумасшедшим, полоумным, чокнутым пилотом – так бы они сказали. Ведь в какой-то степени это и есть искусственно стимулированное безумие. Так что о программе известно только инструкторам, пилотам и нескольким официальным лицам высшего ранга.

Пилоты все без исключения добровольцы, и программа действует. Следовательно, никакие этические нормы не нарушены. Вы сами убедились: даже ваши однокурсники понятия не имеют о том, что собой представляет космический пилот на самом деле. Они примут на веру версию из учебников, а потом отправятся служить в вооруженных силах. Но люди думающие и понимающие – как вы, например, – сумеют осознать важность подобной программы. Им даются знания, чтобы они разобрались, на что идут, становясь добровольцами.

Пожалуй, я вам нарисовал более-менее полную картину. Вопросы?

Джон на минуту задумался.

– Только один, – ответил он. – Не знаю, может, это прозвучит глупо... Скажите, обучение как-то подействует на меня физически? В смысле, буду ли я действительно слегка...

– ...слегка со сдвигом? Разве что теоретически. Новая личность, Джон-два, сможет функционировать только в специфических условиях кабины пилота. Ваша естественная личность, Джон-один, принимает командование, едва вы покидаете корабль. Единственное непривычное ощущение – периодическая амнезия. Две личности абсолютно отделены друг от друга и автономны. Когда доминирует одна, вторая полностью отключается.

Джон уже принял решение – сказать по правде, он это сделал уже давно.

– Адмирал, я по-прежнему хочу стать пилотом. То, что я сейчас услышал, ничего не меняет.

Они пожали друг другу руки. Адмирал сделал это с легкой грустью – уже в который раз. Юные добровольцы воображают себе одно, а на деле их ждет совсем другое, и Адмирал знал это лучше всех.

Джон уехал в тот же день, даже не попрощавшись с товарищами. Курсы обучения пилотов находились на другом конце базы. И все-таки это был совсем иной мир.

Больше всего Джону нравилось новое ощущение собственной значимости. С ним обращаются не как с неразумным курсантом, а как с достойным доверия, как с равным. Он в числе избранных. В группе всего двенадцать человек, зато над их обучением трудится полторы тысячи.

Вскоре стало понятно почему.

Первые несколько недель были заполнены в основном физическими упражнениями и тестами. Затем последовали нескончаемые энцефалограммы и сеансы в гипнокамерах. Поначалу Джона мучили кошмары, в течение многих дней он испытывал странные ощущения, находясь словно в полусне. И это был только первый этап программы. Он предполагал полное разделение двух личностей.

Коль скоро это случилось, Джон-1 понятия не имел о Джоне-2. Время бежало очень быстро, поскольку большая часть обучения благополучно миновала сознание Джона-1.

Одним из разделов программы была координация: курсантов учили принимать скрытую часть сознания и сосуществовать с ней. Он сам, конечно, не встречался с Джоном-2, зато имел возможность понаблюдать вторую личность другого пилота. Его товарища звали Дженкинс – худенький юноша, годом старше Джона. Это был тест на контроль мелкой моторики в условиях резкого ускорения. Джон глазам своим не верил. Дженкинс в испытательном кресле весьма отдаленно напоминал известного ему Дженкинса. Дженкинс-2 обладал абсолютно невыразительным лицом и такой плавностью движений, какая и не снилась Дженкинсу-1. Тренажер был чем-то вроде клетки, внутри которой сидел испытуемый; клетка совершала внезапные рывки в произвольно выбранных направлениях. Дженкинсу-2 надлежало при этом быстро орудовать переключателями на пульте, реагируя на меняющиеся световые сигналы. Его пальцы осторожно и очень ловко пощелкивали крошечными тумблерами, расположенными лишь в дюйме друг от друга, – клетка тем временем продолжала свои безумные прыжки с ускорением три g. Стальная мускулатура Дженкинса-2 легко справлялась с перегрузкой. И все же дело было не только в физической силе. Повышенная восприимчивость позволяла Дженкинсу-2 мгновенно фиксировать каждый толчок клетки в самом его зародыше, и мышцы послушно отвечали на очередной вызов точно рассчитанным напряжением. Так опытный моряк удерживает равновесие на качающейся палубе доведенными до автоматизма движениями.

Когда создание Джона-2 полностью завершилось, Джону-1 пришлось претерпеть некоторые неприятности. Как-то раз он обнаружил, что находится не в кабинете психолога, где ему полагалось быть, а на больничной койке. Более того, его ладонь пересекал довольно жуткий с виду порез, а два пальца на руке были сломаны.

– Травма в ходе обучения, – пояснил врач. – Что-то разладилось в ускорительном тренажере. Не вцепись ты в крепежный стержень, пришлось бы худо. А так только руку немного повредил. Вот он, стержень.

Протягивая кусок металла, врач улыбался – Джон тут же понял почему. Полудюймовый стальной прут был переломлен надвое. Джон-1 не одолел бы такую железяку даже с молотком и зубилом.

Не все обучение предназначалось Джону-2. Вторая личность была полностью сформирована, и теперь занятия делились пополам. Джон-1 постигал все, что только нужно знать о космическом корабле, за исключением кабины пилота. Пока корабль на земле, за него отвечает

личность номер один: техосмотры, ремонт, даже поддержание репутации в глазах пассажиров – все это по ее части. Официально корабль ведет Джон-1, и ему должны доверять. Никому не могло прийти в голову, что он отключается, едва переступив порог кабины. Он много раз пытался поймать этот момент, но никогда не получалось. В его организм была внедрена программа, автоматически запускающая смену личностей. Как только Джон-1 входил в дверь или даже просто заглядывал в кабину, программа срабатывала – и Джона-1 как не бывало. Зато Джон-2 моментально воцарялся в своем мире.

День выпуска стал самым важным и в то же время самым обескураживающим днем его жизни. В Академии не существовало такого понятия, как выпускной курс. Когда пилот заканчивал обучение, его ждала пышная церемония с участием как минимум тридцати тысяч человек – персонала базы почти в полном составе. Все шли парадным маршем, и Джон в своей черной пилотской форме возглавлял колонну. Сам Адмирал достал платиновые крылышки – старейший символ преодоления силы земного тяготения – и собственноручно украсил ими петлицы Джона. Воистину памятный момент.

А потом настало время прощаться с семьей; корабль уже ждал его. Еще одно примечательное событие выпускного дня – новоиспеченный пилот должен отправиться в первый рейс. Всего-то пустяковый скачок на Луну, но все же это первый полет. Джон поднялся по трапу грузенного припасами транспорта, обернулся и помахал родственникам – далеким пятнышкам. А потом вошел в кабину пилота.

Он вообще не почувствовал, что миновало какое-то время. Минуту назад Джон был на Земле, вдох-выдох – и вот он уже на Луне. Если бы не скафандр и не ноющие от усталости мышцы, он бы и не поверил, что полет состоялся. Так что опыт вышел, мягко говоря, разочаровывающий.

Стоя в саду, Джон смотрел на только что взошедшую луну и размышлял о прошлом. Прошлое скрипело на зубах, как песок. В доме кто-то рассмеялся, бутылка звякнула о бокал. Джон прогнал мрачные мысли и попытался сосредоточиться на настоящем.

Вечеринка в его честь, в его родовом гнезде. Джон тянул с этим ужином сколько мог, но все-таки отвертеться не получилось. Он так и думал, что будет хуже некуда. Одно дело, когда сам живешь с этой ложью, но совсем другое – быть липовым героем в собственном доме.

Он расправил плечи, щелчком сбил с куртки невидимую пылинку и вернулся к гостям.

Следующим утром ему надлежало явиться на базу для прохождения сорокавосьмичасового осмотра и разминки – обычная процедура перед полетом. Врачи настраивали его организм на максимальную отдачу, а он тем временем слушал инструктаж. Это будет его самый долгий рейс – и самый важный.

– Путь неблизкий, – сообщил офицер-инструктор. – На Юпитер, точнее, на его восьмой спутник. Он из тех, что вращаются по ретроградной орбите. Там база и обсерватория, и нужно доставить туда новую смену астрофизиков, которые будут изучать гравитацию Юпитера. Их двенадцать человек и оборудование – немалый груз. Твоя головная боль – вернее, не твоя, а Второго – пояс астероидов. От эклиптики сильно отклоняться нельзя, так что, возможно, придется иметь дело с метеоритами. Такое уже случалось. Но ничего страшного: немного везения, и полет пройдет благополучно.

Джон пожал руки взошедшим на борт пассажирам, проверил, как техники запечатали камеры гибернации. Убедившись, что все в порядке, направился из пассажирского салона к кабине пилота. Перед ней он всегда чуть притормаживал. Сейчас дверь распахнется, и он уже ничего не сможет изменить. Это последний акт его собственной воли, а потом явится Джон-2.

После секундного колебания он толкнул дверь, мысленно сказав себе: «Следующая остановка – Юпитер».

Только вместо Юпитера пришла боль.

Он утратил способность видеть и слышать. Тысячи разных ощущений навалились на него разом. И от этого боль становилась еще сильнее. Еще больше, еще багровее, еще ужаснее – такой муки он и представить себе не мог. Невероятным усилием воли Джон заставил себя моргнуть и сфокусировать взгляд.

За лобовым стеклом корабля сияли звезды. Он был в космосе, в кабине пилота. На секунду даже забыл о терзавшей его боли – так заморозило зрелище звезд. Но она тут же напомнила о себе. Он мучительно сосредоточился, силясь понять, что происходит и как прекратить невыносимую пытку. Единственным источником света в темной кабине были огоньки на огромных панелях управления. Огоньки мерцали и менялись, а он понятия не имел, что все это значит и что с этим делать.

А потом накатил новый приступ боли. Пилот закричал и потерял сознание.

Джон-1 командовал их общим телом лишь несколько мгновений, однако в какой-то мере его паника передалась Джону-2. Пилот потерял контроль над ситуацией и позволил себе отключиться. Такое повториться не должно. Нейронные блоки справились с болью, но ее частицы сумели просочиться в мозг и повлиять на мыслительный процесс. Метеорит! Наверняка во всем виноват метеорит.

Впереди зияло отверстие размером с кулак; воздух со свистом уносился наружу. В дырку заглядывала звезда – она сияла ярче и яснее, чем все когда-либо виденные им звезды. Метеорит пробил корпус, а потом врезался в перегородку за его спиной. Скорее всего, был взрыв, и камень испарился в яркой вспышке. При этом он наделал немало разрушений, повсюду разбрызгал расплавленный металл и повредил коммуникации в основании пилотского кресла. Становилось трудно дышать, воздух почти ушел. А еще было очень холодно.

Скафандр хранился в шкафчике, всего в десяти футах. Только Джону никак не удавалось выбраться из кресла, мешали ремни безопасности. Электронное отстегивающее устройство было разбито вдребезги, а дублирующее механическое сильно помято. Он изо всех сил пытался справиться с застежками голыми руками.

Дышать было трудно. Снова накатила паника, и он уже не мог ей сопротивляться.

Джон-2 задохнулся и закрыл глаза. Джон-1 их открыл.

Ошеломляющая волна боли тут же прокатилась по телу. Джон снова закрыл глаза; его тело обмякло и завалилось вперед.

А потом он выпрямился и резко взметнул веки. Глазные яблоки беспорядочно завращались, но уже через секунду замерли. Во взгляде, устремленном строго вперед, не светилось ни искорки разума.

Джон-3 был созданием более примитивным, чем любой человек или зверь, когда-либо ступавший по Земле. Он понимал только одно: надо выжить. Выжить и спасти корабль. Он смутно осознавал присутствие Джона-1 и Джона-2; он мог воспользоваться их памятью в случае необходимости. У него самого имелось единственное воспоминание – боль. Рожден среди боли, обречен на боль; боль – его вселенная.

Джон-3 был защитным механизмом, созданным на случай, если вторая личность пилота окажется не в состоянии спасти корабль, – такое тоже допускалось. Третья личность получала контроль над телом только в экстремальных ситуациях, когда все прочие средства были исчерпаны.

Разум Джона-3 утонченностью не отличался. Вижу проблему – решаю проблему. В мозгу засела одна мысль: «Добыть скафандр». Он попробовал встать и понял, что это невозможно. Обеими руками Джон-3 дернул ремни на груди, но разорвать их не сумел. Застежка – это проблема. Открыть застежку!

Инструментов нет, только руки. Используй руки! Он просунул в застежку палец и потянул. Палец напрягся и сломался. Джон-3 не чувствовал боли, не испытывал эмоций. Он впих-

нул в застежку второй палец и с усилием дернул. Второй палец, едва не оторвавшись напрочь, повис на кусочке кожи. Джон-3 вставил в застежку третий палец – большой.

Застежка наконец не выдержала. Изувеченная кисть руки болталась бесформенной тряпкой. Покинуть кресло! Джон-3 рванулся изо всех сил. Бедренная кость правой ноги с громким треском сломалась, разорвав нижний ремень. Подтягиваясь здоровой рукой и отталкиваясь правой ногой, пилот кое-как доковылял до шкафчика со скафандром.

В кабине был уже почти вакуум; приходилось то и дело смаргивать намерзающий на ресницы лед. Пульс участился в четыре раза: сердце отчаянно пыталось протолкнуть кислород в умирающее тело.

Джон-3 все это чувствовал, но нисколько не расстраивался. Таков уж был его мир. Существовал единственный выход, единственный способ вернуться в привычное бессознательное состояние – завершить начатое. Он ведь не знал – его никто этому не учил, – что смерть тоже является выходом.

Осторожно и методично он извлек скафандр и залез внутрь. Включил подачу кислорода, полностью загерметизировался и со вздохом облегчения закрыл глаза.

Джон-2 открыл глаза и почувствовал боль. Впрочем, вполне переносимую: он ведь твердо знал, что сумеет выбраться из переделки и спасти корабль. Аварийная заплатка остановила утечку воздуха, и пока за счет резервных емкостей восстанавливалось нормальное давление, Джон-2 изучил состояние корабля. Вполне можно долететь на вспомогательном и ручном управлении. Нужно перенастроить приборы и кое-что отремонтировать, только и всего.

Когда давление достигло семи фунтов на квадратный дюйм, Джон-2 расстегнул скафандр и оказал себе первую помощь. Его до крайности удивили травмы, он не мог припомнить, как и когда умудрился так искалечиться. Впрочем, Джон-2 не был приспособлен для решения проблем подобного рода. Он быстро обработал мазью и забинтовал пострадавшие конечности, после чего вернулся к ремонтным работам. Что бы ни случилось, это будет успешный полет.

Джон даже не догадывался о том, что рядом постоянно находился безвестный спаситель – спящий и готовый пробудиться Джон-3. Джон-1 был уверен, что он сам и пассажиры обязаны жизнью Джону-2. Джона-2 такие вопросы вообще не интересовали. Вести корабль – вот его работа.

Джон-1 медленно выздоравливал в госпитале на Юпитере-8. Он не переставал дивиться способностям собственного тела: с такими-то повреждениями оно сумело выкарабкаться и спасти пассажиров. Боль беспокоила его еще долго, но это совершенно не огорчало. Не такая уж высокая цена.

Зато отныне он больше не лжец. Он все-таки был пилотом – пусть даже каких-то несколько минут.

Он знает, каково это – лицом к лицу со звездами.

## Ремонтник

*Перевод Г. Корчагина*

У Старика сияла физиономия, а такое ликование всегда означало, что кое-кому придется несладко. Кроме меня, рядом не было ни души – легко догадаться, что несладко придется мне. Смелая атака – лучшая оборона. Памятуя об этом, я заговорил первым:

– Я уволился. Не трудись описывать грязную работенку, которую ты для меня припас. Ты говоришь не с сотрудником компании, а с посторонним человеком, которому не стоит раскрывать производственные секреты.

Старик еще пуще расплылся в улыбке, даже хохотнул, утапливая кнопку в пульте. Из паза выскользнула и легла на стол толстая пачка официального вида бумаг.

– Твой контракт, – сказал он. – В нем сказано, как и когда ты будешь работать. Он изготовлен из ванадиевой стали, этому материалу не страшен разрушитель молекулярных связей.

Одним молниеносным движением я подался вперед, схватил контракт и подкинул в воздух. Прежде чем листы упали, выхваченный мною «соляр» выпустил широкий луч и превратил их в пепел.

Палец снова нажал на кнопку, и выскочила другая копия контракта. Казалось невозможным улыбаться еще шире, но Старик с этой задачей справился.

– Надо было раньше тебе сказать, что документы у нас дублируются. – Он быстро написал несколько слов и цифр на секретарской пластине. – Вычитаю из твоего жалованья стоимость испорченного экземпляра, это тринадцать кредитов. Еще сто кредитов – штраф за стрельбу из «соляра» в помещении.

Я был полностью разгромлен; я обмяк; я ждал нокаутирующего удара. Старик заговорил, ласково поглаживая мой контракт:

– Этот документ исключает твое увольнение. Ни сегодня, ни завтра, ни когда-либо в будущем. А следовательно, я могу поручить тебе работу – уверен, она как раз на твой вкус. Ремонт. В созвездии Центавра отказал маяк. Это третья модель...

– Что еще за диковина?

Я чинил гиперпространственные маяки на всей протяженности обоих рукавов Галактики и был уверен, что знаю любые их типы и системы. Но никогда не слышал о конструкции, упомянутой Стариком.

– Третья модель, – со злорадством повторил он. – Я сам не подозревал о ее существовании, пока ребята из архивного отдела не раскопали спецификацию. Она лежала заваленная в самом дальнем углу самого дальнего склада. Это очень старая конструкция, еще земная, не иначе. А может, и самая первая, если учесть, что она установлена на одной из планет Проксимы Центавра.

Я принял из рук Старика «синьку», развернул ее и почувствовал, как глаза стекленеют от ужаса.

– Какой кошмар! Больше похоже на перегонную колонну, чем на маяк! Да у него высота с километр, не меньше! Я же ремонтник, не археолог. Этой горе мусора далеко за две тысячи лет. Давай забудем про покойника и построим новый маяк.

Старик склонился над столом и задыхал мне в лицо:

– На постройку нового нужен год, и это слишком дорогое удовольствие. А наш допотопный раритет стоит на важнейшем маршруте. Из-за его поломки корабли сейчас делают крюк в пятнадцать световых лет.

Он выпрямился на стуле, вытер руки носовым платком и прочитал мне лекцию номер сорок четыре, которая называется «Чем долг перед компанией важнее твоих личных проблем».

– Официально мы «Отдел ремонта и техобслуживания», хотя больше подходит название «На живую нитку». Гиперпространственные маяки делаются если не вечными, то очень долгоживущими. Их поломки никогда не происходят случайно, а потому ремонт не сводится к простой замене детали.

Кому Старик это рассказывает? Парню, который мотается по ледяному космосу, пока сам он сидит на жирной зарплате в конторе с воздушным кондиционером?

– Как же я был бы рад, если бы дело обстояло иначе, – бубнил Старик. – Тогда бы я обзавелся целым флотом для доставки запчастей, целой армией сопливых подмастерьев для их установки! Вместо этого у меня дорогушие корабли, груженные снастями на все случаи жизни, и кучка безответственных вымогателей вроде тебя.

Я мрачно кивал, пока его указательный палец тыкал мне в грудь.

– Да я бы всех вас уволил в два счета! Кого ни возьми, он и космический лихач, и слесарь, и инженер, и солдат, и жулик, и все такое прочее. А чтобы выполнил простейшую работу, надо его стращать, подкупать, шантажировать и толкать бульдозером. Считаешь, что ты сыт по горло? А подумай, каково мне! Но корабли должны летать по своим маршрутам! Маяки должны маячить!

Услышав эту бессмертную фразу, я понял, что лекция закончена, и осторожно поднялся на ноги. Старик швырнул в меня папкой со спецификацией «третьей модели» и уткнулся в свои бумаги. Когда я уже был у порога, он поднял голову и снова наставил палец.

– И давай без глупостей, не пытайся соскочить с крючка. До твоего счета в банке на Алголе-два мы доберемся всяко раньше тебя.

Я ухмыльнулся, дескать, и не было намерения секретничать. Но боюсь, при такой плохой игре мина получилась не слишком хорошей. У Старика хватало шпионов, их мастерство постоянно росло. Шагая по коридору, я искал способ перевести денежки в безопасное место, пока до них не добрались чужие лапы, и знал, что в эту самую минуту Старик ищет способ меня перехитрить.

Перспективы рисовались безрадостные, поэтому я задержался, чтобы пропустить стаканчик. А потом отправился в космопорт. Пока тамошние техники готовили к старту мой корабль, я проложил курс. Ближайший маяк по пути к Проксиме Центавра находится на одной из планет Беты Циркуля; там-то и будет моя первая остановка. Короткий рейс, всего-навсего девять суток в гиперпространстве.

Без понимания сути гиперпространства – а это задача не для средних умов – невозможно оценить огромную роль маяка. Зато легко догадаться, что в этом не-пространстве обычные законы физики не действуют. Скорость и другие измерения – понятия относительные, а не константы, как в привычной для нас реальности.

Первым кораблям, которые окунулись в гиперпространство, просто некуда было двигаться. Не было даже возможности определить, движутся ли они вообще. Маяки решили эту проблему, и перед нами открылась новая вселенная. Установленные на планетах, они вырабатывали энергию в громадных количествах. Эта энергия преобразовывалась в излучение, рассылаемое по гиперпространству. Каждому маяку был назначен собственный кодовый сигнал, на это отводилась часть вырабатываемой энергии. Триангуляция и квадратура соединяли маяки в сеть, и охваченное ею гиперпространство обретало размерность. Так создавались необходимые условия для навигации. Вот только эта навигация велась по своим собственным правилам. Крайне сложные и изменчивые, они все же оставались правилами, и пилоты не могли ими пренебрегать.

Для короткого прыжка в гиперпространстве необходимо минимум четыре маяка; меньшее число не обеспечит точной привязки. Прыжок подлиннее требует уже семи-восьми маяков. Поэтому каждый маяк очень ценен, все до одного должны постоянно работать. Для того-то и нужны мы, парни из отдела «Ремонт и техобслуживание».

Мы летаем на кораблях, под завязку набитых инструментами и запчастями. Всегда работаем в одиночку, ведь проще обойтись без напарника, чем без техники, этой надежной и эффективной помощницы. Но хоть мы и чиним гиперпространственные маяки, сами больше времени проводим в обычном космосе. Если сломалась штукавина, как ты ее разыщешь? В гиперпространстве этим заниматься – пустая затея. Стало быть, надо подлететь к маяку как можно ближе, выскочить в нормальный космос и уже в нем добираться до цели. На это может уйти не один месяц, что обычно и бывает.

В этот раз задача оказалась не такой уж и хлопотной. Я навелся на маяк Беты Циркуля, определил точные координаты восьми маяков и поручил бортовому навигатору рассчитать геометрический центр восьмиугольника. Компьютер дал мне курс и конечную точку маршрута. Можно бы и поближе к цели, но, увы, мне так и не удалось выкорчевать из машины заложенный конструкторами фактор безопасности. По мне, чем месяцами плестись по обычному космосу, лучше рискнуть и проскочить через лежащую на пути звезду. А вот конструкторы так не считали, и они позаботились о том, чтобы у меня не было ни малейшего шанса сделать остановку внутри звезды, как бы я ни старался. Держу пари, тут нет никакого гуманизма, просто компания не желала потерять корабль.

Прыжок длился двадцать четыре часа по бортовому времени, и я вынырнул из гиперпространства неведь где. В недрах робота-анализатора пострекотало-пощелкало, он нашел своими датчиками звезды, сравнил их спектры со спектром Проксимы Центавра. Наконец прозвенел звонок, замигала лампочка. Я приник к окуляру.

С фотоэлемента поступили данные – видимая звездная величина. Сопоставив ее с абсолютной звездной величиной, я получил расстояние. Шесть недель полета плюс-минус пара дней, даже лучше, чем я ожидал.

Робопилот получил от меня ленту с записанным курсом, а сам я улегся в акселерационную емкость, пристегнулся и уснул.

Уже в который раз – не в двенадцатый ли? – я перенастроил камеру и успел почти до конца пройти заочный курс по ядерной физике. Обучение – очень полезное дело, ведь никогда не знаешь заранее, какие знания тебе могут пригодиться. Да вдобавок компания приплачивает своим ремонтникам за овладение новыми профессиями. Еще я писал маслом и упражнялся в гимнастическом отсеке при нулевой гравитации, так что время летело быстро.

Я спал, когда корабль приблизился к цели на планетарную дистанцию и робопилот сообщил об этом звоном и вспышками сигнальных устройств.

Если верить старым картам, вторая планета, на которой стоял маяк, представляла собой комок влажной пористой массы. С превеликим трудом разобравшись в допотопных условных обозначениях, я наконец обнаружил нужное место и, оставаясь за пределами атмосферы, отправил вниз «Летучий глаз». Люди моей профессии очень рано усваивают, когда стоит рисковать собственной шкурой, а когда ее лучше поберечь. «Летучий глаз» – то что надо для предварительной оценки ситуации.

Доисторическим строителям маяка хватило ума поставить его на открытом участке, равноудаленном от двух высоких гор. Я довольно легко обнаружил эти возвышенности и повел «Летучий глаз» прямо от одной к другой. У моего разведчика имелись носовой и хвостовой радары; поступавшие от них сигналы я перенаправлял на осциллограф и получал амплитудные кривые. Едва совпали два пика, я покрутил ручки управления, и «Летучий глаз» коршуном ринулся вниз.

Переключившись с радара на носовой орбитон, я откинулся в кресле и стал ждать, когда на экране появится маяк.

Изображение замигало, сфокусировалось, и пред мои очи явилась исполинская пирамида. Я выругался и повел «Летучий глаз» витками, сканируя прилегающую территорию. В

круге диаметром десять миль – только пирамида, и это определенно не мой маяк. Или все-таки он?

Подчиняясь моей воле, «Летучий глаз» снизился. Штуковина казалась сложенной из дикого камня; ни отделки, ни украшений. Верхушка чуть поблескивала, и я, заинтересовавшись, приблизил разведчика и увидел углубление, мелкий резервуар, наполненный водой. При виде этой картины что-то щелкнуло у меня в мозгу.

Заставив «Летучий глаз» барражировать по кругу, я зарылся в чертежи «третьей модели». Вот оно! Маяк снабжен панелью для улавливания атмосферных осадков и емкостью для их сбора. Это необходимо, чтобы охладить реактор, который питает энергией чудовищную махину. А раз имеется вода, значит и маяк на месте – под каменной пирамидой.

Но кому понадобилось ее возводить? Конечно же, туземцам, которых дурни, монтировавшие здесь маяк, не удосужились посвятить в суть дела. Вот эти туземцы и потрудились на совесть, не пожалев камня, и сооружение получилось массивным и прочным.

Я еще раз глянул на экран и определил, что «Летучий глаз» кружит в дюжине футов над пирамидой. Верхушка каменной громадины была сплошь покрыта ящерицами – это, как пить дать, и есть те самые туземцы. И они, похоже, не скупясь, мечут в моего разведчика камни и арбалетные стрелы.

Я поднял «Летучий глаз» повыше и отвел в сторону и включил контур автоматического возвращения на корабль. Потом отправился на камбуз за крепкой выпивкой. Надо было спокойно посидеть и хорошенько подумать.

Мало того что маяк заперт внутри рукотворной горы, я еще и ухитрился разозлить построивших пирамиду тварей. Нужны железные нервы, не чета моим, чтобы в такой ситуации не притронуться к бутылке.

Вменяемый ремонтник старается держаться подальше от туземцев. Для нашего брата инопланетные разумные сообщества хуже чумы. Антропологи могут с легкостью класть свою жизнь на алтарь любимой науки, а мы категорически не желаем, чтобы нас потрошили и расчленили. Вот вам причина, по которой маяки обычно ставят на необитаемых планетах. Или в самом крайнем случае выбирают участок, недоступный для аборигенов.

Почему же здешний маяк оказался в пределах досягаемости когтистых туземных лап? С этим вопросом мне еще предстоит разобраться. Но сейчас есть задачка поважней.

В подобных случаях надо первым делом установить контакт. А чтобы установить контакт, надо выучить язык.

Вот тут-то и пригодится давным-давно разработанный мною надежный метод.

«Любопытное ухо», плод моей изобретательской мысли, выглядело как обыкновенный камень длиной в фут. Будет такой лежать на земле, пройдешь – не заметишь. Правда, если он проплывет перед тобой в воздухе... Я отправил штуковину в город ящериц, обнаруженный примерно в тысяче километров от пирамиды. «Любопытное ухо» пролетело со свистом в ночи и приземлилось на берегу грязевого озера, популярного курортного местечка. Днем там отдыхала уйма народу. Утром появились первые купальщики, и я включил запись.

За пять-шесть планетарных суток в банке памяти механического переводчика накопилось достаточное количество диалогов, и я уже понимал отдельные выражения. Все-таки машинная память – громадное подспорье в нашем деле.

Заговорила ящерица – отдаленно похожие звуки мы производим, когда положим рот, – и другая обернулась на голос. Стало быть, это обращение, что-то вроде «привет, Джордж». Запомним, наверняка пригодится.

Позже в тот день я улучил момент, когда возле «Любопытного уха» остался только один туземец, и прокричал ему: «Привет, Джордж». Динамик исторг соответствующее бульканье, и ящерица обернулась.

Если накоплено достаточное количество точно понятых фраз, механическому переводчику остается лишь заполнить пробелы. Я дождался, когда он научится бегло переводить любой диалог, и решил, что настало время для контакта.

Интересующий меня объект нашелся без труда. Это был центаврианский аналог нашего пастуха, он гнал представителей какой-то особенно отвратительной формы туземной жизни в болото за городской чертой. Мое «Любопытное ухо» выдолбило себе ямку в скальном обнажении и затаилось в засаде.

Когда туземец приблизился, я зашептал в микрофон:

– Приветствую тебя, о пастух! Ты слышишь голос твоего деда, который обращается к тебе из рая.

Я уже знал кое-что о туземной религии, и сказанное мною ей не противоречило.

Пастух замер, как будто налетел на стенку. Не дожидаясь, когда он опомнится, я нажал на кнопку, и из пещерки к его ногам ссыпалась горсть ракушек – из похожих земные индейцы мастерили свои вампуны.

– Вот тебе, внучек, деньги из рая, за то, что ты был хорошим мальчиком.

Конечно, рай тут ни при чем, – деньги я ночью умыкнул из городской казны.

– Приходи завтра, и мы опять поговорим, – прокричал я вдогонку ящерице, радуясь, что она собрала денежки, прежде чем дала деру.

Разумеется, на следующий день она вернулась и пообщалась с потусторонним дедушкой, и таких бесед было еще немало, и конечно же, райские гостинцы всегда принимались с благодарностью. Дед у себя в загробном мире соскучился по новостям, и внук охотно отвечал на любые его вопросы. Я узнал все, что желал знать об этом мире, о его прошлом и настоящем, но оптимизма у меня не прибавилось. Мало того что туземцы обложили маяк камнями, они еще и религиозную войну вокруг пирамиды устроили.

Все началось из-за земляного моста. Как выяснилось, во время строительства маяка ящерицы жили на далеких болотах и факт их существования мало заботил монтажников. У туземцев низкий уровень развития, и они несут со своего континента, – о чем тут беспокоиться? Никому не приходила в голову мысль, что ящерицы способны эволюционировать и перебраться на другой материк.

В конце концов именно это и случилось. Небольшие тектонические подвижки, и в нужном месте появляется болотистый перешеек, и в долину с маяком забредают первые ящерицы. Возникает религия. С крыши блестящего металлического храма всегда льется чудесная влага – там работает атмосферный конденсатор. Вода радиоактивная, но ящерицам это не вредит. Мутации только подстегивают их развитие.

Вокруг храма вырос город, а в последующие века маяк обрел пирамидальную оболочку. Обслуживал постройку специальный жреческий орден. И все было прекрасно, пока какой-то священник не осквернил храм, в результате чего прекратился ток священной воды. И были потом мятеж и крамола; и были разруха и гибель. А вода с тех пор так и не льется. Каждый день новая вооруженная толпа приходит штурмовать храм и новый отряд жрецов обороняет святиню.

И теперь я должен лезть в эту мясорубку, чтобы починить маяк.

Все было бы куда проще, если бы мне позволялось скромное применение силы. Я бы зажарил этих ящериц, устранил поломку и был таков. Вот только «туземные формы жизни» надежно защищены законом. Конструкторы нашпиговали мой корабль следящими устройствами; часть из них я разыскал и вылуцил, но оставшиеся с удовольствием наступчат на меня по возвращении.

Что ж, остается прибегнуть к помощи дипломатии. Я тяжело вздохнул и достал комплект пластиплоти.

С помощью трехмерных фотоснимков «внука» удалось изготовить довольно правдоподобного вида голову рептилии. Маленько неудобно работать челюстями – у меня они не такие большие и клыкастые, – но в остальном порядок. Стопроцентное сходство и не требуется, достаточно поверхностного, чтобы не слишком пугать местных жителей. Это ведь логично: будь я невежественным землянином, при встрече со спиканцем, похожим на двухфутовый ком сухого шеллака, постарался бы немедленно удалиться на безопасное расстояние. Но если бы спиканец носил маскировку из пластиплоти и отдаленно смахивал на гуманоида, я бы по крайней мере задержался и побеседовал с ним.

Примерно на такую встречу с центаврианами я и рассчитывал.

Когда была готова голова, я снял ее и присоединил к зеленому туловищу, уже укомплектованному хвостом. Просто здорово, что у этих ящериц есть хвост, – они не носят одежды, а мне где-то нужно спрятать необходимую технику. Металлический каркас этой части тела крепился к моему поясу.

Начинив оболочку электронными устройствами и проводами, я примерил ее перед высоким зеркалом. Жутковато, но эффективно. Хвост кренит меня назад, походка ковыляющая, но от этого только больше сходства с рептилией.

Той же ночью я выбрал вблизи пирамиды, среди холмов, недоступное для ящериц сухое местечко и посадил там корабль. В мои плечи вцепился «Летучий глаз» и понес меня к цели. Зависнув в двухстах метрах над храмом, мы дождались рассвета и двинулись вниз. Думаю, зрелище вышло на славу. «Глаз» был замаскирован под крылатую ящерицу – что-то вроде птеродактиля.

Разумеется, медленно машущие крылья никакого отношения к физике нашего полета не имели, но на туземцев они произвели сильнейшее впечатление. Те, кто увидел нас первыми, завопили и повалились навзничь. Другие обратились в бегство, сбивая сородичей с ног и падая сами. Я приземлился на опустевшую площадь перед храмом, и тотчас явились жрецы.

– Приветствую вас, достопочтенные служители великого божества!

Конечно, я не говорил этого во весь голос, но прижатый к горлу микрофон прекрасно улавливал и шепот. Преобразованная в радиоволны, моя речь передавалась механическому переводчику, а от него поступала на спрятанный в пасти громкоговоритель.

Туземцы забулькали и зачавкали, и почти сразу пошел перевод. Я прибавил громкости, и мой голос раскатился по всей площади. Наиболее легковверные центавриане пали ниц, другие с воплями кинулись прочь. Какой-то скептик замахнулся пикой, но птеродактиль схватил его, перенес в сторону и уронил в болото.

Жрецы отличались от мирян здравомыслием, они не покупали ящериц в мешке. Эта публика знай стояла и галдела, но признаков паники я не наблюдал. Значит, надо принять более решительные меры.

– Изыди, мой верный слуга! – велел я «Летучему глазу», одновременно нажимая кнопку на ладони.

Он взмыл чуть быстрее, чем я рассчитывал; посыпались кусочки сорванного ветром пластика. Пока толпа таранилась на этот полет, я шагал к дверям храма.

– Я буду говорить с вами, о благородное жречество.

Прежде чем они придумали внятный ответ, я очутился в храме.

Тот представлял собой небольшое помещение в основании пирамиды. Судя по тому, что меня не остановили, я нарушил не слишком много табу. У стенки в бассейне темнела вода. Там плескалась древняя рептилия, несомненно принадлежавшая к высшему духовенству. Я подковылял к ней поближе, и она выпучила на меня холодный рыбий глаз, а потом что-то проскворчала. Механический переводчик зашептал мне в ухо:

– Во имя тринадцатого греха ответь, кто ты и что делаешь здесь.

Я придал своему чешуйчатому телу гордую позу и указал на потолок:

– Посланный предками, я сошел с небес, дабы помочь вам. Божественная влага снова будет литься.

За моей спиной загомонили жрецы, только старец не промолвил ни слова. Он медленно окунулся, оставив над водой лишь глаза. Вроде я даже слышал, как под этим замшелым темне-нем скрипят мозги. Наконец он вынырнул и указал на меня перстом, с которого капала вода:

– Лжец! Никакой ты не предок! Да мы тебя...

– Молчать! – рявкнул я, не дожидаясь, когда он зайдет слишком далеко. – Я не выдаю себя за вашего предка; я сказал, что меня послали ваши предки. Не вздумай причинить мне вред, если не хочешь, чтобы против тебя ополчились все ушедшие в мир иной.

С этими словами я повернулся и грозно ткнул когтем в сторону младших жрецов. Вылетевшая при этом круглая и плоская, как монетка, граната взорвалась с грохотом и дымом и проделала в двери аккуратную дырку.

Верховный жрец незамедлительно внял моим аргументам и созвал шаманов. Разумеется, собрание проходило в храмовой купальне, и мне ничего не оставалось, как залезть туда. С час мы разевали челюсти и булькали и наконец договорились о главном. Я узнал, что эти жрецы – новички, всех прежних сварили за то, что они позволили иссякнуть священному источнику.

Хоть и с большой осторожностью, ящерицы приняли на веру, что моя единственная миссия – возобновить для них подачу воды. Мы все выползли из бассейна и зашлепали по полу, оставляя мокрые отпечатки лап, к запертой на засов и охраняемой двери, которая вела в сердце пирамиды. Когда эту дверь открыли, верховный жрец обратился ко мне:

– Тебе, конечно же, известен закон. Поскольку любопытство прежних жрецов обошлось нам слишком дорого, теперь войти в святилище позволительно только слепому.

Клянусь, он улыбался, если можно назвать улыбкой трещину в боку старого чемодана, из которой выглядывают три десятка клыков.

А еще он дал знак службе, и тот подтащил жаровню. Мне оставалось лишь стоять и глядеть, как старый хрыч шевелит угли, снимает с них раскаленные докрасна клещи и поворачивается ко мне. Он уже нацелился на мой правый глаз, как вдруг меня осенила спасительная мысль.

– Лишать зрения – это вы хорошо придумали, – сказал я. – Но в моем случае процедуру надо проделать не сейчас, а перед моим уходом из святилища. Глаза мне нужны, чтобы увидеть божественный источник и отремонтировать его. Когда же снова потечет вода, я сам возьмусь за щипцы и со смехом вырву собственные глаза.

Ему понадобилось добрых полминуты, чтобы покумекать и наконец согласиться. Сопящий палач подсыпал угля в жаровню.

Распахнулись ворота, и я решительно устремился вперед. Миг спустя створки лязгнули за моей спиной. Я утонул во мраке.

Но ненадолго. Послышалось шарканье, и я рискнул включить фонарь. Ко мне неуклюже приближались три жреца, глазницы багровели обожженным мясом. Узнав о моих намерениях, ящерицы без единого слова взяли меня сопроводить.

Лестница из растрескавшегося, крошащегося под ногами камня привела нас к прочной металлической двери. На табличке я прочел древние письмена: «Модель № 3. Только для обслуживающего персонала». Судя по отсутствию замка, строители полностью доверяли гипнотической силе этих слов.

Одна из ящериц просто повернула ручку, и мы очутились внутри маяка.

Я отстегнул клапан своей камуфляжной груди и достал чертежи. Стараясь не обращать внимания на топчущихся рядом жрецов, нашел батареи аварийного освещения. Отлично, они не до конца разрядились, могут давать тусклый свет. Измерительные приборы тоже в неплохом состоянии, отчасти благодаря тому, что их без устали надраивали слуги божьи. При этом один из них случайно повернул рукоятку клапана. Этот клапан предназначался для ремонта, при

условии что включен запасной контур охлаждения реактора. Подача воды на реактор прекратилась, он перегрелся, сработали автоматические предохранители и сбросили топливо.

Воду снова пустить – задача несложная, но как быть с топливом? Возвращать его со дна шахты? Проще установить новый реактор. На борту моего корабля есть запасной, компактный, раз в десять меньше этого древнего ведра с гайками. Прежде чем заняться его транспортировкой, я проверил все остальные узлы маяка. За две тысячи лет кое-что могло износиться.

Надо отдать должное предкам, они свое дело знали туго. Движущихся деталей не более десяти процентов, степень износа минимальна. Все остальные части явно делались с расчетом на вечную службу. У водопроводной трубы, идущей от крыши, толщина стенки три метра! Притом, что внутренний диаметр этой трубы не больше, чем внешний у моей головы.

Но кое-что все-таки подлежало замене. Реактор и другие необходимые детали и материалы были уложены в аккуратный штабель на палубе корабля. Сидя перед экраном дистанционного управления, я тщательно проверил их по списку и погрузил в небольшой металлический ящик. В самый темный час перед восходом солнца мощный «Летучий глаз» сбросил его рядом с храмом и умчался незамеченным.

С помощью «Любопытного уха» я понаблюдал за попытками жрецов вскрыть контейнер. Когда ящерицы выбились из сил, вмонтированный в стенку ящика громкоговоритель проревел приказ. До вечера жрецы обливались потом, волоча тяжелый груз по узким ступенькам; тем временем я успел хорошенько выспаться. Разбудила меня возня за дверью маяка.

И хотя сам ремонт продлился недолго, я едва не оглох от стонов отчаяния – слепые ящерицы слышали, как я срываю со стен панели, чтобы добраться до силовых кабелей. Я даже подсоединил к воде специальное устройство, чтобы ящерицы и дальше получали божественную влагу с освежающей радиацией.

Поворот рукоятки клапана, несколько минут ожидания, и в трубе зажурчала долгожданная вода. Вот уже она ревет, сотрясая каменные стены пирамиды. Настало время выполнить данное туземцам обещание. Я ликующе потряс сцепленными над головой лапами и направился к выходу.

У порога топтались слепые ящерицы, вид у них был совсем несчастный. Я понял, что их расстроило, когда нажал на ручку. Дверь надежно заперли с той стороны.

– Решено оставить тебя здесь насовсем, чтобы ты ухаживал за святым источником.

Провести остаток жизни на маяке с тремя незрячими ящерицами? Восхитительная перспектива. Польщен таким гостеприимством, но не намерен им злоупотреблять.

– Да как вы смеете вмешиваться в промысел посланника ваших предков?! – Я врубил динамики на полную мощность, и вибрация была такая, что мне едва не оторвало голову.

Ящерицы съежились от страха, а я настроил «соляр» на стрельбу узким лучом и прицелился в косяк. Снаружи загремела, рассыпалась баррикада, и дверь приотворилась. Я распахнул ее сильным толчком и вытолкнул наружу жрецов, не слушая их протестов.

Их собратья толпились у подножия лестницы. Они ужасно галдели, пока я заваривал дверь. Решительно проложив себе дорогу, я остановился возле купальни. Верховный жрец при моем появлении трусливо скрылся под водой.

– Какая возмутительная невежливость! – вскричал я, и ответом была порция пузырей. – Предки разгневаны! Для вас отныне воспрещен вход в святилище. Впрочем, они милостивы, поэтому божественной влаге дозволено течь. А сейчас приступим к ритуалу ослепления!

Пыточных дел мастер от страха был ни жив ни мертв, так что я беспрепятственно завладел его орудием. Вдавил коготь в щеку, и под пластиковой кожей на глаза опустилась стальная пластина. Я вонзил железо в фальшивые глазницы, по залу потек вполне правдоподобный запах горелого мяса. Под благоговейное бульканье толпы посланец предков уронил железяку и заметался по залу, шатаясь и держась за глазницы. Клянусь, получилось очень натурально!

Но не стоило дожидаться, когда у ящериц родятся новые идеи в отношении меня. Подчиняясь радиосигналу, в храм впорхнул пластмассовый птеродактиль.

Конечно, я не видел этой картины, но вполне достаточно было ощутить, как он ухватился когтями за стальные пластины на моих плечах. Случайно я повернулся не в ту сторону; хотел вознестись, гордо устремив невидящий взор в закатное солнце, а получилось лицом к толпе. Отдать по-военному честь – это все, что можно было сделать в такой ситуации.

И вот я в вышине, в потоках прохладного воздуха. Убрал пластину, проколол дырки в горелой пластмассе и увидел уменьшающуюся вдали пирамиду, бьющую из ее подножия воду и толпу счастливых рептилий, спешащих принять радиоактивную ванну. Не забыл ли я чего? Надо посчитать на когтях.

Маяк отремонтирован – это раз.

Заварена дверь, больше не будет случайных или намеренных диверсий, – это два.

Три: верховный жрец должен быть доволен. Вода льется, побывавший в святилище чужак надлежащим образом ослеплен, жреческая каста снова при деле. Отсюда следует...

Четыре: если опять сломается маяк, ремонтника пропустят беспрепятственно. Ведь я ничем не обидел ящериц, не настроил их против будущих посланников предков.

На борту корабля, срывая с себя изрядно пострадавший ящеричий камуфляж, я тешил себя надеждой, что в следующий раз чинить маяк на Проксиме Центавра пошлют кого-то другого.

## Робот, который хотел все знать

*Перевод Э. Кабалева*

Вся беда была в том, что Файлер 13Б-445-К хотел знать все на свете, в том числе и то, что нисколько его не касалось. То, чем никакому роботу не положено даже интересоваться, а уж вникать в детали – и подавно. Но Файлер был совсем особенный робот.

История с блондинкой из Двадцать второго отдела должна бы послужить для него хорошим уроком.

Он, гудя, выбрался из хранилища с кипой книг и проходил через двадцать второй отдел, а она в это время нагнулась к какой-то книге, лежавшей на самой нижней полке. Робот замедлил ход и в нескольких шагах от нее совсем остановился, не сводя с девушки пристального взгляда. Его металлические глаза странно поблескивали.

Когда девушка нагнулась, ее короткая юбка с редкостной откровенностью явила взору обтянутые нейлоном ножки. Ножки эти, правда на диво соблазнительные, вовсе не должны бы интересоваться робота. Однако Файлер заинтересовался. Он стоял и глядел. Заметив его взгляд, она наконец обернулась.

– Если бы ты был человеком, нахал, я бы дала тебе по физиономии, – сказала она. – Но поскольку ты робот, я бы очень хотела знать, во что это ты вперил свои фотоновые глазки.

– У вас шов на чулке перекосялся, – ни на миг не задумываясь, ответил Файлер. Потом повернулся и, жужжа, отправился дальше.

Блондинка недоуменно покачала головой, поправила чулок и в который уж раз подумала: какая все-таки тонкая штука эта электроника!

Знай она, на что в самом деле глядел Файлер, изумлению ее не было бы границ. Он ведь и правда смотрел на ее ножки. Конечно, он ей не солгал – роботы лгать просто не способны, но глядел он отнюдь не только на перекосившийся шов. Файлер столкнулся с проблемой, решать которую не пытался еще ни один робот на свете.

Любовь, романтика, вопросы пола – вот что занимало его час от часу сильнее. Разумеется, интерес этот был чисто академическим, и все же бесспорным. Сама работа будила в нем любопытство к той области бытия, где повелевает Венера.

Роботы системы Файлер необыкновенно умны, и изготавливается их не так уж много. Увидеть их можно только в крупнейших библиотеках, и работают они только с самыми большими и сложными книжными собраниями. Их не назовешь просто библиотекарями – это значило бы представить в ложном свете работу библиотекарей, сочтя ее чересчур легкой и простой. Конечно, для того чтобы разместить книги на полках и штамповать карточки, большого ума не требуется, но все это давным-давно выполняют простейшие роботы, которые, в сущности, немногим сложнее примитивных Ай-би-эм на колесах. Приводить же в систему человеческие знания всегда было невероятно трудно. Задачу эту в конце концов переложили на Файлеров. Их металлические плечи не сгибались под этим бременем, подобно плечам их предшественников – библиотекарей из плоти и крови.

Помимо совершенной памяти, Файлеры обладали и другими свойствами, обычно присущими только человеческому мозгу. Например, они умели связать и сопоставить отвлеченные понятия. Если у Файлера просили книгу по какому-нибудь вопросу, он тотчас вспоминал книги на смежные темы, которые тут могут пригодиться. Ему достаточно было намека, чтобы воздвигнуть законченную систему и предъявить ее в самом реальном виде – в виде груды книг.

Такие способности присущи только homo sapiens, человеку разумному. Именно они-то и помогли ему возвыситься над своими сородичами из животного мира. И если Файлер оказался более очеловеченным, чем другие роботы, то винить в этом можно только самого его создателя – человека.

Файлер никого ни в чем не винил – он был просто любознателен. Все Файлеры любознательны – так уж они устроены. К примеру, под рукой у одного из Файлеров, 9Б-367-0, библиотекаря Ташкентского университета, оказалось несметное количество пособий по языкам, и он увлекся лингвистикой. Он говорил на тысячах языков и наречий, практически на всех, на которых можно было отыскать хоть какие-нибудь тексты, и в научных кругах считался непревзойденным авторитетом. И все это благодаря библиотеке, где он работал. А Файлер 13Б – тот, что с интересом разглядывал девичьи ножки, – трудился в пропыленных коридорах Нового Вашингтона. Здесь у него был доступ не только к новехоньким микропленкам, но и к тоннам древних книг, напечатанных на бумаге многие века тому назад.

Но больше всего Файлера занимали романы, написанные в те давно минувшие времена.

Поначалу его совсем сбили с толку бесчисленные ссылки и намеки на любовь и романтику, а также страдания души и тела, без которых, как видно, не обходились ни любовь, ни романтика. Он нигде не мог найти сколько-нибудь вразумительного и полного определения этих понятий и, естественно, заинтересовался ими. Постепенно интерес перешел в увлечение, а увлечение – в страсть. И никто на свете даже не подозревал, что Файлер стал знатоком по части любви.

Уже с самого начала он понял, что из всех форм человеческих отношений любовь – самая тонкая и хрупкая. Поэтому он держал свои изыскания в строжайшем секрете и все, что удавалось узнать, хранил в емких тайниках своего электронного мозга. Примерно в то же время он обнаружил, что в придачу ко всему вычитанному из книг кое-что можно извлечь и из реальной жизни. Это произошло, когда в отделе зоологии он нечаянно набрел на застывшую в объятии пару.

Файлер мгновенно отступил в тень и включил слуховое устройство на полную мощность. Но разговор, который он затем услышал, оказался, мягко говоря, прескучным. Всего лишь жалкое, убогое подобие любовных речей, вычитанных им из книг. Сопоставление тоже весьма важное и поучительное.

После этого случая он старался не упускать ни одного разговора между мужчиной и женщиной. Он пытался глядеть на женщин с точки зрения мужчины и наоборот. Потому-то он и разглядывал с таким любопытством нижние конечности блондинки в двадцать втором отделе.

И потому он в конце концов совершил роковую ошибку.

Спустя несколько недель один исследователь, которому понадобились услуги Файлера, вывалил на стол груды всевозможных бумажек. Какая-то карточка выскользнула из пачки и упала на пол. Файлер поднял ее и подал владельцу, а тот пробормотал благодарность и сунул карточку в карман. Когда все необходимые книги были подобраны и человек ушел, Файлер уселся и перечитал текст на карточке. Он видел ее всего какую-то долю секунды, да еще вдобавок вверх ногами, но больше ничего и не требовалось. Карточка навеки запечатлелась у него в мозгу. Файлер долго размышлял над нею, пока перед ним не стал вырисовываться некий план.

Карточка была приглашением на костюмированный бал. Файлер хорошо знал этот род развлечений – описания балов то и дело попадались ему на пропыленных страницах старых романов. На такие балы люди обычно ходили, нарядившись романтическими героями.

А почему бы и роботу не пойти на бал, нарядившись человеком?

Раз уж эта мысль пришла ему в голову, избавиться от нее не было никакой возможности. Конечно, подобные мысли роботу вообще не положены, а уж соответствующие поступки – тем более. Впервые Файлер стал догадываться, что ломает преграду, отделяющую его от тайн любви и романтики. И конечно, это его только еще больше раззадорило. И конечно же, он отправился на бал.

Купить костюм Файлер, разумеется, не посмел, но ведь в кладовых всегда можно найти какие-нибудь старинные портьеры! В одной книге он прочитал о кройке и шитье, а в другой

нашел изображение костюма, который показался ему подходящим. Сама судьба назначила ему явиться в одеянии кавалера.

Превосходно отточенным пером он нарисовал на плотном картоне точную копию пригласительного билета. Смастерить маску – вернее, полумаску с половиной лица в придачу – при его талантах и технических возможностях было делом нехитрым. Задолго до назначенного дня все было готово. Оставшееся время он занимался только тем, что перелистывал всевозможные описания костюмированных балов и старательно изучал новейшие танцы.

Файлер так увлекся своей затеей, что ни разу даже не задумался над тем, как странны для работа его поступки. Он чувствовал себя просто ученым, который исследует особую породу живых существ. Род человеческий. Или, точнее, женский.

Наконец наступил долгожданный вечер. Файлер вышел из библиотеки, держа в руке сверток, похожий на связку книг, но, конечно, это были не книги. Никто не заметил, как он скрылся в кустах, что росли в библиотечном саду. А если кто и заметил, то уж никому бы не пришло в голову, что он-то и есть элегантный молодой человек, который через несколько минут вышел из сада с другой стороны. Единственным немым свидетелем переодевания осталась оберточная бумага под кустом.

В своем новом обличе Файлер держался безукоризненно, как и приличествует роботу высшего класса, который в совершенстве изучил свою роль. Он легко взбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, и небрежно предъявил свой пригласительный билет. Войдя, он направился напрямиком в буфет и опрокинул в пластиковую трубку, подсоединенную к резервуару в его грудной клетке, три бокала шампанского. И только после этого позволил себе лениво оглядеть собравшихся в зале красавиц. Да, этот вечер был предназначен для любви.

Из всех женщин его сразу привлекла одна. Он тотчас понял, что она и есть царица бала и она одна достойна его внимания. Мог ли он согласиться на меньшее, он, преемник пятидесяти тысяч героев давно забытых книг?

Кэрл Энн ван Дэмм, как всегда, скучала. Лицо ее было скрыто под маской, но никакая маска не сумела бы скрыть великолепные формы ее тела. Все ее поклонники в причудливых костюмах толпились тут же, готовые к услугам; каждый мечтал заполучить ее молодость и красоту и миллионы ее отца в придачу. Все это давно ей надоело, и она едва сдерживала зевоту.

И тут толпу обожателей вежливо, но неотвратимо раздвинули широкие плечи незнакомца. Он заставил всех расступиться и предстал перед нею, точно лев среди стаи волков.

– Этот танец вы танцуете со мной, – многозначительно сказал он глубоким низким голосом.

Почти машинально она оперлась на предложенную руку, не в силах противиться человеку, в чьих глазах таился такой странный блеск. Еще миг – и они уже кружатся в вальсе, и это блаженство! Мускулы его крепки как сталь, но танцует он с легкостью и изяществом молодого бога.

– Кто вы? – шепнула она.

– Ваш принц. Я пришел, чтобы увести вас отсюда, – вполголоса отвечал он.

– Вы говорите, как принц из волшебной сказки, – рассмеялась она.

– Это и есть сказка, а вы – сказочная принцесса.

Слова эти, точно искра, воспламенили ее душу, и всю ее словно пронзил электрический разряд. Губы его нашептывали ей слова, которые она всю жизнь мечтала услышать, а ноги, точно по волшебству, увлекали сквозь высокие двери на террасу. В какой-то миг слова превратились в дело, и жаркие губы коснулись ее губ. Да еще какие жаркие – термостат был установлен на сорок, примерно, градусов!

– Давайте сядем, – выдохнула она, слабея от неожиданно захватившей ее страсти.

Он уселся рядом, сжимая ее руки в своих, нечеловечески сильных и все-таки нежных. Они говорили друг другу слова, ведомые только влюбленным, пока не грянул оркестр.

– Полночь, – шепнула она. – Пора снимать маски, любимый. – Она сняла свою, но Файлер, конечно, не шелохнулся. – Что же ты? – сказала она. – Ты тоже должен снять маску.

Слова эти прозвучали как приказ, и робот не мог не повиноваться. Широким жестом он сбросил маску и пластиковый подбородок.

Кэрол Энн сначала вскрикнула, потом зашла от ярости:

– Это еще что такое, отвечай, ты, жестянка!

– Это была любовь, дорогая. Любовь привела меня сюда сегодня и бросила в твои объятия.

Ответ был вполне правильный, хоть Файлер и облек его в форму, соответствующую его роли.

Услышав нежные слова из бездушной электронной пасти, Кэрол Энн снова вскрикнула. Она поняла, что стала жертвой жестокой шутки.

– Кто тебя сюда прислал? Отвечай! Что означает этот маскарад? Отвечай! Отвечай! Отвечай, ты, ящик с железным ломом!

Файлер хотел было рассортировать этот поток вопросов и отвечать на каждый в отдельности, но она не дала ему рта раскрыть.

– Надо же! Послать тебя сюда, обрядив человеком! В жизни надо мной никто так не издевался! Ты робот. Ты ничтожество. Двуногая машина с громкоговорителем. Как ты мог притворяться человеком, когда ты всего-навсего робот!

Файлер вдруг поднялся на ноги.

– Я робот, – вырвались из говорящего устройства отрывистые слова.

Это был уже не ласковый голос влюбленного, но вопль отчаявшейся машины. Мысли вихрем кружились в его электронном мозгу, но, в сущности, это была одна и та же мысль:

«Я робот... робот... я, видно, забыл, что я робот... и что делать роботу с женщиной... робот не может целовать женщину... женщина не может любить робота... но ведь она сказала, что любит меня... и все-таки я робот... робот...»

Весь содрогнувшись, он отвернулся и, лязгая и гремя, зашагал прочь. На ходу его стальные пальцы сдергивали с корпуса одежду и пластик – подделку под живую плоть, и они клочками и лохмотьями падали наземь. Путь его был усеян этими обрывками, и через какую-нибудь сотню шагов он был уже голой сталью, как в первый день его механического творения. Он пересек сад и вышел на улицу, а мысли у него в голове все быстрее неслись по замкнутому кругу.

Началась неуправляемая реакция, и вскоре она охватила не только мозг, но и все его механическое тело. Быстрее шагали ноги, стремительней работали двигатели, а центральный смазочный насос в груди метался как сумасшедший.

А потом робот с пронзительным скрежетом вскинул руки и рухнул ничком. Головой он ударился о лестницу, и острый угол гранитной ступени пробил тонкую оболочку. Металл лязгнул о металл, и в сложном электронном мозгу произошло короткое замыкание.

Робот Файлер 13Б-445-К был мертв.

По крайней мере, так гласил доклад, составленный механиком на следующий день. Собственно, не мертв, а непоправимо испорчен и должен быть разобран на части. Но, как ни странно, когда механик осматривал металлический труп, он сказал совсем другое.

В осмотре ему помогал еще один механик. Он отвинтил болты и вынул из грудной клетки сломанный смазочный насос.

– Вот в чем дело, – объяснил он. – Насос неисправен. Поршень сломался, насос заклинило, прекратилась подача масла в коленные суставы, вот он и упал и разбил себе голову.

Первый механик вытер ветошью замасленные руки и осмотрел поврежденный насос. Потом перевел взгляд на зияющую в грудной клетке дыру.

– Гляди-ка! Прямо разрыв сердца!

Оба рассмеялись, и механик швырнул насос в угол, на кучу других, сломанных, грязных и никому не нужных деталей.

## Тренировочный полет

*Перевод Е. Факторовича*

Марс был пыльной, иссохшей, ледящей душу преисподней кроваво-красного цвета. Они плелись друг за другом, по щиколотку увязая в песке, и нудно костерили неизвестного конструктора, который предложил столь неудачные кондиционеры для скафандров. Когда скафандры проходили испытания на Земле, дефект не обнаружился. А сейчас... стоило их поносить несколько недель – и на тебе! Поглотители влаги через некоторое время перенасытились и отказали. Температура на Марсе была постоянной – минус шестьдесят по Цельсию. Но из-за высокой влажности внутри костюма пот не испарялся, и они жмурились, чтобы пот не застилал им глаза.

Морли сердито замотал головой, желая стряхнуть с кончика носа капли пота, и в то же мгновение на его пути оказался какой-то мохнатый рыжий зверек. Впервые они увидели на Марсе живое существо. Но вместо любопытства в нем пробудилась одна злость. Ударом ноги он подбросил зверька в воздух. Удар был внезапным, Морли потерял равновесие и стал медленно падать, причем его скафандр зацепился за острый край скалы из обсидиана.

Тони Бенермэн услышал в наушниках сдавленный крик напарника и оглянулся. Морли корчился на песке, пытаясь заткнуть дыру на колене. Воздух, насыщенный влагой, с легким шипением вырывался на свободу и мгновенно превращался в мерцающие кристаллики льда. Тони бросился к другу, тщетно стремясь прикрыть перчатками разорванное место. Прижался к нему и увидел, как ужас застыл в глазах и как синее его лицо.

– Помоги мне! Помоги!

Морли закричал с такой силой, что задрожали мембраны шлемофона. Но помочь было нечем. Они не захватили с собой пластыря – весь пластырь остался на корабле, за четверть мили отсюда. Пока он будет бегать туда-сюда, Морли уже умрет.

Тони медленно выпрямился и вздохнул. На корабле их только двое, и на Марсе – никого, кто мог бы оказать им помощь. Морли поймал наконец взгляд Тони и спросил:

– Надежды нет, Тони, я мертв, да?

– Как только кончится кислород. От силы тридцать секунд. Ничем не могу тебе помочь.

Морли коротко, но крепко выругался и нажал красную кнопку у запястья с надписью «Авария». В тот же миг перед ним раскрылась поверхность Марса: песок с шуршанием сыпался в отверстие. Тони отступил на несколько шагов; из отверстия появились двое мужчин в белых скафандрах с красными крестами на шлемах. Они уложили Морли на носилки и в одно мгновение исчезли.

Тони угрюмо смотрел вниз, пока не открылась засыпанная песком дверь и ему не выбросили скафандр Морли. Потом дверь захлопнулась, и снова тишина нависла над пустыней.

Кукла в скафандре весила столько же, сколько Морли, а ее пластиковое лицо имело даже какое-то сходство с ним. Какой-то шутник на месте глаз нарисовал черные кресты. «Чудно», – подумал Тони, взваливая на спину неудобную ношу. На обратном пути он увидел неподвижно лежавшего марсианского зверька. Пнул ногой, и из него посыпались пружинки и колесики.

Когда он добрался до корабля, крошечное солнце уже коснулось зубчатых вершин красных гор. Сегодня уже поздно хоронить, придется подождать до завтра. Оставив куклу в отсеке, он взобрался в кабину и стянул с себя мокрый скафандр.

Между тем спустились сумерки, и существа, которых они именовали совами, принялись царапать обшивку корабля. Космонавтам ни разу не довелось увидеть хоть одну сову – тем более их раздражало это бесконечное царапанье. Разогревая ужин, Тони стучал тарелками и сковородками как можно громче, чтобы заглушить неприятные звуки. Покончив с едой и убрав

посуду, он впервые ощутил одиночество. Даже жевательный табак сейчас не помогал, он лишь напомнил о том, что на Земле его ждет ящик гаванских сигар.

Нечаянно он стукнул по тонкой выдвижной ножке стола, и все тарелки, сковорода и ложки полетели на пол. Шум был ему приятен, а еще приятнее было оставить все как есть и пойти спать.

На этот раз они почти достигли цели. Эх, если бы Морли был поосторожнее! Но Тони заставил себя не думать об этом и вскоре уснул.

На следующее утро он похоронил Морли. Сжав зубы, соблюдая величайшую осторожность, провел он два дня, оставшихся до старта. Аккуратно сложил геологические образцы, проверил исправность механизмов и автоматов.

В день старта он вынул ленты с магнитными записями из приборов и отнес ненужные записи и лишнее оборудование на значительное расстояние от корабля. Там же оставил излишки продовольствия. В последний раз пробираясь по красному песку, он отдал иронический салют могиле Морли. На корабле у него не было решительно никаких дел, не осталось даже ни одной непрочитанной брошюры. Два последних часа Тони провел, лежа в постели и считая заклепки в потолке кабины.

Тишину нарушил резкий щелчок контрольных часов, и он услышал, как за толстой обшивкой взревели моторы. Одновременно из отверстия в стене кабины к его койке протянулась мягкая «рука» со шприцем; пригвоздив его к ложу, металлические пальцы ошупали его, вот они добрались до лодыжки, и жало иглы вонзилось в нее. Последнее, что Тони видел, – как жидкость из шприца переливается в его вену, и тут он забылся.

Сзади открылось широкое отверстие, и вошли два санитара с носилками. На них не было ни скафандров, ни защитных масок, а за ними виднелось голубое небо Земли.

Когда он очнулся, все было как обычно. Неведомые стимуляторы помогли ему легко выплыть из тьмы беспомощности. Открыв наконец глаза, он увидел белый потолок земной операционной.

Но вот все вокруг заслонило багровое лицо и угрожающе сдвинутые брови склонившегося над ним полковника Стэгема. Тони попытался вспомнить, нужно ли отдавать честь в кровати, но потом решил, что самое лучшее не двигаться.

– Черт побери, Бенермэн, – проворчал полковник, – рад видеть вас на Земле. Но зачем вы, вообще говоря, вернулись? Смерть Морли означала крах всей экспедиции, а это значит, что на сегодняшний день мы не можем похвастаться ни одним удачным запуском!

– А парни из второго корабля, сэр? Как дела у них? – Тони силился говорить бодро и уверенно.

– Ужасно. Еще хуже, чем у вас, если это вообще возможно. Оба на другой день после приземления погибли. Осколок метеора попал в резервуар с кислородом. Они так увлеклись анализом местной флоры, что не заинтересовались показаниями измерительных приборов. Но я здесь по другому делу. Накиньте что-нибудь на себя и пройдите в мой кабинет.

Он зашагал к выходу, и Тони поспешил выбраться из постели, не обращая внимания на легкую слабость из-за введения наркотиков. Когда говорят полковники, лейтенантам приходится повиноваться.

Тони вошел в кабинет Стэгема: полковник с мрачным видом глядел в окно. Ответив на приветствие, он предложил лейтенанту сигару. Как бы в доказательство того, что в его солдатской душе еще теплятся искры человечности, полковник обратил его внимание на стартовую площадку за окном:

– Видите? Знаете, что это?

– Да, сэр. Ракета на Марс.

– Пока еще нет. Сейчас это лишь ее корпус. Двигатели и оборудование собираются на заводах, рассеянных по всей стране. При нынешних темпах ракета будет готова не раньше чем

через шесть месяцев. Ракета будет готова, но вот лететь-то в ней некому. Если так пойдет и дальше, ни один не сможет выдержать испытание. Включая и вас.

Под пристальным взглядом полковника Тони беспокойно заерзал на стуле.

– Вся эта программа подготовки с самого начала была моим детищем. Я разработал ее и нажимал на Пентагон, пока ее не приняли. Мы знали, что в состоянии построить корабль, который долетит до Марса и вернется на Землю, корабль с автоматическим управлением, который преодолет любые трудности и помехи. Но нам необходимы люди, которые сумеют ступить на поверхность планеты, исследовать ее, иначе вся затея не будет стоить выеденного яйца.

Для корабля и для пилота-робота нужно было провести серию испытаний, воспроизводящих условия полета, чтобы устранить мелкие недоделки. Я предложил – и в конце концов это было принято, – чтобы космонавты, которым придется лететь на Марс, прошли именно такую подготовку. Мы построили две барокамеры и тренажеры, способные воспроизвести в деталях любую мыслимую на Марсе ситуацию. Мы по восемнадцать месяцев маринуем в барокамерах экипажи из двух человек, чтобы подготовить их к настоящему полету.

Не стоит упоминать о том, сколько кандидатов было у нас поначалу, сколько было несчастных случаев из-за того, что мы слишком реально воспроизводим условия полета в барокамерах. Скажу только одно: за прошедшее время удачных запусков не было. Все, кто не выдерживал или, подобно вашему напарнику Морли, «погибал», выбывали из игры раз и навсегда.

И вот теперь у нас осталось четыре кандидатуры, в том числе и вы. Если мы не сумеем создать удачный экипаж из двух космонавтов, весь проект пойдет насмарку.

Тони похолодел, сигара в его руке погасла. Он знал, что в последнее время на руководителей испытаний давили все сильнее и сильнее. Поэтому-то полковник Стэгем и рычал на всех, будто подстреленный медведь. Голос полковника прервал ход его мыслей:

– Эти умники из Института психологии кричат на всех перекрестках, что обнаружили самое слабое место в моей программе. Дескать, если речь идет о тренировочных полетах, испытываемые где-то в глубине души всегда будут чувствовать, что игра будет идти понарошку. Слуцись катастрофа – в последний момент их всегда спасут. Как вашего Морли, например. Результаты последних опытов заставляют меня думать, что они правы. В моем распоряжении четыре человека, и для каждой пары будет проведено по одному испытанию. Но на сей раз речь идет о генеральной репетиции, на этот раз мы пойдем на все.

– Я не понимаю, полковник...

– Очень просто. – В подтверждение своих слов Стэгем ударил кулаком по столу. – Впредь мы не станем оказывать помощь. Никого не будем тащить за волосы, как бы срочно это ни требовалось. Испытания проведем в боевой обстановке с настоящим снаряжением. Мы обрушим на вас все, что только можно придумать, а вы должны выдержать. Если на этот раз кто-нибудь порвет свой скафандр, он умрет в марсианском вакууме, в нескольких метрах от земной атмосферы. – При прощании с Тони он несколько смягчил тон: – Я был бы рад, если бы мог поступить иначе, но выбора нет. К будущему месяцу нам нужен надежный экипаж для полета, и только таким образом мы можем его укомплектовать.

Тони дали трехдневный отпуск. В первый день он напился, на второй страдал от головной боли, на третий – от бессильной злости. Все участники испытаний были добровольцами, но такое приближение к реальности – это уже слишком. Конечно, он мог бросить все к чертям, когда ему заблагорассудится, но он-то знал, чем это ему грозит. Оставалось одно: согласиться с этой нелепой идеей. Прodelать то, что от него требуется, вынести все. Зато уж после испытаний он съездит по здоровенному полковничьему носу.

На врачебном осмотре Тони встретился со своим новым напарником, Эллом Мендозой. Познакомились они еще раньше, на теоретических занятиях. Обмениваясь рукопожатиями, они пожирали друг друга глазами и прикидывали, каковы возможности напарника. Экипаж состоит из двоих, а ведь один из них может стать причиной смерти другого...

Высокий, худощавый Мендоза был полной противоположностью приземистому крепышу Тони. Спокойная, даже чуть-чуть небрежная манера поведения Тони дополнялась нервной напряженностью Элла. Элл был заядлым курильщиком, он обшаривал глазами все вокруг.

Тони заглушил в себе растущее беспокойство. Если Элл выдержал все испытания, значит он кое на что годится. Как только начнется полет, нервозность Элла, скорее всего, пройдет.

Врач вызвал Тони и внимательно осмотрел его.

– Что это? – спросил врач, проведя влажной ваткой по щеке Тони.

– Ой! – вскрикнул Тони. – Я порезался, когда брился.

Врач недовольно поморщился, смазал ранку, заклеил ее пластырем.

– Поосторожнее с ранками, – предупредил он. – Ведь таким путем бактериям легче всего проникнуть в организм. А мало ли какие бактерии есть на Марсе.

Тони открыл было рот, чтобы возразить, но передумал. Возражать бессмысленно: полет, если он вообще состоится, продлится двести шестьдесят дней. За такое время заживет любой порез, даже если космонавт будет находиться в анабиозе.

После осмотра они, как обычно, надели летные костюмы и перешли в другое здание. По пути Тони заглянул в казармы и вскоре вернулся с шахматной доской и выдавшей виды колодой игральных карт.

Входная дверь в мощном блоке второго строения была открыта, и они ступили на лестницу, ведущую в космический корабль. Врачи привязали их ремнями к койкам и сделали инъекции, симулирующие состояние анабиоза.

Пробуждение сопровождалось обычной слабостью и вялостью. Куда уж натуральнее... Повинуясь внезапному импульсу, Тони подошел к зеркалу и подмигнул своему гладко выбритому отражению с красными воспаленными глазами. Сорвал пластырь, пальцы его коснулись пореза с засохшими капельками крови. Облегченно вздохнул. Он никак не мог отделаться от страха, что однажды такой тренировочный полет может оказаться настоящим полетом на Марс. Логика подсказывала ему, что армия никогда не откажется от того, чтобы всю разрекламировать запуск. Но все же его грыз червь сомнения, и поэтому он так нервничал в начале каждого «сухого» полета.

С новым виражом Тони опять ощутил тошноту, но сумел ее преодолеть. Во время испытаний нельзя терять времени. Необходимо проверить приборы. Сидевший на койке Элл едва заметно махнул рукой. Тони ответил ему тем же.

В то же мгновение ожил приемник. Сначала в контрольном пункте слышались только посторонние шумы, потом их заглушил голос офицера-тренера:

– лейтенант Бенермэн, вы уже проснулись?

Тони включил микрофон и доложил:

– Так точно, сэр.

– Одну секунду, Тони, – сказал офицер. Потом он пробормотал что-то нечленораздельное – очевидно, говорил с кем-то стоящим рядом. Потом опять повернулся к микрофону. – Не в порядке один из вентиляй; давление превышает расчетное. Примите меры, пока мы не снизим давление.

– Слушаюсь, сэр, – ответил Тони и отключил микрофон, чтобы вместе с Эллом посетить на показное «трудолюбие» своих воспитателей. Несколько минут спустя приемник снова ожил.

– Все в порядке, давление нормальное. Продолжайте свою работу.

Тони показал язык невидимому воспитателю и пошел в соседний отсек. Повернул рычаг, желая сделать видимость четче.

– Ну, по крайней мере на этот раз все спокойно, – сказал он, увидев красноватые отсветы. Вошел Элл, заглянул через его плечо.

– Да здравствует Стэгем! В прошлый раз, когда погиб мой напарник, все время дул жуткий ветер. А сейчас по этим песчаным дюнам видно, что ветра и в помине нет.

Они хмуро уставились на знакомый красноватый ландшафт и темное небо. Наконец Тони повернулся к приборам, а Элл достал из шкафа скафандры.

– Сюда, скорее!

Элла не нужно было звать дважды. В один момент он подскочил к Тони и стал следить за его указательным пальцем.

– Резервуар с водой! Судя по приборам, он наполовину пуст!

Они сняли щиты, преграждавшие доступ к резервуару. Тоненькая струйка ржавой водицы стекала с крышки к их ногам. Освещая себе путь фонарем, Тони подполз к резервуару и осветил трубки. Его голос прозвучал в тесном отсеке резко и отчетливо:

– Черт бы побрал Стэгема с его фокусами: опять эти проклятые «аварии при посадке». Лопнула соединительная трубка, и вода просачивается в изоляционный слой. Мы никак не прекратим утечку, разве что разнесем корабль на куски. Подай-ка мне склейку, пока дело не дошло до ремонта, я замажу отверстие.

– Месяц будет ужасно засушливый, – пробормотал Элл, изучая показания других приборов.

В первое время все было как обычно. Они водрузили знамя и принялись переносить приборы. Все наблюдательные и измерительные приборы были установлены на третий день, так что они могли выгрузить теодолиты и начали составлять карты. На четвертый день они стали собирать образцы местной фауны.

И тут они впервые обратили внимание на пыль. Тони с трудом жевал какую-то подозрительно тягучую порцию еды, время от времени изрыгая проклятия: еда лезла в горло, лишь обильно смоченная водой. Он с трудом проглотил комок, потом оглядел аппаратную.

– Ты заметил, сколько здесь пыли? – спросил он.

– Еще бы не заметить! Мой костюм так загрязнился, будто я влез на муравьиную кучу.

Они посмотрели вокруг, и впервые их поразило, как много пыли в корабле. И волосы, и еда – все покрылось слоем красноватой пыли. Под ногами постоянно что-то шуршало, куда ни ступи.

– Мы сами приносим ее сюда, на костюмах, – сказал Тони. – Давай будем перед входом в помещение лучше отряхиваться.

Хорошая идея, а не помогла. Красная пыль была мелкой, как пудра. И сколько они ни вытряхивали одежду, пыль не исчезала, а лишь носилась вокруг, обволакивая их легкой дымкой, словно облако. Они пытались забыть о пыли, думать о ней как об очередной фантазии техников Стэгема. Какое-то время это удавалось, пока на восьмой день не отказала внешняя дверь шлюзовой камеры. Они вернулись из двухдневного похода, где собирали образцы, и еле поместились в камеру вместе со своими тяжеленными мешками с геологическими образцами. Отряхнули друг друга как могли, потом Элл нажал рычаг. Внешняя дверь начала открываться и вдруг остановилась. Подошвы ботинок ощутили вибрацию – на полную мощность заработали двигатели автоматических дверей. Затем двигатели отключились, замигала красная лампочка.

– Пыль! – крикнул Тони. – Проклятая пыль попала в механизм!

Они легко сняли предохранительный щиток, заглянули в двигатель. Красная пыль смешалась со смазочным веществом, и образовались немислимые бурые «пирожки». Но оказалось, что обнаружить неисправность гораздо легче, чем ее ликвидировать. В карманах костюмов они нашли лишь несколько самых нужных инструментов. А большой ящик с инструментами и различными растворами, которые можно было быстро пустить в ход, находился внутри корабля. Но пока дверь не открыта, внутрь попасть невозможно. Парадоксальная ситуация, но им было не до смеха. Лишь одна секунда ушла у них на то, чтобы осознать, в какую переделку они попали, и целых два часа, чтобы худо-бедно почистить двигатели, закрыть внеш-

нюю и открыть внутреннюю двери. Когда наконец им это удалось, указатели их кислородных приборов стояли на отметке «нуль», и пришлось прибегнуть к НЗ.

Элл снял свой шлем и тут же повалился на койку. Тони показалось, что напарник потерял сознание, но вот он увидел открытые глаза Элла, прикованные к потолку. Тони раскупорил единственную бутылку коньяка, взятую в медицинских целях, заставил Элла отхлебнуть глоток, потом сам сделал два глотка и решил не обращать внимания на то, как дрожат руки. Он занялся починкой дверных механизмов, а когда работа подошла к концу, Элл уже пришел в себя и стал готовить ужин.

Если не считать пыли, поначалу испытания проходили нормально. Днем собирали образцы и проводили измерения; несколько свободных часов, затем – сон. Элл оказался прекрасным напарником и лучшим шахматистом из всех, с кем Тони до сих пор был в паре. Вскоре Тони обнаружил: то, что он поначалу принял за нервозность, оказалось на деле нервной энергией. Элл был в своей тарелке, лишь когда занимался каким-то делом. С головой уходя в каждодневную работу, он и к вечеру сохранял столько сил и бодрости, что за шахматной доской решительно обыгрывал своего зевающего противника. Характеры космонавтов были несхожи, может быть, поэтому они прекрасно ладили.

Все было хорошо – только вот пыль! Она была повсюду, она забивалась в каждую щель. Тони злился, но старался не показывать виду. Элл страдал больше. От пыли он испытывал постоянный зуд, чесался, он был на грани срыва. Вскоре его начала мучить бессонница...

А неумолимая пыль постоянно проникала во все отсеки и механизмы корабля. Машины стали изнашиваться с той же быстротой, что и нервы. Днем и ночью пыль, вызывающая зуд, и недостаток воды доводили их до отчаяния. Они все время хотели пить, но знали, что воды оставалось ничтожно мало и ее вряд ли хватит, если каждый будет распорядиться ею по-своему.

На тринадцатый день из-за воды вспыхнул спор, и дело чуть не дошло до драки. После этого они два дня не разговаривали. Тони заметил, что Элл всегда носит с собой геологический молоток, и решил на всякий случай обзавестись ножом.

Кто-то из двоих должен был сорваться. Этим человеком оказался Элл.

Его доконала бессонница. У него и раньше был чуткий сон, а тут эта пыль и бессонница окончательно добила его. Тони слышал, как Элл ночами ворочался с боку на бок, чесался и проклинал все на свете. Он и сам-то спал теперь не особенно крепко, но все же умудрялся немножко соснуть. Судя по темным кругам под налитыми кровью глазами, Эллу это не удавалось.

На восемнадцатый день он сорвался. Они как раз надевали скафандры, когда Элла вдруг затрясло. У него тряслись не только руки, но и все тело ходило ходуном. Его трясло до тех пор, пока Тони не уложил его на койку и не влил ему в рот остатки коньяка.

Когда припадок кончился, Элл отказался покинуть корабль.

– Я не хочу... не могу! – кричал он. – Скафандры тоже долго не протянут, они порвутся, когда мы будем на поверхности... я больше не выдержу... Мы должны вернуться.

Тони попытался его образумить:

– Ты же знаешь, что это невозможно, что испытания полностью имитируют полет. Они рассчитаны на двадцать восемь дней. Осталось еще десять. Ты должен выдержать. Командование считает, что это минимальный срок пребывания на Марсе. Все планы и экипировка экспедиции исходят из этого срока. Скажи спасибо, что нас не заставляют просидеть здесь целый марсианский год, пока планеты снова не приблизятся друг к другу. Что может быть хуже анабиоза на атомном корабле?

– Брось ты эти глупости, – взорвался Элл. – Мне наплевать, что будет с первой экспедицией. Точка. Это была моя последняя тренировка. Я не хочу свихнуться от бессонницы только потому, что какому-то службисту кажется, будто проверка в сверхтяжелых условиях – един-

ственно правильный метод тренировки. Если меня не снимут с испытаний, это будет равносильно убийству.

Он вскочил с койки, прежде чем Тони произнес хоть слово, и бросился к контрольному пульта. Как всегда, второй справа была кнопка «Экстренный случай», но они не знали, подключена она к системе оповещения или нет и получают ли они ответ, даже если связь существует. Элл без конца нажимал на кнопку. Они оба уставились на приемник, боясь перевести дыхание.

– Подлецы, мерзавцы, они не отвечают, – прошептал Элл.

Вдруг приемник ожил, и холодный голос полковника Стэгема наполнил рубку корабля:

– Условия испытаний вам известны. Причина для досрочного окончания испытаний должна быть весьма основательной. Итак?

Элл схватил микрофон и обрушил на полковника поток слов – жалобных и злых одновременно. Тони сразу понял, что все бесполезно. Он знал, как Стэгем реагирует на жалобы. Динамик прервал Эллу:

– Достаточно. Ваши объяснения не могут оправдать изменения предварительного плана. Все должны рассчитывать только на себя. Действуйте так и впредь. Я отключаюсь окончательно. До завершения испытаний вам не имеет смысла вступать со мной в радиосвязь.

Щелчок в репродукторе прозвучал как смертный приговор.

Элл рухнул на койку ошеломленный, по его щекам катились слезы гнева. Элл рывком вырвал микрофон из гнезда, швырнул его в динамик.

– Ну, полковник, дайте срок, кончится испытание – мои пальцы узнают, крепка ли ваша шея! – Он повернулся к Тони. – Передай-ка мне ящик аптечки. Я докажу этому идиоту, что после этих чертовых испытаний ему больше не удастся разыгрывать из себя героя.

В аптечке нашлись четыре ампулы с морфием. Одну из них он схватил, отбил головку, заправил в шприц и ввел себе в руку. Тони и не пытался удержать его, он был с ним полностью солидарен. Через две минуты Элл уже лежал на столе и храпел. Тони поднял напарника и перенес на его койку.

Элл проспал почти двадцать часов; когда он проснулся, безумие и усталость разжали тиски, сжимавшие его. Оба не проронили ни слова о происшедшем. Элл подсчитал, сколько дней еще впереди, и тщательно разделил оставшийся морфий на дозы. Он принимал лишь третью часть нормальной дозы, но этого оказалось достаточно.

До старта осталось четыре дня, когда Тони обнаружил в песках первые признаки жизни. Существо величиной с кошку ползло по обшивке корабля. Он позвал Эллу.

– Здорово! – сказал тот, наклонившись над неведомым созданием. – Но все же куда ему до того, которого они подсунули мне во время второй тренировки. Тогда я нашел какую-то змееподобную штуку, она выделяла что-то вроде клея. Хоть это и запрещено правилами, я разобрал ее – я чертовски любопытен. Здорово они ее сделали: шестеренки, пружины, моторчик и тому подобное, стэгемские техники не лыком шиты. А потом мне объявили выговор. За то, что ее разобрал. Может, оставим все как есть?

Тони совсем уж было согласился, но все-таки решил попробовать.

– А может, это как раз входит в правила игры? Давай посмотрим, что внутри. Я послезу за этой штуковиной, а ты принеси пустую коробку.

Элл, ворча, полез в корабль. Внешняя дверь хлопнула, и испуганное существо поползло в сторону Тони. Он вздрогнул и отошел. Потом сообразил, что перед ним всего-навсего робот.

– Да, фантазии этих техников можно только позавидовать, – пробормотал он.

Существо проشمгнуло мимо Тони. Чтобы удержать его, Тони наступил на несколько ножек: из маленького тела росли тысячи крохотных ножек. Волнообразно шевелясь, они переносили существо по песку. Сапоги Тони расплющили ножки, несколько штук оторвалось.

Осторожно наклонившись, он поднял один из оторванных суставов. Он был твердым, с шипами внизу. Из места обрыва струилась жидкость, напоминавшая молоко.

– Реальность, – сказал он самому себе. – Да, в реальности техники Стэгема знают толк!

И тут ему закралась в голову мысль. Невозможная до жути мысль, заставившая его похолодеть от ужаса. Мысли бешено завертелись у него в голове, но он знал, что это невозможно, потому что не лезет ни в какие ворота. Однако он обязан убедиться в этом, пусть даже механическая игрушка будет уничтожена.

Осторожно придерживая зверька ногой, он достал из кармана острый нож, нагнулся. Коротко, резко ударил.

– Что ты там копаешься, черт возьми? – спросил подошедший Элл.

Тони не мог ни пошевелиться, ни выговорить хоть слово. Элл обошел вокруг него и устоялся на лежащее в песке существо. Секунду спустя он все понял и закричал:

– Оно живое! Из него течет кровь, никаких колесиков в нем нет. Оно не может быть живым, а если оно живое, значит мы вовсе не на Земле! Мы на Марсе!

Элл бросился бежать, потом упал с истошным криком. Тони решал и действовал молниеносно. Он знал, что все поставлено на карту. Малейшая ошибка может стоить жизни. В припадке безумия Элл погубит и себя, и его.

Стукнув Элла по кулаку, Тони размахнулся и изо всей силы ударил его прямо в солнечное сплетение. От удара заболела рука, а Элл медленно повалился на землю. Тони схватил его под мышки и поволок на корабль. Лишь когда он стянул с Элла скафандр и уложил напарника на койку, Элл начал медленно приходить в себя. Тони никак не удавалось одной рукой держать Элла, а другой пустить в ход анабиозатор. Вот он изловчился, зажал ногу Элла, но, прежде чем игла вонзилась в живую плоть, обезумевший Элл успел трижды ударить его. Наконец Элл со вздохом упал навзничь, а Тони, пошатываясь, присел у его ног. Ручным анабиозатором можно было пользоваться в экстренных случаях, чтобы уберечь больного, пока им не займутся врачи на базе. И аппарат оправдал себя.

Но тут отчаяние охватило Тони.

Если зверек настоящий – значит они на Марсе.

Это вовсе не тренировочный – это настоящий полет. Небо над головой вовсе не нарисовано, это подлинное небо Марса. Тони был одинок, как еще никто до него. На миллионы километров вокруг ни души...

Закрывая наружную дверь, он завыл от страха, дико, пронзительно, как потерявшийся зверь. У него хватило самообладания лишь на то, чтобы доплестись до койки и привести в движение руку анабиозатора. Шприц из отличной стали легко прошел через материал скафандра. Тони едва успел отвести руку со шприцем в сторону, как провалился во мрак...

С трудом поднял веки. Он опасался, что вновь увидит над головой переборку корабля со сварочными швами. Но увидел белоснежный потолок лазарета и облегченно вздохнул. Повернув голову в сторону, встретился глазами с полковником Стэгемом, сидевшим на его кровати.

– Ну как, удалось? – спросил Тони. Он не спрашивал, а скорее утверждал.

– Удалось, Тони. Обоим. Элл лежит рядом с тобой...

В голосе полковника звучали какие-то новые нотки, но Тони не сразу распознал их. Просто впервые полковник говорил с ним без озлобления:

– Первый полет на Марс. Можете себе представить, чего только не напишут газеты. Но важнее то, что говорят ученые. Анализы и ваши записи – просто клад. Когда вы установили, что вы не на тренировке?

– На двадцать четвертый день, когда увидели марсианского зверька. Ну и маху же мы дали! И как только не заметили раньше? – В голосе Тони звучала досада.

– Вот еще! Все испытания к тому и сводились, чтобы в подобной ситуации вы ничего не заметили. Мы не были уверены, можно ли послать в космос космонавтов, не сообщая им правды. Но такое допущение делали. Психологи были убеждены, что удаленность от Земли и растерянность сделают свое черное дело. А я все не соглашался с ними.

– Но ведь они оказались правы, – выдавил из себя Тони.

– Теперь-то мы это знаем, но в свое время я никак не мог с ними согласиться. Психологи одержали верх, и мы составили обширную программу полета в соответствии с их данными. Я, правда, сомневаюсь, что вы это оцените, но нам пришлось приложить массу усилий, чтобы убедить вас, будто вы все еще на тренировке.

– Извините, что мы доставили вам столько неприятностей, – сказал Элл.

Полковник слегка покраснел – он ощутил горечь в словах космонавта. Но продолжал говорить, словно ничего не слышал:

– Оба разговора, которые я якобы вел с вами, были, разумеется, записаны на пленку и прокручены прямо в космическом корабле. Психологи составили текст, который подошел бы к любой ситуации. Второй разговор предназначался для того, чтобы рассеять сомнения, если они возникнут, и окончательно придать ситуации ореол правдоподобия. Затем мы подготовили все для глубокого анабиоза, который на девяносто девять процентов приостанавливает деятельность организма; ни о чем подобном раньше не сообщалось. Да еще на порезанную щеку Тони нанесли антикоагулянты – все это, чтоб вы не поняли, сколько времени провели в полете.

– А корабль? – спросил Элл. – Мы же видели его – он был готов лишь наполовину!

– Муляж, – ответил полковник. – Для публики и иностранных разведок. Настоящий корабль построен и испытан несколько месяцев назад. Самым трудным было подобрать экипаж корабля. То, что я рассказывал вам о провалах остальных кандидатов, чистая правда. Лучшими оказались вы оба. Но больше мы никогда не прибегнем к таким методам. Психологи утверждают, что следующим экипажам будет гораздо легче: у них то психологическое преимущество, что перед ними в космосе уже были люди. Абсолютной неизвестности больше нет. – Полковник на мгновение прикусил губу, а потом выдавил из себя слова, которые вертелись у него на языке: – Я хотел бы, чтобы вы поняли... оба... что мне было бы легче лететь самому, чем вот так посылать вас. Я знаю, что у вас на душе... Как будто мы позволили себе...

– ... межпланетную шуточку, – закончил за него Тони. Прозвучало это очень мрачно.

– Да, что-то вроде этого, – с жаром защищался полковник. – Догадываюсь, что эта шуточка низкого пошиба. Но разве вы не понимаете, что мы не могли иначе, что вы были единственными, на кого мы могли положиться, все остальные не выдержали. Остались вы двое, и мы обязаны были избрать самый надежный путь. Только я и еще трое людей знают, что произошло. И никто никогда не узнает, могу вам гарантировать!

Голос Элла прозвучал негромко, но он, словно ножом, пронзил тишину:

– Будьте уверены, полковник, уж мы-то никому об этом не расскажем.

Полковник Стэгем вышел из комнаты, низко опустив голову, не в силах взглянуть в глаза первым исследователям Марса.

## Рука закона

*Перевод Г. Корчагина*

Огромный, похожий на гроб фанерный ящик вместе с содержимым, пожалуй, весил добрую тонну. Доставивший груз крепыш просто выгрузил его из кузова у дверей полицейского участка и без единого слова двинулся к кабине. Я оторвался от рутинной писанины и крикнул вслед водителю:

– Эй, какого черта?! Ты что привез?

– Почему я знаю? – отозвался он, забираясь в машину. – Мое дело – доставка, рентгеном вещи не просвечиваю. Все, что мне известно, – груз с Земли, прибыл с утренней ракетой.

Он от души дал по газам и умчался, оставив за собой тучу рыжей пыли.

– Вот же клоуны, – проворчал я под нос. – Проходу на Марсе нет от затейников.

Я вышел наружу, и сразу на зубах закрипела пыль. На шум из своего кабинета выскочил шеф Крэйг, и теперь я стоял и разглядывал ящик не в одиночестве.

– Думаешь, взрывное устройство? – поинтересовался он скучающим тоном.

– Такой величины? Да и кому нужно нас взрывать? И везти взрывчатку аж с Земли?

Он кивнул, согласившись с моими доводами, прошелся вокруг ящика и нигде не обнаружил адрес отправителя. Пришлось отыскать в нашем хозяйстве ломик, и я взялся снимать крышку. Мне это удалось, хоть и пришлось повозиться.

Вот тогда-то мы и увидели Неда в первый раз – и были бы несказанно счастливы, если бы он оказался и последним. Как же мы потом раскаивались, что не вернули крышку тотчас на место и не отправили посылку назад, на Землю! Теперь-то я хорошо понимаю, что означает выражение «ящик Пандоры».

Вместо этого мы стояли и тарацились, как последние олухи. А Нед лежал не шевелясь и смотрел на нас.

– Робот! – смекнуло начальство.

– Очень тонко подмечено – сразу видно выпускника полицейской академии.

– Ха-ха-ха! Теперь твой ход: выясни, для чего он здесь.

Я в академии не учился, но это не помешало мне найти конверт. Он торчал из толстой книги, которая лежала в одном из отсеков ящика. Крэйг без малейшего энтузиазма ознакомился с сопроводительным письмом.

– Так-так... Компания «Юнайтед роботикс» провела мозговой штурм и пришла к выводу, что роботы, будучи использованы надлежащим образом, окажут неоценимую помощь полиции... Нас просят принять участие в полевых испытаниях... «Предлагаемый нами робот – новейшая экспериментальная модель стоимостью сто двадцать тысяч кредитов».

Мы дружно заглянули в ящик и пожалели, что там лежат не эти сумасшедшие деньги, а всего лишь механизм. Крэйг помрачнел и зашевелил губами, молча дочитывая письмо. Я тем временем ломал голову, как мы достанем робота из его фанерного гроба. Экспериментальная железяка, судя по всему, весила немало. Окраска цвета морской волны имитировала полицейский мундир, выходные панели, крепления для экипировки и тому подобная фурнитура была позолоченной. Кроме шуток, машина здорово смахивала на копа при исполнении служебных обязанностей. Похоже, ее изобретатели недаром ели свой хлеб. Роботу не хватало только значка и пистолета.

Тут я заметил в его глазных линзах слабое сияние. Мне и в голову не приходило, что штукавина могла прибыть к нам уже включенной.

Пожалуй, мы ничего не потеряем, если проведем небольшой эксперимент.

– Вылезай из ящика, – велел я.

Робот вылетел со скоростью ракеты и, совершив точный маневр, приземлился в двух футах передо мной. Лихо козырнув, он доложил:

– Полицейский экспериментальный робот, серийный номер Икс-пэ-о четыреста пятьдесят шесть девятьсот тридцать четыре би, приступает к исполнению служебных обязанностей, сэр.

От рвения у него аж дрожал голос, и я вроде бы слышал гул напряженных стальных мышц. Пусть шкура робота из нержавеющей стали и вместо мозгов пучок проводов, но докладывает он в точности как новоиспеченный полицейский. И наличие человеческого роста, двух рук, двух ног и мундира из краски только прибавляет сходства. Чуть прищурь глаза, и перед тобой живой коп-салажонк, полный энтузиазма вчерашний курсант. Пришлось даже головой потрясти, чтобы избавиться от иллюзии. Это всего лишь шесть футов железа, механический болван, которого яйцеголовые ребята изобрели забавы ради.

– Расслабься, Нед, – велел я.

А он знай стоит столбом, отдавая честь.

– Полегче, парень, не торопись нажить грыжу выхлопной трубы. Между прочим, я всего лишь сержант, а здесь присутствует сам шеф полиции.

Нед четко повернулся и скользнул к Крэйгу все с той же быстротой хорошо смазанной молнии. Шеф тарачился на робота, как на чертика, выскочившего из-под капота машины. Нисколько не тушуясь, Нед повторил доклад.

– Интересно, он только козырять и рапортовать умеет или еще что-нибудь? – проговорил Крэйг, обходя вокруг робота с любопытством собаки, изучающей пожарный гидрант.

– Разрешенные экспериментальным полицейским роботам служебные функции, оперативные мероприятия и линии поведения изложены в «Руководстве по эксплуатации», страницы со сто восемьдесят четвертой по двести тринадцатую. – Голос на секунду-другую стал невнятным – Нед наполовину залез в свой ящик и вернулся с упомянутой книжицей. – Подробное описание возможных отклонений от санкционированной деятельности вы найдете здесь же, страницы от тысяча тридцать пятой до тысяча двести шестьдесят седьмой включительно.

Шеф, которому редко удавалось полстраницы в журнале комиксов прочесть за один присест, вертел в руках шестидюймовой толщины том с таким видом, словно хотел растерзать его зубами в клочья. Оценив вес «Руководства» и прочность переплета, он бросил книгу на мой стол.

– Разберись с этим, – велел Крэйг и направился в свой кабинет. – И с роботом тоже. Найди ему какое-нибудь применение.

Мой начальник никогда не отличался умением надолго сосредоточиваться на службе, и сейчас ресурс его трудолюбия был уже вычерпан без остатка.

Не зная, с чего и начать, я рассеянно листал страницы. В жизни так мало имел дела с роботами, что разбирался в них как свинья в апельсинах, а то и похуже. «Руководство» изобиловало сложными математическими формулами, монтажными схемами, девятицветными технологическими картами и тому подобным. Сколько же времени нужно, чтобы вникнуть во все эти премудрости? Пожалуй, я пока не готов браться за такую работу.

Закрыв и бросив книгу на стол, я вперил суровый взгляд в нового жителя города Найнпорта.

– Метла за дверью. Как ею пользоваться, знаешь?

– Так точно, сэр.

– А раз знаешь, подмети в этом помещении, и старайся поменьше пылить.

Он со всем усердием приступил к выполнению поставленной задачи. А я наблюдал, как механическое изделие ценой сто двадцать тысяч кредитов сооружает аккуратную горку из пыли и окурков, и недоумевал, почему робота прислали именно к нам, в Найнпорт. Неужели потому, что во всей Солнечной системе мы самое малочисленное и малозначительное подраз-

деление полиции? Инженеры небось искали для полевых испытаний своего детища участок в захолустье. Если так, то они угодили в яблочко. Найнпорт – стопроцентная медвежья дыра.

Кстати, мое присутствие здесь объясняется именно этим фактом. Для иллюзии надлежащей работы участка в нем должен служить хотя бы один настоящий коп, так рассудило высокое начальство. Максимум, на что способен шеф полиции Алонсо Крэйг, – это взять на лапу, не рассыпав деньги.

Еще у нас двое патрульных, один стар и почти всегда пьян, другой так молод, что еще прыщи не сошли с физиономии.

Я же десять лет прослужил на Земле, в полиции метрополии. Почему не остался там – это никого не касается. За все ошибки прошлого я плачу своим настоящим – здесь, на Марсе.

Найнпорт на самом деле не город, а всего лишь остановка. В нем ненадолго задерживаются пассажиры космических рейсов. Конечно, тут есть и постоянные жители, совсем немного, – должен же кто-то обслуживать приезжих. Гостиничная обслуга, персонал казино, борделей и кабаков – такого рода публика. В космопорту садятся только грузовые корабли, забирают металл, который еще добывается на оставшихся рудниках. Наведываются сюда за припасами поселенцы. Так и подмывает сравнить Найнпорт с пассажиром, опоздавшим на свой рейс. Лет через сто трудно будет сказать, существовал ли он вообще, – так мало останется торчать из песка.

Я-то уж точно столько не проживу, поэтому судьба этого города мне безразлична.

Ладно, пора возвращаться к рутине. Пять алкашей в камере, стандартный вечерний улов. Пока я их оформлял, Толстяк притащил из космопорта шестого.

– Заперся в женском туалете, оказал сопротивление полиции, – доложил патрульный.

– Ясно, дебош в нетрезвом состоянии. Тащи нарушителя к остальным.

Полубесчувственное тело поплелось в направлении камеры; конвоир плелся рядом, будто нарочно копируя движения своей жертвы. Меня всегда поражало умение Толстяка управляться с пьяными – сам-то он при этом не бывал трезвее ни на йоту. Я ни разу не видел его упившимся до потери сознания – как, впрочем, и совершенно трезвым. И залитые зенки всегда оставались зоркими: в какую бы щель ни заполз алкаш, непременно разыщут. Должно быть, к одним и тем же убежищам и нарушителей порядка, и их ловца приводили одни и те же инстинкты.

За шестым задержанным лягнула железная дверь, и Толстяк заковылял обратно.

– Это еще что за диво? – углядели Неда мутные глаза, сидящие над пунцовым носом.

– Робот. Не помню, какой номер дала ему мамаша на фабрике, так что будем звать его Недом. Теперь он служит с нами.

– Вот и славно! Когда выгоним из камеры босяков, Нед там приберется.

– Это моя обязанность, – заявил вошедший в переднюю дверь Билли.

Он сжимал дубинку и улыбался; глаза из-под козырька фуражки глядели хмуро. Не сказать что он был совсем дурак, просто сила у таких парней не в мозгах, а в мышцах. Но и от мышц в нашем деле бывает польза.

– С этого дня уборка – на Неде, а ты идешь на повышение. Будешь мне помогать кое в чем.

Мое объяснение успокоило молодца, и он уселся рядом с Толстяком – смотреть, как прибирается Нед.

Так продолжалось примерно неделю. Робот подметал и протирал, участок все больше смахивал на стерильную больницу, мы не могли налюбоваться. Шеф, вконец запустивший бумажную работу, догадался поручить ее Неде, и тот беспрекословно взялся сортировать и подшивать накопившиеся тонны донесений, отчетов и прочих документов. Без дела роботу сидеть не приходилось, и вскоре мы так привыкли к его возне, что почти не замечали ее. Свой фанерный гроб он перетащил в кладовку, устроил там себе уютную спальню. Поручения Нед выполнял исправно, а все остальное нас не заботило. «Руководство» так и лежало забытым на моем столе. Если бы я удосужился его почитать, наверное, наступившие вскоре перемены не

стали бы для меня таким огромным сюрпризом. Мы ведь не имели ни малейшего представления о том, что может и чего не может этот робот. Нед прекрасно сочетал должности больничного санитаря и конторского клерка, и в этом качестве вполне нас устраивал. Так бы и продолжалось, не будь наш шеф слишком ленив.

Было примерно девять вечера, начальник уже собирался ехать домой, как вдруг зазвонил телефон. Крэйг снял трубку, послушал, положил.

– Винный магазин Гринберга. Опять налет. Старик просит немедленно приехать.

– Что-то новенькое. Обычно о налете мы узнаем только через месяц. Спрашивается, за что Гринберг платит Китайцу Джо, если тот не обеспечивает защиту? Почему сейчас такая спешка?

Шеф задумчиво пожевал вислую губу и очень неохотно принял решение:

– Сгоняй, выясни, что там стряслось.

– Это можно. – Я потянулся за фуражкой. – А ты подежуришь тут до моего возвращения, больше ж некому.

– Нет, так не годится, – заныл он. – Я есть хочу, аж помираю, долго не выдержу.

– Я отправлюсь по вызову и произведу дознание. – К нам строевым шагом приблизился Нед, отлично смазанная конечность эффектно отдала честь.

Поначалу Крэйгу эта идея не понравилась, с таким же успехом ему мог бы предложить свои услуги оживший кулер для воды.

– И как же ты собираешься производить дознание? – проворчал он, осаживая невесть что возомнивший о себе кулер.

Но напрасно шеф облек иронию в форму вопроса. Нед без единой запинки оттарабанил регламент следственно-дознательных действий, осуществляемых сотрудником полиции на месте кражи или вооруженного ограбления. По стеклянному блеску вытаращенных глаз я легко догадался, что Нед переступил узкие границы начальственных познаний.

– Хватит! – рявкнул наконец раздосадованный шеф. – Раз уж ты у нас такой грамотный, почему еще не на вызове?

Сразу вспомнилось, как в школе мы подначивали всезнаек: «Если ты такой умный, почему такой бедный?» Нед подобные вещи воспринимал буквально. Он встал по стойке смирно.

– Прошу подтвердить: мне поручено отправиться на место ограбления, произвести дознание и составить отчет?

– Ну да, – брякнул шеф только для того, чтобы отделаться от робота, и синий силуэт исчез в дверях.

– А он, похоже, смысленей, чем выглядит, – сказал я. – Даже не спросил, где находится винный магазин Гринберга.

Начальник кивнул, и снова зазвонил телефон. Крэйг инстинктивно поднял трубку – он так и не успел снять с нее ладонь. Послушал несколько секунд и побледнел так, будто из него выкачали кровь через пятки.

– Налет продолжается, – пролепетал наконец Крэйг. – Это приказчик Гринберга звонит, спрашивает, где же наряд. Он прячется в чулане под столом...

До конца я не дослушал, потому что пулей вылетел из участка и запрыгнул в машину.

Бог знает что могло бы произойти, окажись там Нед раньше меня. Стрельба, гибель людей – все, что угодно. А отвечать пришлось бы нам с Крэйгом. Это кто ж до такого додумался – вместо наряда полиции отправить жестяного робота? Пускай задачу Неду ставил шеф, угроза моему благополучию читалась так же ясно, как если бы ее написали на лобовом стекле.

На Марсе не жарко, и это еще мягко сказано. Тем не менее я обливался потом.

В Найнпорте четырнадцать правил дорожного движения, и я нарушил их все, проехав один-единственный квартал. Но как я ни спешил, Нед оказался на месте раньше. Повернув за угол, я увидел, как он входит в магазин Гринберга.

Моя машина остановилась с визгом тормозов. Я вбежал следом за роботом, но для меня осталось лишь место на галерке – впрочем, не защищенной от пуль.

Бандитов было двое, один хлопотал над прилавком, точно продавец, другой маячил слева. Оружие они прятали, но стоило синей фигуре Неда вломиться в магазин, у них не выдержали нервы. Вскинулись стволы, словно дернул за ниточки невидимый кукловод, и Нед застыл как вкопанный. Я тоже схватился за пистолет. Вот сейчас через окно ко мне вылетят куски полицейского робота...

Однако тот обладал великолепной реакцией. Так ведь на то и робот!

– БРОСАЙТЕ ОРУЖИЕ! ВЫ АРЕСТОВАНЫ!

Должно быть, он врубил динамики на полную мощность, – у меня едва не лопнули барабанные перепонки.

Результат оказался вполне предсказуем – громилы сразу открыли огонь. Со звоном разлетелось окно магазина, и я поспешил залечь. По звуку удалось определить, что у налетчиков гранатометы пятидесятого калибра. Под такой снаряд лучше не попадать: если пуля пробьет вас насквозь, то он разорвет в клочья.

Но Неда, похоже, это обстоятельство несколько не обескураживало. Он лишь на миг задержался, чтобы защитить глаза, – из узкой прорези выскользнул и опустился тонкий щиток. А уже в следующую секунду робот устремился в атаку.

Все-таки я недооценивал его скорость. Дважды в него попали, пока он пересекал помещение, но снова прицелиться одному из бандитов не удалось, – молниеносный залом руки, и оружие выхвачено из ослабевших пальцев. Такими же отточенными движениями Нед поместил гранатомет в отсек, из которого выхватил наручники, чтобы защелкнуть их на запястьях преступника.

Второй злодей устремился к выходу, где я подготовил ему теплую встречу. Но обошлось без моего участия – громила и полпути не одолел, как вдруг перед ним вырос Нед. Удар со всей силы... Робот даже не пошатнулся; налетчик вытаращился на него, не веря глазам. Не успев опомниться, бандит оказался на полу возле напарника, тоже с наручниками.

Я вошел, забрал у Неда трофейное оружие и оформил арест как полагается. Только это и увидел Гринберг, который выполз из-под прилавка, но в качестве свидетеля он тем не менее вполне годился. Пол магазина был сплошь покрыт битым стеклом, а пахло как в бутылке «Джека Дэниелса». Старик завыл по-волчьи над своим пропавшим добром.

О телефонном звонке он ничего не знал, но тут со склада притаился прыщавый юнец, и я устроил ему допрос с пристрастием. Как выяснилось, к нам парень обратился чисто по наивности. У Гринберга он проработал без году неделя, и ему не хватило ума сообразить, что при налете надо звонить не в полицию, а ребятам, взявшимся обеспечить охрану. Я велел старику провести с мальчишкой воспитательную работу – пусть знает, что без его самостоятельности магазин не подвергся бы разгрому. Потом вытолкал наружу незадачливых грабителей и запихал их в машину. Робот расположился с ними позади, и всю дорогу они сидели плотной кучкой, как беспризорники в грозу. На угрозы и требования Нед не реагировал, зато вынул из бедра аптечку и перевязал бандиту дырку, проделанную отрикошетившим осколком и в суматохе никем не замеченную.

Мы вернулись в участок; шеф так и сидел, бледный точно полотно. Побелеть еще сильнее было попросту невозможно, но при нашем появлении Крэйгу это удалось.

– Ты их арестовал! – произнес он упавшим голосом.

Не успел я доложить о случившемся, как у начальника возникла еще более страшная догадка.

– Вы из банды Китайца Джо? – произнес он, схватив за рубашку и подтянув к себе ближайшего налетчика.

Тот решил отмолчаться и сразу поплатился за эту ошибку – получил от Крэйга такую оплеуху, что искры из глаз посыпались. Когда же вопрос был повторен, задержанный дал утешительный ответ:

– Не знаю я никаких китайцев. Мы первый день в городе, решили...

– Гастролеры пожаловали. – Шеф перевел дух и расслабленно откинулся в кресле. – А ну-ка, запри их и расскажи в двух словах, что стряслось.

Я лязгнул дверью камеры и указал на Неда слегка дрожащей рукой:

– Вот он, герой. Обезоружил их и заломал голыми руками. Не робот, а сущий ураган на службе добру в нашем не больно-то добром обществе. Вдобавок пуленепробиваемый.

И провел пальцем по широкой груди Неда. В местах попаданий слетела краска, но на металле не осталось даже царапин.

– Похоже, у меня проблемы, – простонал Крэйг. – Да еще какие.

Я знал, что он имеет в виду банду, подрядившуюся охранять лавку Гринберга. Банде не нравится, когда арестовывают налетчиков, да еще со стрельбой. Но Нед обеспокоенность начальства расценил совсем иначе и поспешил предложить свою помощь:

– Никаких проблем нет. Мною не нарушен ни один закон роботехники – отвечающие за их соблюдение контуры действуют совершенно автоматически. Когда человек поднимает оружие с целью насилия, он тем самым нарушает законы, предназначенные как для роботов, так и для людей. Я не причинил травм задержанным, всего лишь обезвредил их.

Все это явно не уместилось в начальничьих мозгах, но я, кажется, понимал, о чем говорит Нед. И даже поинтересовался, как робот – машина – может разбираться в насильственных действиях и применении законов. У того был готов ответ:

– Эти функции были делегированы роботам много лет назад. Разве авторадар не следит за соблюдением правил дорожного движения? Робот-алкотестер лучше оценит трезвость нарушителя, чем задерживающий его инспектор полиции. Было время, когда роботам доверяли самостоятельно выносить решения насчет лишения жизни. Пока не вступили в действие законы роботехники, широко использовались компьютеризованные прицелы. Последняя ступень их эволюции – полностью автономная батарея крупнокалиберных зенитных орудий. Автоматический радар обнаруживал все летательные аппараты в ее зоне поражения, и если какой-нибудь самолет не отвечал правильным идентифицирующим сигналом на запрос, компьютер просчитывал его курс, автомат заряжания подавал снаряд в ствол, робот производил выстрел.

Надо отдать должное Неду, аргументы он приводил железные. Единственное, что малость раздражало, – это профессорский тон. Я решил пойти с главного козыря:

– Но робот не может заменить полицейского. У нас сложная работа, выполнять ее могут только люди.

– Вы, безусловно, правы, но полицейский робот нужен вовсе не для того, чтобы заменить на этой службе человека. Я ведь, в сущности, выполняю задачи многочисленных предметов полицейского снаряжения, объединяю их функции и гарантирую быстрое применение. Также могу быть полезен в чисто механических процедурах обеспечения правопорядка. Арестовывая преступника, вы на него надеваете наручники. Если эту задачу поручить мне, она будет исполнена без малейших моральных колебаний. В этом случае я всего лишь машина для надевания наручников...

Я поднял руку, останавливая поток аргументов. Нед под завязку набит фактами и цифрами, ввяжешься в дискуссию с таким умником – сам не будешь рад. Задержание он произвел по всем правилам, тут комар носу не подточит. Но есть и другие законы, помимо тех, что собраны в книгах.

– Китайцу Джо это наверняка не понравится, – пробормотал Крэйг, вторя моим мыслям.

Закон клыка и когтя. Его нет в юридических сводах, зато он есть в Найнпорте. Город достаточно велик, чтобы в нем наплодилась уйма игорных заведений, домов терпимости и низкопробных кабаков. И всем этим хозяйством заправляет Китаец Джо. А заодно помыкает и нашим участком. Мы, блюстители порядка, у него в кармане, и не будет преувеличением сказать, что жалованье нам платит мафия.

Но не станешь же такое объяснять роботу.

– Да, Китайцу Джо это не понравится.

Сначала я решил, что слышу эхо, затем понял, что голос раздался в дверях за моей спиной. Кто-то позвонил Алексу, правой руке Китайца Джо, и он наведаясь к нам – шесть футов мышц, костей и неприятностей. Глядя на шефа, он изобразил улыбку, от которой тот глубоко вжался в кресло.

– Китаец Джо хочет получить ответ на вопрос, почему наши резвые легавые носятся по городу, хватают людей и позволяют им стрелять по бутылочкам. Ему не нравится, когда уничтожают дорогое пойло. Он говорит, что наслушался вашего трепа и теперь вам придется...

– Я, робот, подвергаю вас аресту согласно девятнадцатому параграфу сорок шестой статьи пересмотренного уложения о...

Мы даже не успели заметить, как Нед перешел от слов к делу. Прямо у нас на глазах он арестовал Алекса и подписал наш смертный приговор.

Алекс был шустрый малый. Пока оборачивался взглянуть, кто его сцапал, он успел выхватить пушку. Да еще и пальнул разок, точно в грудь Неду. А потом робот изъял у него оружие и надел наручники. Мы с Крейгом смотрели разинув рот, а Нед оглашал причину задержания, и клянусь, в его голосе звучала удовлетворенная нотка:

– Арестованный Питер Ракъёмский, кличка Алекс Топор, объявлен полицейским управлением Канал-Сити в розыск за вооруженное ограбление и попытку убийства. Также разыскивается полицией Детройта, Нью-Йорка и Манчестера за...

– Отцепите от меня эту штуку! – взвыл Алекс.

Мы бы так и сделали, и на том инцидент был бы исчерпан, если бы Бенни Жук не услышал выстрел. Он просунул в дверь голову, и увиденного хватил, чтобы глаза вылезли из орбит.

– Алекс!.. Алекса замели!

Он метнулся прочь. Я выскочил следом, но его уже и след простыл. Ребята Китайца Джо всегда ходят парами. И через десять минут босс будет знать о случившемся.

– Оформляй задержание, – сказал я Неду. – Мы ничего не выиграем, если отпустим Алекса. Конец света, считай, уже наступил.

Тут вошел Толстяк, что-то бубня под нос. Увидев меня, ткнул большим пальцем назад, в сторону выхода.

– Что стряслось? Малыш Бенни Жук драпанул на своей тачке как черт от ладана, не расшибся бы часом.

Тут Толстяк заметил Алекса с «браслетами» и протрезвел в одну секунду. Лишь самую малость постояв с отпавшей челюстью, он принял решение. Совершенно твердой поступью он подошел к Крейгу и бросил на стол значок.

– Мне много лет, и я злоупотребляю спиртным. Такие люди не годятся для службы в полиции. А потому подаю в отставку. Если парень, что в наручниках, тот, о ком я думаю, и если я немедленно не уберусь отсюда, то и на лишний день не состарюсь.

– Ах ты крыса! – в отчаянии процедил я сквозь зубы. – Бежишь с тонущего корабля! Самая настоящая крыса!

– Скули, скули, – бросил Толстяк и ушел.

Шеф впал в прострацию. Он и бровью не повел, когда я взял со стола значок. Не знаю, что мною двигало, возможно, я просто чувствовал, что так будет правильно. Кашу заварил Нед, и

я до того разозлился, что решил: пусть он же и расхлебывает. На грудной панели у него было два кольца, и я не удивился, когда застежка значка точно совпала с одним из них.

– Ну вот, теперь ты настоящий коп.

Мне бы следовало догадаться, что роботы невосприимчивы к сарказму. Нед принял мои слова за чистую монету.

– Это очень высокая честь – не для одного меня, а для всех роботов. Обещаю выполнять служебные обязанности надлежащим образом.

Ну прямо Джек Армстронг<sup>2</sup> в жестяной шкуре. Клянусь, у Неда в животе счастливо жужжали шестеренки, пока он оформлял задержание Алекса.

Я бы тоже порадовался за новоиспеченного блюстителя порядка, не будь наши дела так плохи.

В теле Неда снастей для полицейской работы хранилось больше, чем во всем Найнпорте. Из бедра выскочила дактилоскопическая подушечка, робот ловко провел по ней пальцами Алекса и поставил отпечатки на карточку. Потом он держал арестанта на расстоянии вытянутой руки, а у самого в груди что-то щелкало. Нед повертел Алекса перед собой так и этак, и из прорези в корпусе выпало два моментальных снимка. Их робот прикрепил к карточке, куда затем вписал обстоятельства задержания. Я мог бы еще долго любоваться на его работу и дивиться техническим новинкам, но заставил себя отойти. Надо было заняться более важными делами. В первую очередь решить вопрос выживания.

– Шеф, какие предложения?

Услышав протяжный стон, я понял, что другого ответа не будет.

Вскоре пришел Билли, я быстренько ознакомил его с ситуацией, и он решил остаться. Уж не знаю, глупость повлияла на его решение или смелость, но я был горд за парня и рад тому, что наши силы больше не тают. Нед запер последнего задержанного и взялся за приборку.

Обстановка снова сделалась будничной, и так продолжалось, пока не явился Китаец Джо. И хотя мы его ждали, все равно оказались застигнуты врасплох. Он прибыл со свитой из отборных громил, и те столпились в дверях – ни дать ни взять перекормленная бейсбольная команда. Впереди стоял главарь в халате китайского мандарина, руки прятались в длинных рукавах. На азиатском лице не читалось никаких эмоций. Он не собирался тратить время на разговоры с нами. Сразу отдал команду своим подручным:

– Приберитесь тут. Скоро прибудет новый шеф, и я не хочу, чтобы ему мозолили глаза безработные ханыги.

Меня эти слова здорово разозлили. Я хоть и беру взятки, но все-таки считаю себя полицейским, а не дешевой бандитской шестеркой. Личность Китайца Джо интересовала меня давно. Попытки что-нибудь разузнать о его прошлом результатов не дали, однако мой интерес с тех пор не пропал.

– Нед, присмотрись-ка к этому китайцу в банном халате из искусственного шелка и скажи, кто он такой.

– Это псевдоазиат, природная желтоватость его кожи усилена введением пигмента. Он не китаец. Глаза были сужены хирургическим путем – на лице заметны шрамы. Несомненно, он пошел на пластическую операцию с целью сокрытия своей настоящей личности. Бертильоновский анализ формы ушей и других черт лица позволяет произвести опознание. Этот человек находится в списке самых опасных преступников, разыскиваемых Интерполом. Его настоящее имя...

Китаец Джо вышел из себя, и понять его было можно.

– Что это за штуковина? Болтливый жестяной радиоприемник? Мы слышали о нем, и он нам здесь не нужен!

---

<sup>2</sup> Герой популярного радиосериала «Jack Armstrong, the All-American Boy» (1933–1951).

Банда частью прыгнула в стороны, частью залегла, и я увидел в дверном проеме опустившегося на колено парня с реактивным гранатометом на плече. Боеприпас, судя по его форме, был противотанковый. Это последнее, о чем я успел подумать. В следующий миг граната с шипением устремилась вперед.

Может, против танка такое оружие и эффективно, но не против робота. Во всяком случае, полицейскому роботу она оказалась ни о чем. Когда взрыв разносил стену в щебень, Нед уже скользил на животе к дверному проему. Второго выстрела не последовало. Металлическая ладонь обхватила базуку, и та стала не опаснее гнилой водопроводной трубы.

Тут Билли сообразил, что стрельба из гранатомета в полицейском участке противозаконна, и пустил в ход свою дубинку. Я держался рядом – разве можно пропустить такую потеху?! В суматохе потерял Неда из виду, но не боялся за него – этот парень нигде не пропадет.

Пару раз хлопнул пистолет с глушителем, раздался крик боли. Но больше никто не стрелял – в такой свалке запросто можно попасть в своего. Бандит по кличке Эдди Бруклин врезал мне по скуле рукояткой пистолета, а я кулаком размазал ему нос по всей физиономии. Остальное было как в тумане, хотя помню, бездельничать мне не пришлось. Когда же туман рассеялся, оказалось, что в помещении я единственный остался на ногах, и то лишь благодаря стенке, к которой привалился.

С улицы вошел Нед, сопровождая Эдди Бруклина в наручниках. На бандите не было живого места; хотелось верить, что это моих рук дело. Робот аккуратно уложил его на штабель головорезов. Я пригляделся и понял, что все они тоже в «браслетах». Интересно, Нед сам штампует наручники или у него в ноге большой запас?

В нескольких футах обнаружилось кресло. Я сел, и сразу полегчало.

Парочка бандитов не стонала, и я предположил, что они мертвы. Один точно покойник, ему пуля попала в грудь. Наверное, это его кровью залито все вокруг.

Нед порылся в куче задержанных и вытащил из нее Билли. Тот был без сознания, но рука сжимала обломок дубинки, а на физиономии застыла широкая улыбка. Как мало этому парню нужно для счастья. Он не шевелился, пока Нед разрывал на нем штанину и бинтовал простреленную ногу.

– Преступник, называющий себя Китайцем Джо, и его сообщник сбежали на автомобиле, – доложил Нед.

– Не расстраивайся, – прохрипел я. – Все равно ты здорово ведешь по очкам.

Только теперь я заметил, что шеф как сидел в кресле перед заварухой, так и сидит. Правда, немного поник и глаза у него стеклянные. На мой зов Алонсо Крэйг не откликнулся, и тут до меня дошло, что полиция города Найнпорта осталась без руководства.

Один-единственный выстрел. Малый калибр, скорее всего двадцать второй. Пуля вошла в сердце, вытекшая кровь впиталась в ткань мундира. Нетрудно догадаться, где прятался пистолетик, – в широком рукаве китайского халата.

Усталости и обморочной слабости как не бывало, их вытеснила злость. Может, это был не самый умный и не самый честный коп, но всяко он не заслуживал гибели от руки паршивого рэкетира, возомнившего, что ему стали поперек дороги.

Вот тогда-то я и сообразил, что пора принимать важное решение. Билли выбыл из строя по ранению, Толстяк дезертировал, Крэйг погиб, а значит, в полиции Найнпорта остался единственный человек. И мне, чтобы выбраться из этой переделки, достаточно выйти за дверь и удалиться на приличное расстояние от участка. Там я буду в относительной безопасности.

Рядом прожужжал шестеренками Нед – он тащил в камеру очередную пару бандитов.

Может, на меня подействовал успокаивающе вид этой синей фигуры, а может, просто надоело уступать. Я принял решение еще до того, как это осознал, и, аккуратно сняв с груди Крэйга позолоченный значок, прикрепил его к собственному мундиру.

– Новый шеф полиции Найнпорта, – произнес я, ни к кому не обращаясь.

– Так точно, сэр! – отчеканил оказавшийся рядом Нед.

Он опустил на пол арестанта, чтобы козырнуть, и тотчас вернулся к работе. Я отдал ему честь.

Приехала «скорая», увезла раненых и убитых. Я внешне не реагировал на вопросительные взгляды медиков, а на самом деле злорадствовал. Когда доктор починил мне скулу и накормил аспирином, в голове окончательно прояснилось. Нед вооружился половой тряпкой и приступил к влажной уборке.

Наконец мне удалось привести мысли в порядок, и стало ясно, что теперь следует предпринять. Даже слишком ясно. Я тянул время, как можно тщательнее перезаряжая пистолет. Потом сказал:

– Нед, пополни запас ручников. Мы выезжаем.

Как и полагается справному полицейскому, он не задавал вопросов начальству. Снаружи я запер дверь и вручил ему ключ.

– Держи. Очень может быть, что сегодня ты вернешься сюда один.

К логову Китайца Джо я вел машину самым длинным маршрутом. И все прикидывал, нет ли какого-нибудь иного выхода. Его не было. Совершенно убийство, и я должен привлечь преступника к ответу. Значит, так тому и быть.

И все, что я мог сделать перед неминуемой схваткой, – это остановить машину за углом и проинструктировать Неда.

– В этом здании кабак и бордель, они принадлежат тому, кого мы будем звать Китайцем Джо, пока у тебя не появится возможность провести надлежащее опознание. Я сыт по горло его выходками. Сейчас мы с тобой проникнем туда, разыщем Джо и передадим в руки правосудия. Все просто, как видишь.

– Но не проще ли, – возразил Нед скучным профессорским тоном, – арестовать правонарушителя прямо сейчас, когда он выходит из машины, и не дожидаться его возвращения?

Упомянутая машина выскочила из переулка на скорости шестьдесят миль в час. Пока она вихрем пронеслась мимо, я лишь успел оглянуться на Неда.

– Надо остановить! – Возглас, пожалуй, предназначался мне самому, поскольку я держал баранку, а Нед сидел сзади.

Попытка одновременно включить передачу и выжать газ привела к тому, что заглох двигатель.

Так что останавливать злодеев пришлось Неду. Мою фразу робот воспринял как приказ. Он высунул голову в окно, и я понял теперь, почему его арсенал находился по большей части в торсе. Возможно, там же прятался и мозг. Он бы просто не уместился в черепе, куда инженеры запахали безоткатное оружие семьдесят пятого калибра.

На том месте, где у человека нос, откинулась пластина, и высунулся толстый ствол. А ведь неплохая конструкторская идея – пушка аккуратно между глаз, для удобства прицеливания.

Грохот был такой, что мне едва не снесло голову. Легко быть превосходным стрелком, когда у тебя вместо мозга компьютер. Два выстрела, два пробитых задних колеса. Машина осела, повихляла и замерла посреди дороги. Нед мигом очутился рядом с ней; я за это время едва успел выбраться наружу. Злодеи больше не пытались бежать, при виде металлической головы с дымящимся дулом вместо носа они лишились остатков храбрости. Уверен, Нед специально не убрал пушку, – роботы всегда точно знают, что делают. Может, им в школе для роботов психологию преподают?

В машине сидели три бандита, и все они, как в последнем кадре вестерна, держали руки поднятыми. А в задней части салона лежала целая гора любопытных чемоданчиков.

Бандиты безропотно подчинились приказу выйти из машины. Китаец Джо только рычал, пока Нед докладывал мне, что настоящее имя этого человека Стэнтин, что в тюрьме города Элмайра, штат Нью-Йорк, ждут не дождутся его возвращения и держат в полной исправности

электрический стул. Я охотно пообещал Джо-Стэнтину сегодня же оформить экстрадицию. Так даже проще – местные власти не будут совать мне палки в колеса. А судьбу поделщиков Китайца решит суд Канал-Сити.

В общем, денек выдался не из легких. Зато потом наши дела пошли на лад. Из больницы выписался Билли и надел мои сержантские шевроны. Даже Толстяк вернулся, правда он теперь не пьет спиртного и боится смотреть мне в глаза. Работой мы не завалены – наш город нынче не только тихий, но и честный. По ночам Нед патрулирует на улицах, а днем возится в лаборатории или разбирается с бумагами. Полицейскому профсоюзу это может не понравиться, а Неду, похоже, все равно. Помятый в схватках корпус он отрихтовал, значок носит начищенным до блеска. Я в курсе, что роботы не умеют радоваться и грустить, но Нед выглядит счастливым. Готов поклясться, иногда я слышу, как он напевает за работой... Конечно, это всего лишь гул моторов и жужжание шестеренок.

А ведь если задуматься, произведя робота в полноценные офицеры полиции, мы тем самым создали прецедент. Подтвердить мое предположение могла бы выпустившая Неда фабрика, но ни один ее представитель пока не появлялся у нас в участке.

И вот что еще хотелось бы добавить. Я не собираюсь торчать всю жизнь в этом марсианском захолустье. Уже пришло несколько писем с предложением работы. Так что, возможно, вскоре вы очень удивитесь, увидев нового шефа полиции города Найнпорта.

## Я тебя вижу

*Перевод А. Сагаловой*

В своей черной мантии этот судья выглядел очень внушительно. Безупречной чистоты и гладкости хромированный череп лучился абсолютной непогрешимостью. Глубокий всепроникающий голос звучал так, словно устами служителя закона вещала сама судьба:

– Карл Тритт, настоящий суд признает вас виновным в полном соответствии с предъявленным иском. В день два миллиона сто восемьдесят две тысячи четыреста двадцать третий вы сознательно и злонамеренно совершили хищение из фонда заработной платы корпорации «Маркрикс» на сумму триста восемнадцать тысяч кредитов и предприняли попытку присвоения означенных средств. Ваш приговор – двадцать лет.

Последовал мощный удар судейского молотка, будто копером по свае. Звук отчаянно заметался в голове Карла. Двадцать лет! Стиснув онемелыми пальцами стальной барьер, Карл снизу вверх заглянул в электронные глаза судьи. Может, толика сочувствия в них и мелькнула, но снисхождения уж точно ждать не приходится. Приговор вынесен и зафиксирован в Центральном блоке памяти. И обжалованию не подлежит.

Панель перед судейской скамьей резко отъехала в сторону, и бесшумная пневмопочта выплюнула главное вещественное доказательство: триста восемнадцать тысяч кредитов, все еще в зарплатных конвертах. Карл медленно поднял деньги, а судья наставил на него указующий перст:

– Вот украденные вами деньги. Потрудитесь вернуть их законным владельцам.

Ослабевшими руками прижимая к груди злосчастный пакет, Карл на ватных ногах покинул судебный зал. И погрузился в пучину отчаяния.

Не будь он полноправным гражданином мужского пола в возрасте двадцати пяти лет, наверняка бы разрыдался. Но двадцатипятилетние мужчины не плачут. Поэтому он лишь несколько раз шумно сглотнул.

Срок двадцать лет – вообще немыслимо! Почему именно он, Карл? Из всех людей на свете только ему выпадает такой суровый приговор – почему? Впрочем, мозг у Карла был дисциплинированный, так что ответ пришел мгновенно. Потому что деньги украл, вот почему. Он отмахнулся от этой в высшей степени неприятной мысли и поплелся дальше.

В глазах стояли непролитые слезы, в носу и в горле противно щипало. Карл захлебнулся своим горем, на секунду позабыв, что идет по улице. Но тут же опомнился и смачно сплюнул.

Плевков едва успел долететь до идеально чистой поверхности тротуара, как пришел в движение дежуривший футах в двадцати мусорный бак. Машина мгновенно выпустила колесики и бесшумно подкатила к Карлу. Тот в ужасе прихлопнул ладонью рот, но было поздно: сделанного не воротишь.

Выпостав гибкую конечность, машина мигом привела тротуар в порядок. Бак присел, словно железный Будда, и в глубине его механических внутренностей пробудился скрипучий жестяной голос. Обращаясь к Карлу, мусорный бак проскрежетал:

– Карл Тритт, вы нарушили Муниципальный статут за номером ВД четырнадцать шестьсот шестьдесят восемь, совершив плевков на общественный тротуар. Вы приговариваетесь к двухдневному сроку наказания. Общий срок наказания теперь составляет двадцать лет и два дня.

Парочка пешеходов застыла позади Карла и с отвисшей челюстью выслушала оглашение приговора. Карл практически читал их мысли. Настоящий приговоренный, подумать только! Больше двадцати лет! Они таранились на Карла со смесью восхищения и неприязни.

Карл кинулся прочь, прижимая пакет к груди, – лицо так и пылало от стыда. На видео эти осужденные всегда смотрятся так уморительно. Очень смешно мечутся, все не могут взять в толк, отчего это перед ними не открываются двери.

Только им самим при этом не до смеха.

Время ползло еле-еле – остаток дня Карл провел в каком-то туманном оцепенении. Он смутно помнил, как явился в корпорацию «Марккрикс», чтобы возвратить украденные деньги. Тамошние служащие были такие добрые, такие понимающие, что ему стало неловко. Но сейчас даже вся доброта мира не поможет ему скостить срок!

Он бесцельно слонялся по улицам, пока не вымотался вконец. На глаза попался бар: яркие огни, внутри клубится сигаретный дым – с виду очень оживленное и уютное местечко. Карл толкнул дверь – раз, другой, – а посетители умолкли и уставились на него сквозь стекло. Это же действует приговор, сообразил Карл. Дверь не откроется. Люди внутри начали посмеиваться, и Карл убежал прочь. Хорошо хоть не нарвался на увеличение срока.

Добравшись до своей квартиры, Карл уже всхлипывал без стеснения – таким он был усталым и несчастным. Дверь послушно распахнулась, среагировав на знакомый отпечаток большого пальца, и захлопнулась за Карлом. Наконец-то он в надежном убежище!

И тут он заметил упакованные сумки.

На стене зажужжало пробудившееся видео. Карлу никогда не приходило в голову, что этой штуковиной можно управлять из Центра. Экран оставался темным, но из динамика лился знакомый синтетический голос.

– Для вас была отобрана одежда и все прочее, что необходимо осужденному, – вещал Контрольный орган по исполнению приговоров. – Ваш новый адрес вы найдете на сумках. Отправляйтесь туда немедленно.

Нет, это уже чересчур. Можно было даже не копаться в сумках, Карл и так знал: его фотоаппарат, книжки, модели ракет – все эти дорогие ему мелочи – в багаж для осужденного не попали. Он побежал в кухню, рванул сопротивляющуюся дверь. Голос из устройства, спрятанного где-то над плитой, заговорил снова:

– Ваши действия являются нарушением законодательства. Если вы прекратите немедленно, срок наказания увеличен не будет.

Да пусть болтают что хотят, плевать на запугивание! Трясущимися руками Карл распахнул дверцы буфета и дотянулся до бутылки виски. Едва он почувствовал соблазнительную гладь стекла, как бутылка выскользнула из пальцев и исчезла в потайном люке, которого Карл раньше не замечал.

Карл поплелся в коридор, а голос настойчиво бубнил ему в спину:

– Пять дней за попытку употребления спиртного напитка.

Да провалитесь вы все!

Такси и автобусы перед ним не останавливались, турникет метро выплюнул его монету, словно какую-то гадость. Делать нечего, пришлось тащиться к новому обиталищу на своих двоих – куда-то к черту на рога. Карл и думать не думал, что такие места существуют. В квартале, где ему предстояло поселиться, все было с каким-нибудь изъяном. Тротуары битые – явно нарочно, освещение тусклое. Отовсюду свисала пыльная паутина, с виду совершенно неестественная.

В свою комнату он вскарабкался по лестнице – два марша, и каждая ступенька скрипит особенным скрипом. Даже не включив свет, Карл проковылял внутрь и уронил на пол сумки. Ноги уперлись в железную койку, и он с благодарностью на нее повалился. Изнеможение подарило ему крепкий сон.

Утром было страшно открыть глаза. Это все мне привиделось, твердил он себе, кошмар закончился, все позади. Но слишком уж холодным был воздух в комнате, слишком тусклый

свет проникал сквозь веки. Все вокруг убеждало Карла: пришла беда. Тяжело вздохнув, он прогнал надежду и оглядел свое новое жилище.

Ну, хотя бы чистенько – больше, пожалуй, ничего и не скажешь. Кровать, стул, встроенный комод – вот и вся обстановка. С потолка свисает одна-единственная лампочка без абажура. На противоположной стене – большой металлический счетчик-календарь: 20 лет, 5 дней, 17 часов, 25 минут. Пока Карл разглядывал устройство, оно громко щелкнуло, и последнее число изменилось на 24.

Он даже ничего не почувствовал, настолько был измучен вчерашними переживаниями. Чудовищность приговора все еще не умещалась в сознании. В полудреме Карл бессильно откинулся на подушку, но тут же подскочил как ужаленный – стена грянула:

– Завтрак подается в общественной столовой этажом выше. У вас десять минут.

Этот знакомый голос, уже без металлического оттенка, доносился из огромного динамика, расположенного футах в пяти от пола. Карл повиновался без раздумий.

Еда была однообразная, но сытная. В столовой завтракали и другие люди, мужчины и женщины, – все увлеченно поглощали пищу. Карл сразу сообразил, что это тоже осужденные. Он уткнулся в тарелку, дожевал завтрак и быстро вернулся к себе в комнату.

Стоило отворить дверь, как в него вперилась видеочамера, висевшая прямо над динамиком. Карл шел через комнату, и устройство, словно ружейный ствол, непрерывно поворачивалось следом. Огромная камера, и динамик тоже огромный – таких Карл никогда не видел. Хромированная трубка с шарнирами, на конце стеклянный глаз размером с Карлов кулак. Осужденный проводит дни в одиночестве, но не может побыть наедине с собой.

Тут Карл снова подпрыгнул от неожиданности, потому что динамик заявил:

– Ваша трудовая повинность начинается в восемнадцать ноль-ноль. Вот адрес.

Из щели под счетчиком выскользнула карточка. Подцепить тонкий прямоугольник было не так-то просто, пришлось изрядно поскрести по полу ногтями. Адрес ни о чем Карлу не говорил.

Времени впереди предостаточно, а заняться особо нечем. Рядом лишь койка, которая в сложившейся ситуации выглядит весьма заманчиво. Карлу ничего не оставалось, как устало бухнуться на нее.

И что его дернуло украсть ту злосчастную зарплату? Хотя он-то знал что. Уж очень хотелось кое-каких вещей, которые на жалованье техника-телефониста не купишь. И главное, дело казалось таким легким, таким верным. Черт бы побрал тот случай – если бы не он, ни за что бы Карл не впутался в такую историю. Воспоминания не давали покоя.

Нужно было всего-навсего расширить телефонную сеть в одном крупном бизнес-центре. Совершенно рядовое задание.

В первый раз он отправился туда один; на стадии предварительного осмотра работы обычно не нужны. Телефонные линии были проложены вдоль служебного коридора, в стороне от главного вестибюля. Он открыл неприметную дверь универсальным ключом и включил свет. По одной из стен тянулся лабиринт из проводов и распределительных коробок; провода сходились в кабели, которые терялись из виду в конце коридора. Углубившись в коммутационные схемы, Карл искал, где бы проложить новые провода. Задняя стенка казалась самым подходящим местом, чтобы прикрепить коробки. Карл постучал пальцем, проверяя, выдержит ли стена крупные шурупы. Стена оказалась полой.

Сначала Карл разозлился. Придется тянуть провода еще дальше – а это вдвое больше работы! Потом его разобрало любопытство: зачем нужна такая стена? Он изучил ее хорошенько: оказывается, это просто тонкая перегородка из подогнанных друг к другу секций. Одну такую секцию он отжал отверткой и увидел внутри что-то вроде стальной решетки, на которой держались металлические пластины. Предназначение конструкции он так и не понял,

и вялое любопытство быстро улеглось. Карл вернул на место панель и занялся своим делом. А через некоторое время, глянув на часы, отложил инструменты и отправился обедать.

В главном вестибюле ему сразу бросилась в глаза банковская тележка.

Он проходил достаточно близко и при всем желании не мог не заметить толстые конверты. Двое охранников выхватывали их из тележек и перекладывали в сейфы, вмонтированные в стену, – по конверту в каждую ячейку. Крепкая дверца громко хлопала, надежно запечатывая содержимое. При виде такой кучи денег у Карла болезненно кольнуло внутри. Только и всего.

Но потом, когда он вернулся с обеда, его внезапно осенило. От этой мысли Карл встал как вкопанный. Колебался он буквально долю секунды. Входя в коридор, украдкой бросил взгляд на курьера, который открывал один из сейфов. Карл притворил за собой дверь, а затем еще раз соотнес расположение стены, которую он вскрывал отверткой, и ячеек. Сомнений быть не могло: надежно запертые в вестибюле сейфы задними стенками выходят в служебный коридор. И с той стороны никак не охраняются.

Не сегодня, мгновенно смекнул он. Нельзя делать ничего такого, что вызовет подозрения. Тем не менее он позаботился о том, чтобы служебные роботы попали в коридор с противоположного конца, через боковой проход, что примыкал к безлюдному вестибюлю на задах строения. Это позволило ему изучить ту часть здания. Более того, Карл даже заставил себя забыть о ячейках на целых полгода.

После этого он приступил к разработке плана. От случая к случаю ему выпадала возможность вести наблюдения; понемногу удалось собрать всю необходимую информацию. В сейфах хранилась заработная плата сотрудников многих крупных компаний, чьи офисы располагались в том бизнес-центре. Банковские курьеры закладывали деньги в ячейки по пятницам, ровно в полдень. Конверты начинали разбирать не раньше часа пополудни. Карл выяснил, куда помещают самый толстый конверт, и приготовился действовать.

Вначале все шло как по писаному. Без десяти двенадцать он закончил работу и отправился восвояси, прихватив инструменты. Ровно десять минут спустя, никем не замеченный, вошел в коридор через заднюю дверь. На руках были прозрачные и потому практически невидимые перчатки. В 12:10 он снял панель, прикрывающую выбранную им ячейку, и длинная отвертка, которую он держал на уровне уха, уперлась в заднюю стенку сейфа. Стука дверей не слышно, значит в банке уже не осталось никого из персонала.

Тонкое пламя автогена входило в стальную стенку как в масло. Он вырезал ровный кружок и протолкнул его внутрь. Затем прихлопнул тлеющее пятно на конверте с деньгами и переложил его в другой конверт, извлеченный из инструментальной сумки. На этом новом конверте уже стоял его адрес и были наклеены марки. Сейчас вор выйдет из здания, и через минуту конверт окажется в почтовом ящике. Карл делается богачом!

Он аккуратно уложил все инструменты и конверт в сумку и зашагал прочь. Точненько в 12:35 он вышел через заднюю дверь и запер ее за собой. В коридоре по-прежнему никого не было, так что у Карла оставалось несколько дополнительных секунд, чтобы взломать замок предусмотрительно запасенным инструментом. Ключ от этой двери есть у многих, но чем сильнее будут запутаны следы, тем лучше.

Карл даже насвистывал, шагая по улице.

А потом его схватил за плечо офицер службы порядка.

– Вы арестованы за кражу, – бесстрастно произнес полицейский.

У Карла на миг остановилось сердце; хотелось провалиться на месте. Он ведь и в мыслях не допускал поимки с поличным, не задумывался, что делать в таком случае. Полицейский вел Карла к машине, а тот, охваченный ужасом и стыдом, еле передвигал ноги. Толпа зевак наблюдала за сценой с изумлением и восторгом.

Во время суда, когда Карлу предъявили обвинение, он запоздало сообразил, в чем прокололся. Все провода и изоляционные трубки в том коридоре были снабжены инфракрасными термоэлементами. Сигнал тревоги сработал от жара его автогена. Дежурный Центральной пожарной службы тут же включил камеру в коридоре. Полагая, что это обычное короткое замыкание, служащий был крайне удивлен, увидев на экране техника, воруящего деньги. Впрочем, удивление не помешало ему тут же вызвать полицию. Карл чуть слышно проклял злосчастную судьбу.

Скрежещущий голос из динамика прервал мучительные воспоминания:

– Семнадцать тридцать. Вам пора отправляться к месту исполнения трудовой повинности.

Карл устало натянул ботинки, глянул на адрес и поплелся на новую работу. Добирался почти полчаса. Оказалось, это Департамент санитарии. Ну да, кто бы сомневался.

– Копаться некогда, – бросил ему пожилой измотанный надзиратель. – Вот список, гляньте по-быстренькому, вроде как вы ознакомились. Вагонетку сейчас подгонят.

Список – это, вообще-то, было мягко сказано. На самом деле Карлу вручили толстенный том из разных списков – перечисление разновидностей отходов. Такое впечатление, что все на свете упихано в этот гроссбух. И напротив каждого пункта стоит цифра – от одного до тринадцати.

Похоже, в этих-то цифрах и таился главный смысл. Карл задумался было, что бы это могло значить, но тут раздался рев мощного двигателя. Гигантская машина, управляемая роботом, скатилась с пандуса и замерла прямо перед ним.

– Мусорная вагонетка, – уныло пробубнил надзиратель. – Теперь она ваша навеки.

Карл, конечно, знал, что на свете существуют мусорные вагонетки, но до сих пор ни одной не видел. Перед ним громоздился неуклюжий блестящий цилиндр длиной метров двадцать. Водитель-робот был встроен прямо в кабину. Остальные роботы стояли на подножках по обеим сторонам. Надзиратель провел Карла к заднему торцу вагонетки и указал на разверстную пасть мусороприемника.

– Роботы подбирают мусор и утиль и загружают сюда, – пояснил надзиратель. – Вот тринадцать кнопок, внутри тринадцать баков. Роботы жмут кнопки; все, что свалено в кучу, сортируется по бакам. Это обычные подъемники, с мозгами у них не ахти, но в мусоре разбираются. Правда, иногда бывают сбои. Тогда как раз ваш выход.

Грязный палец указывал на прозрачную кабинку, торчавшую над задней частью машины. Внутри располагалось пухлое сиденье, а перед ним пульт с тринадцатью кнопками.

– Я вам так скажу: местечко что у боженки за пазухой. Знай сиди и дави на кнопки, если возникает надобность. В смысле, если робот не распознает какую-нибудь штуковину. Тогда он сунет ее в сортировочную камеру, что за вашим окошком. А вы уж гляньте повнимательнее; если надо, со списком сверьтесь, а потом жмите кнопку. Поначалу кажется мудрено, но привыкаешь быстро.

– Мудрено – не то слово, – проворчал Карл, карабкаясь в свою башенку. Его слегка мутило. – Но я постараюсь привыкнуть.

Под тяжестью его тела в сиденье сработал невидимый переключатель, и вагонетка с грохотом тронулась. Карл покатил в темноту. Из своего прозрачного пузыря в задней части агрегата он хмуро взирал на выбегавшую из-под колес дорожку.

Скучища была смертная. Мусорная вагонетка следовала проторенным маршрутом вдоль торговых и грузовых путей города. В эту вечернюю пору ему попадались другие вагонетки, все на автоматизированном управлении. Карл не видел ни одного человеческого лица. Может, он и за пазухой у кого-то, но только не у боженки. Огромный механизм города крутит человеческую букашку и так и сяк. Каждые несколько минут машина останавливалась, роботы с гро-

мышанием удалялись и возвращались с трофеями. Рассовав хлам по контейнерам, они вспрыгивали на свои подножки, и вагонетка продолжала путь.

Первое решение пришлось принимать спустя час, не меньше. Робот завис посреди мусора, затем быстро поставил свой инвентарь и уронил в сортировочную камеру дохлую кошку. Карл вытаращился на нее в ужасе. Кошка тоже таращила на него большие невидящие глаза; пасть застыла в яростном оскале. Карл впервые в жизни видел мертвое тело. На кошке побывало что-то очень тяжелое: заднюю часть туловища совсем расплющило, она стала тонкой, словно лист бумаги. Сделав над собой усилие, Карл резко отвел глаза и распахнул книгу со списком.

Кабель... консоль... кошка (мертвая). Еще какая мертвая. Вот и номер бака – девять. По баку на каждую кошачью жизнь. После девятой жизни – бак номер девять. Не очень смешная шутка. Свирепый тычок в кнопку с цифрой «девять», и кошку как ветром сдуло, только лапой успела махнуть. Карл с трудом подавил желание помахать в ответ.

После инцидента с кошкой скука усилилась вдвое. Время тащилось еле-еле, в камере ничего не появлялось. Вагонетка, громыхая, ползла вперед и останавливалась. Ползла и останавливалась. Движение убаюкивало. Уже сказывалась усталость. Карл склонился к пульта и положил голову на список отходов. Закрыв глаза.

– Спать во время работы запрещено. Это первое предупреждение.

Ненавистный знакомый голос раздался где-то в районе затылка, и Карл вздрогнул от неожиданности. Надо же, он и не заметил экрана и динамика рядом с дверью. Машина ведет эту мусорную вагонетку в необъятную пустоту – и даже сейчас не забывает следить за ним.

Все оставшиеся часы ему не давала спать горькая ярость.

Серые монотонные дни сменяли друг друга, их отсчитывал большой настенный календарь в его комнате. Но не так быстро, как хотелось бы. Теперь на календаре значилось: 19 лет, 322 дня, 8 часов, 16 минут. Все равно что вечность...

Интерес к жизни совсем пропал. По большому счету осужденный не мог распоряжаться своим свободным временем. Развлечений ему полагалось немного – в сущности, почти никаких. Через боковую дверь он имел доступ к библиотеке – правда, ограниченный, к единственному сектору. Карл совершил туда удручающе бесполезный поход, порывшись в книгах с вдохновляющими примерами и моралью. Больше библиотека не привлекала.

Ежевечерне он отправлялся на работу. Вернувшись, спал, сколько мог. А потом просто валялся на кровати, выкуривал крошечный сигаретный паек и слушал, как шелкает календарь, отмеряя секунды.

Карл все пытался убедить себя, что он способен протянуть вот так все двадцать лет. Правда, в глубине души не был в этом уверен. Потому что внутри у него все рос и рос тугой ком.

Вот так и текли его дни – до аварии. Авария все изменила.

Ночь была как все ночи. Мусорная вагонетка остановилась посреди промышленной зоны, и роботы принялись снова туда-сюда в поисках мусора. Неподалеку стояла автоцистерна, в нее через гибкий шланг закачивали какую-то жидкость. Карл едва удостоил машину скучающим взглядом – и то лишь потому, что в кабине сидел водитель-человек. Значит, в цистерне что-то опасное: по закону роботам не положено перевозить некоторые категории грузов. Карл с ленивым любопытством наблюдал, как дверь распахнулась и водитель полез из кабины. На полпути он спохватился, развернулся и потянулся за чем-то забытым.

И случайно нажал кнопку пуска.

Мотор завелся, грузовик дернулся и рывком продвинулся вперед на несколько футов. Водитель тут же остановил его, но было поздно.

Этих футов хватило, чтобы шланг растянулся во всю длину, сильно согнув держащий его манипулятор. Раз! – и шланг выскочил из люка цистерны. Он раскачивался вправо и влево,

брызгая зеленоватой жидкостью на цистерну и кабину, пока не сработала автоблокировка подачи.

Все произошло в считанные мгновения. Дальнобойщик обернулся и круглыми от ужаса глазами уставился на цистерну, с которой лилась жидкость. Лилась и слегка дымилась.

Раздался оглушительный хлопок, и цистерну поглотило ревящее пламя. Водителя скрыла огненная завеса.

В своей прежней жизни, до приговора, Карл привык полагаться на помощь роботов. Он прекрасно знал, что следует сказать и сделать, чтобы роботы повиновались незамедлительно. Выпрыгнув из своей кабинки, он схватил ближайшего мусорщика за металлическое плечо и прокричал приказ. Робот уронил жестянку, из которой вываливал отходы, на полной скорости устремился к цистерне и скрылся в пламени.

Заживо горящий водитель – это только полбеды; главная проблема – открытый люк цистерны. Если пламя проникнет внутрь, рванет так, что мало не покажется, – все окрестности запылают.

Окутанный пламенем робот вскарабкался по лестнице на крышу цистерны. Горящая рука дотянулась до крышки и захлопнула самогерметизирующийся люк. Робот полез было вниз сквозь огонь, но тут жар добрался до его системы управления. Секунду-другую механический помощник подергался, словно человек в агонии, а затем поник.

Прихватив двух роботов, Карл рванул к цистерне сам. Пламя все еще ревело вокруг кабины, огненные языки просачивались внутрь. Там, внутри, человек вопил от боли. Повинуясь указаниям Карла, один из роботов открыл дверь и нырнул в кабину. Сгибаясь пополам, прикрывая тело водителя своим собственным, робот выволок человека наружу. Ноги бедняги превратились в бесформенное месиво, одежда на нем пылала. Робот оттащил свою ношу в безопасное место, и Карл принялся гасить пламя голыми руками.

Аварийные службы сработали столь же стремительно, сколь разразился пожар. Команды пожарных и спасателей добрались до места происшествия весьма оперативно. Карл едва успел прихлопнуть последние язычки огня на теле бесчувственного водителя, а помощь уже подошла. Немножко пены – и пламени как не бывало. Подкатила, резко затормозив, «скорая», оттуда выскочили два робота с носилками. За ними спешил доктор-человек. Он глянул на обожженного водителя и присвистнул:

– Да он как со сковородки!

Доктор выхватил у робота-носильщика герметическую емкость и обмазал ноги пострадавшего студенистым противоожоговым веществом. Он не успел закончить, а другой носильщик уже протягивал ему распахнутый чемоданчик с медикаментами. Врач молниеносно выбрал нужный из множества шприцев и сделал инъекцию. Он действовал чрезвычайно быстро и эффективно.

Роботы-носильщики уложили водителя в «скорую помощь», и та мигом сорвалась с места. Доктор заговорил в микрофон на лацкане, давая указания персоналу больницы. После этого он обернулся к Карлу:

– А теперь посмотрим на ваши руки.

Все произошло с невероятной быстротой, и Карл даже не успел осознать, что тоже пострадал. Только сейчас он увидел ожоги на ладонях и ощутил резкую боль. По лицу текла кровь. Он покачнулся и едва устоял на ногах.

– Ничего, ничего, – мягко проговорил врач, помогая Карлу сесть. – Не так страшно, как кажется. Будут вам новехонькие ладони за пару дней.

Он успокаивал Карла, а сам не прекращал копать в чемоданчике. Внезапно Карл почувствовал резкий укол в плечо. Боль отступила.

Из-за укола все вокруг стало расплывчатым. Карлу плохо запомнилось, как его везли в больницу в полицейской машине. А потом был блаженный покой в прохладной постели. Видимо, ему сделали еще один укол, потому что очнулся он только утром.

Неделя в больнице показалась настоящим отпуском. Персонал то ли не знал о том, что Карл осужден, то ли никого это не заботило. За ним ухаживали точно так же, как и за любым пациентом. Ему наращивали кожу на ладонях и предплечьях, а он знай наслаждался мягкой постелью и разнообразным питанием. Ему давали обезболивающие, и лекарства заглушали беспокойные мысли о другой жизни, оставшейся за стенами больницы. А еще его очень порадовала новость, что обгоревший водитель тоже выздоравливает.

Однако на восьмое утро дерматолог потыкал в его новенькую кожу и расплылся в улыбке.

– Молодцом, Тритт, – похвалил он. – Похоже, сегодня мы с вами расстанемся. Распоряжусь, чтобы оформили выписку и принесли вашу одежду.

Карл подумал о том, что ждет его снаружи, и снова желудок превратился в тугий комок. Возвращаться к жизни осужденного теперь вдвойне тяжелее – после таких-то каникул. Но ничего не поделаешь. Карл одевался как можно медленнее, стараясь растянуть каждую секунду оставшегося больничного времени.

Он уже шел по коридору, когда его окликнула медсестра:

– С вами хочет повидаться мистер Скарви. Сюда, пожалуйста.

Скарви? А, тот водитель. Карл последовал за сестрой в палату, где сидел на кровати дюжий мужчина. С его телом что-то было не так. Под одеялом почти ничего нет, догадался Карл. Бедняга лишился ног.

– Отчекрыжили по самые ляжки, – бодро пояснил Скарви, заметив взгляд Карла. Водитель улыбался. – Да не бери в голову. Хоть не болят теперь. Врачи засадили регенерационные зародыши. Говорят, через год будут ноги лучше прежних. По мне, так нормально. Все лучше, чем зажариться живьем в чертовой цистерне.

Он рывком выпрямил спину. На лице отражались сильные чувства.

– Мне показали ролик. Пожарная служба снимала, у них камера наблюдения на том участке. Так что я все видел. Чуть не стошнило, честно. Хорош же я был, когда ты меня оттуда выволок. – Он выпростал мясистую кисть и стиснул руку Карла. – Хотел сказать тебе спасибо. Ну, пока ты не ушел.

Карл сумел выдавить лишь глупую улыбку в ответ.

– Хоть ты и арестант, мне до лампочки, – добавил Скарви.

Карл осторожно высвободил руку, встал и вышел. Не стал ничего говорить, просто побоялся. Эта неделя была волшебной сказкой. Прекрасной и нелепой. Он отбывает наказание, и так будет еще долгие-долгие годы. Ему никуда не деться от общества, для которого он изгой.

Карл открыл дверь своей унылой комнаты, и осточертевший голос загудел из динамика:

– Карл Тритт, вы пропустили семь дней трудовой повинности и один день отработали не полностью. В обычных обстоятельствах эти дни не вычли бы из вашего срока. Однако в этот раз будет сделано исключение. Пропущенные дни зачтутся вам, хотя бы и вопреки приговору.

Счетчик-календарь торопливо защелкал, подтверждая слова Контрольного органа.

– Не знаю, как и благодарить, – съязвил Карл, устало валясь на кровать.

Монотонный синтетический голос продолжал, словно не заметив сарказма в реплике Карла:

– Вдобавок вы получите награду. Согласно «Специальным правилам смягчения наказания», проявление личного мужества и риск ради спасения человеческой жизни расцениваются как социально значимое поведение и вознаграждаются соответственно. Срок вашего наказания сокращается на три года.

Карл вскочил и недоверчиво уставился на динамик. Это что, розыгрыш? Он покосился на первое окошко счетчика. Календарь шелестел цифрами: 18... 17... 16... Все, листание прекратилось.

Вот это да! Три года долой! Вроде бы такое невозможно, но вот же они – цифры на счетчике.

– Контрольный орган! – вскричал Карл. – Послушайте, пожалуйста! Что произошло? В смысле, что это за фокус с вознаграждением? Как это может сократить срок? Почему я никогда о таком не слышал?

– Принципы сокращения срока наказания не предаются широкой огласке, – ровным голосом ответил динамик. – Подобные сведения могут побуждать граждан к нарушению закона, в то время как угроза наказания есть средство сдерживания. Как правило, осужденному сообщается о возможности сокращения срока только по истечении первого года. Ваш случай является исключительным.

– А где я могу узнать поподробнее о возможности сокращения срока? – нетерпеливо спросил Карл.

Секунду-другую динамик жужжал, а потом выдал:

– Ваш консультант – мистер Присби. Он даст рекомендации относительно того, что можно сделать. Вы записаны к нему на прием: завтра в тринадцать ноль-ноль. Вот его адрес.

Механизм щелкнул и выплюнул карточку. В этот раз Карл ждал ее и сумел поймать на лету. Осторожно, почти с нежностью он держал карточку перед глазами. Трех лет уже как не бывало. А завтра он узнает другие способы скостить срок.

Конечно же, он явился заранее, почти за час до назначенного времени. Секретарь-робот заставил ждать в приемной и впустил минута в минуту. Услышав щелчок открывающейся двери, Карл подавил желание скакнуть к ней. Изю всех сил стараясь шагать медленно, он вошел в кабинет.

Присби, консультант по отбыванию наказания, смотрел на него, точно заспиртованная рыба из стеклянной бутылки. Это был жирный коротышка с мертвенно-бледной кожей; комковатую голову словно выдавили из пухлого туловища, как замазку из тюбика. Казалось, глаза целиком состоят из расширенных зрачков; консультант глядел не мигая сквозь стекла, которые в толщину были едва ли меньше, чем в ширину. Контактными линзами давно никого не удивишь, но у этого человека зрение совсем никудышное. Иначе зачем ему старомодные очки в массивной оправе, опасно балансирующие на мясистом носу?

Когда вошел посетитель, Присби не улыбнулся и не произнес ни слова. Его взгляд неотрывно следовал за Карлом, пока тот шел по кабинету. Тут же вспомнились ненавистные видеокамеры, но Карл отогнал это сравнение.

– Меня зовут... – начал он.

– Мне известно, как вас зовут, Тритт, – проскрежетал в ответ Присби. Грубый голос удивительно плохо вязался с мягкими губами. – Садитесь – вот стул.

Карл сел и тут же заморгал от резкого света, направленного ему прямо в глаза. Он попробовал сдвинуть стул, но не вышло: ножки были прикреплены к полу. Тогда он просто приготовился слушать.

Присби наконец перевел свой застекленный взгляд на стол и взял лежавшую там папку. Не меньше минуты он пролистывал ее содержимое и только потом заговорил.

– Дело у вас странное, Тритт, – проскрипел консультант. – И мне оно, скажем прямо, совсем не нравится. Понять не могу, с чего это вдруг Контрольный орган направил вас ко мне. Но раз уж вы здесь, я вас слушаю.

Улыбаться было нелегко, но Карл себя заставил.

– Видите ли, меня наградили сокращением срока наказания на три года. Таким образом я узнал, что срок может быть уменьшен. Контрольный орган сказал, что вы можете дать подробную информацию.

– Пустая трата времени. – Папка хлопнула, падая на стол. – Ваш приговор не подлежит смягчению до истечения первого года. Осталось еще почти десять месяцев. Когда они пройдут, возвращайтесь, и я вам все объясню. А сейчас не задерживаю.

Карл не двинулся. Руками он изо всех сил вцепился в колени, пытаясь совладать с собой, и сощурился, глядя против света на равнодушное лицо консультанта.

– Но вам же известно: мне уже сократили срок. Возможно, поэтому Контрольный орган разрешил проконсультироваться...

– Не пытайтесь учить меня закону, – ледяным голосом пророкотал Присби. – Это я должен учить вас. Так и быть, объясню. Хотя смысла в этом ровным счетом никакого. Когда истечет первый год вашего срока – то есть вы ровно год отработаете в определенной для вас должности, – только тогда получите право на сокращение. Вы сможете подать прошение о переводе на работу, предполагающую временные премии. Есть опасные виды деятельности, скажем починка спутников: там один день засчитывается за два. В атомной энергетике существуют должности, где один день равен трем, но таких совсем немного. На подобных работах осужденный помогает себе сам, воспитывает в себе ответственность перед обществом и одновременно приносит ему пользу. Однако вам еще рано об этом думать.

– Но почему?! – Карл уже успел вскочить и теперь стоял, опираясь на стол ладонями, не успевшими загрузеть после лечения. – Чего ради я должен год исполнять эту никчемную трудовую повинность? Она же совершенно бессмысленная! Ее нарочно выдумали, чтобы мучить осужденных. Я ночь напролет сижу в кабине не смыкая глаз, а ведь мою задачу за три секунды выполнит робот, когда вернется вагонетка. Вы считаете, унижительный монотонный труд учит ответственности перед обществом?

– Сядьте, Тритт! – прервал его Присби высоким трескучим голосом. – Вы что, забыли, где находитесь? И кто перед вами? Слушайте внимательно. Вам позволено отвечать только «да, сэр» и «нет, сэр». Я повторяю: вы дождетесь завершения первого года трудовой повинности и только потом придете ко мне. Это понятно?

– Нет уж, погодите! – завопил Карл. – Я пойду дальше! Доберусь до вашего начальства! Вы не смеете вот так распоряжаться моей жизнью.

Присби тоже поднялся на ноги, его лицо перекосила нездоровая гримаса, видимо призванная изображать улыбку.

– Никуда вы не пойдете! – проревел он. – Никакого «дальше» просто не существует! Я сам себе начальство. Мое слово – решающее. Не верите? Сомневаетесь в моих возможностях? – На его губах пузырилась пена. – Я доложу, что вы повышали на меня голос, прибегали к оскорблениям и угрожали. И доказательством будет запись.

Присби неуклюже зашарил по столу в поисках микрофона. Найдя, поднес дрожащими руками ко рту и нажал кнопку:

– Говорит Присби. За неподобающие действия, совершенные осужденным в отношении консультанта по отбыванию наказания, я рекомендую продлить срок Карла Тритта на одну неделю.

Ответ пришел молниеносно. Динамик Контрольного органа на стене заговорил своим обычным синтетическим голосом:

– Рекомендация принята. Карл Тритт, к вашему сроку добавляется семь дней; общий срок наказания теперь составляет шестнадцать лет...

Голос бубнил и бубнил свое, но Карл уже не слушал. Его обуяла лютая ненависть. Для него в целом мире сейчас ничего не существовало, кроме рыхлой бледной физиономии консультанта Присби.

– Зря вы так, – выдавил наконец Карл. – Только хуже мне делаете, а должны помогать. – Тут его внезапно осенило: – Хотя какое там помогать! Вы же и не хотите помогать, правда? Вам просто нравится так – корчите из себя Господа Бога, вертите как вздумается судьбами осужденных...

Его монолог был заглушен воплями Присби:

– Преднамеренные оскорбления... Рекомендую добавить месяц к сроку наказания Карла Тритта...

Карл все это слышал. Но теперь ему было все равно. Он изо всех сил старался играть по чужим правилам. Баста! Он ненавидит систему, придумавших ее людей и машины, давшие ей жизнь. Но больше всего на свете он ненавидит сидящего перед ним человека – живое воплощение этой мерзости. Карл так старался, прямо лез из кожи вон, – и что? Очутился в мясистых руках садиста!

– Снимите очки, – тихим голосом приказал Карл.

– С-снять очки? З-зачем? – заикаясь, пробормотал Присби.

Он наконец перестал орать в микрофон и еще не успел отдышаться.

– Ладно, не трудитесь. – Карл медленно дотянулся до него через стол. – Я сам.

Он сдернул с консультанта очки и аккуратно положил рядом.

– Нет! – только и успел пискнуть консультант, догадавшись, что сейчас произойдет.

Кулак ударил точно в эти ненавистные губы, расквасил их, загнал зубы в глотку. Консультант кувыркнулся назад вместе со стулом и растянулся на полу. А Карл даже не заметил, что у него на руке не выдержала новая кожа, что с пальцев закапала кровь. Он возвышался над скулящей бесформенной кучей и хохотал.

В приемной робот-секретарь повернулся к нему и что-то проговорил. На холодной стеклян-но-стальной физиономии читалось неодобрение. Не переставая смеяться, Карл схватил тяжелый осветительный прибор и от души врезал по блестящему лицу. Он так и вышел в вестибюль – со стойкой от лампы в руках.

Какая-то часть Карла верещала от ужаса перед случившимся. Но только часть. Ее истеричный голосок быстро захлебнулся в накатившей горячей волне наслаждения. Сейчас Карл крушил запреты – все, какие только можно. На самом деле он крушил стены клетки, в которой был обречен провести всю жизнь.

Его отпустило, только когда он уже спускался в автоматическом лифте. Смех понемногу утих. Карл вытер струящийся по лицу пот. И тут зазвучал тонкий голосок:

– Карл Тритт, вы нарушили условия исполнения вашего наказания, и соответственно ваш срок увеличивается на...

– Где ты?! – взревел он. – Кончай прятаться и зудеть в ухо! Выходи!

Он вперился в стену подъемника. Ага, вот она, стеклянная линза.

– Видишь меня, да?! – проорал он, обращаясь к линзе. – Так и я тебя вижу!

Стойка от лампы взметнулась и хряснула по стеклу. Еще один удар прорвал тонкую металлическую сетку и достиг динамика. Тот печально кудахтнул и затих.

Снаружи люди разбегались врассыпную, но Карла они не интересовали. Эти несчастные всего лишь жертвы, такие же, какой был он сам, – и сейчас не до них. Ведь у него есть настоящий враг. Каждый видеозэкран на пути получал погнувшейся стойкой. Карл безжалостно колошматил динамик, покуда тот не умолкал. За его спиной тянулась вереница изувеченных онемевших роботов.

Его неизбежно должны были поймать. Карл об этом не задумывался, да и какая разница. Это был высший миг его бытия. То, ради чего стоит жить. Жаль, он не знал ни одной боевой песни, а то бы спел. В голову лезла только слегка непристойная песенка из школьных времен. Ладно, сойдет и такая. Горланя во всю мощь легких, Карл продолжал пятнать следами разрушения сияющую поверхность города.

Динамики не оставляли попыток что-то сказать Карлу, но он разбивал их, едва слышав. Срок его наказания увеличивался с каждым ударом.

– ...В совокупности составляет двести двенадцать лет, девятнадцать дней и... – Голос пресекал: кто-то в цепочке сообразил, что грозит преступнику неисполнимыми карами.

Движущаяся лента везла Карла на грузовой уровень. Он пригнулся, ожидая, когда с ним вновь заговорят, – иначе не определишь, куда бить в очередной раз. Зашелестел голос, и Карл завертел головой в поисках динамика.

– Карл Тритт, срок вашего наказания превысил предполагаемые пределы вашей жизни, и теперь приговор является лишенным смысла...

– Всегда был лишен смысла! – рявкнул Карл. – Теперь-то я знаю. Так где же ты? Я тебя достану!

Машина, не слушая его, монотонно продолжала:

– ...В таком случае вам надлежит пройти следствие. Офицеры службы порядка уже посланы, чтобы вернуть вас под стражу. Не оказывайте им сопротивления, иначе... грллык...

Очередной удар стойкой, и динамик разлетелся вдребезги.

– Давай, присылай своих офицеров, – прошипел Карл, обращаясь к массе спутанных проводов и покоруженного металла. – Я и с ними разберусь.

Впрочем, исход все равно был предсказуем. Не мог же Карл, преследуемый всевидящим оком Центра, скрываться вечно. Полицейский наряд загнал его в угол на нижнем уровне. Двоих он уложил меткими ударами, прежде чем ему успели вколоть парализующий препарат.

Тот же самый зал, тот же судья. Однако теперь с Карла не спускают глаз двое мускулистых охранников-людей. Непонятно, правда, зачем вообще караулить это жалкое создание – все в бинтах, бессильно привалившееся к барьеру.

Раздалось жужжание, это включился робот-судья.

– Тишина в зале заседания! – стукнул он молотком. – Карл Тритт, настоящий суд признает вас виновным...

– Да что вы? Опять? И не надоело? – издевательски спросил Карл.

– Требую тишины во время оглашения приговора, – громко произнес судья и снова ударил молотком. – Вы виновны в преступлениях столь многочисленных, что назначение вам срока наказания признано нецелесообразным. Поэтому вы приговариваетесь к упразднению личности. Психирург будет удалять из вашего организма по частям личность, покуда она не исчезнет совсем.

– О нет! – прохныкал Карл, умоляюще протягивая руки к судье. – Только не это!

Жалобное нытье неожиданно сменилось громким смехом. Карл проворно дотянулся до стола и схватил судейский молоток. Изумленная охрана и глазом моргнуть не успела, а подсудимый уже колотил ее захваченным орудием. Один свалился тут же, получив мощный удар по уху. Другой попытался выхватить пистолет, но упал прямо на оглушенного товарища.

– Ну что, судья?! – радостно выкрикнул Карл. – Молоточек-то у меня! Гляди, как я умею!

Карл метнулся вокруг судейского стола и одним ударом превратил глянцевую голову в кусок покоруженного металла. Он даже не попытался защититься, этот отросток Централизованного контроля.

Послышался топот бегущих ног, кто-то рванул дверь. На этот случай у Карла не было плана. Главное – разгромить как можно больше вокруг, пока его не схватили и пока в нем не угасло пламя мятежа. В зал заседаний ведет только одна дверь. Карл быстро огляделся. Опытный глаз техника нашел на стене за судейской скамьей крышку смотрового окна. Рванув защелку, Карл распахнул его.

Видеокамера наблюдает за ним из самой высокой точки зала, и с этим, похоже, ничего не сделаешь. Куда бы он ни направился, машина будет следить. Попытка оторваться от погони

– вот и все, что в его силах. Он уже протискивался в смотровое окно, когда в зал ворвались два робота.

– Карл Тритт, сопротивление бесполезно. Очередные поправки были внесены... внесены... Карл... Карл... Ка...

Карл удивленно прислушивался к голосам, раздававшимся за тонкой металлической дверцей, и никак не мог понять, что случилось. Он даже отважился выглянуть. Оба робота нелепо дергались на месте. Их динамики шуршали, но больше не исторгали слов. Несколько секунд – и беспорядочные движения прекратились. Как по команде, оба робота развернулись, подхватили лежавших без сознания полицейских и вышли. За ними закрылась дверь. Карл не знал, что и думать. Он продолжал смотреть. Через несколько минут дверь открылась снова. На этот раз в зал вкатился робот-ремонтник, обвешанный инструментами. Он направился к сломанному судье и занялся его починкой.

Тихонько прикрыв дверцу, Карл прислонился к ее холодному металлу и попытался осознать, что же происходит. Раз уж никто его не преследует, есть время подумать.

Почему его оставили в покое? Почему Централизованный контроль ведет себя так, словно не знает, где мятежник? Город до отказа нашпигован следящими устройствами вездесущей машины – уж это-то Карл усвоил. И она координирует свои действия с машинами других городов. Нет места, которого она не видит. Точнее, есть только одно такое место.

Догадка пришла так внезапно, что он даже ахнул. Затем огляделся. В том месте, где Карл стоял, начинался туннель, усаженный переключателями и контрольными щитками; все это тускло освещалось пластинами со встроенными элементами накаливания. Может быть... Конечно может. Даже должно быть!

В целом мире есть одно-единственное место, куда не способен проникнуть своим оком Централизованный контроль. И место это – внутри главного механизма. Там содержится его память. Его управляющие схемы. Ни одна машина, способная автономно принимать решения, не может самостоятельно вносить изменения в свою мыслящую схему. Если даже она попытается, реакция будет обратной, то есть деструктивной. Поврежденная система только еще больше разбалансирует себя, а исправить ничего не сумеет.

Карл находится в мозгу у Централизованного контроля. А это значит, что для неусыпного механического ока мятежник просто перестал существовать. Он там, где его невозможно увидеть. Но ведь машина видит все. Следовательно, его нет на свете. Возможно, вся информация о нем уже стерта.

Он пошел по коридору – сначала осторожно, но с каждым шагом все быстрее.

– Свобода! – завопил он. – Настоящая свобода – впервые в жизни! Могу делать что хочу! Могу смотреть на всех и веселиться!

Карл испытывал невероятный душевный подъем. Ликуя, он открывал дверь за дверью и шествовал по своему новообретенному царству.

Он говорил во весь голос; в нем так и бурлила радость:

– Здесь же куча роботов-ремонтников, тех, что работают на коммуникациях. Они-то и будут доставлять мне еду. Да и все, что угодно: мебель, одежду. Буду жить как вздумается – и делать что вздумается.

От таких перспектив голова шла кругом. Он толкнул очередную дверь и встал как вкопанный.

Перед ним была комната. Отличная комната – он бы сам не отказался от такой. Мебель подобрана со вкусом, кругом книги, на стенах картины, из проигрывателя льется нежная музыка. Карл изумленно уставился на все это великолепие. А потом за его спиной раздался голос:

– Живется здесь, прямо скажем, неплохо. Весь город у твоих ног, чего ни пожелаешь, тебе приносят на блюдечке. Но ты-то, жалкий дурачок, почему решил, что первым до этого додумался? Что первым пришел сюда? Уж не обессудь, на двоих здесь места не хватит.

Медленно, очень медленно Карл обернулся. Он все еще держал в руке судейский молоток. Карл мерил взглядом расстояние между собой и стоящим в дверях человеком, прикидывая, велики ли шансы у молотка против пистолета.

## Планета райского блаженства

*Перевод Г. Корчагина*

За бортом стремительно несущегося корабля простирался в беспредельность пространства и времени черный космос. В его отсеках горел свет и не смолкал смех, а в кают-компании еще и позвякивали бокалы с коктейлями. Там было полно народу, весьма и весьма довольного жизнью.

Хмурился только Дэв Гравитон. Он застыл в напряженной позе, не выпуская из руки бутылку минеральной воды. А поскольку куплена она была не ради утоления жажды и даже не ради желания выглядеть как все, Дэв ощущал свое неизмеримое превосходство над спутниками, этими безнадежными пищеманами и питьефилами.

Напротив него сидел толстяк с Мизара-2, и этот субъект тянулся уже за пятой порцией мартини. Один глоток – и все содержимое бокала перекачивается в щедро смазанное жиром горло. При мысли о том, каким разрушениям подвергается слоистая оболочка пищевода под воздействием концентрированного алкоголя, Дэв содрогнулся. А мизарец знай себе блаженно отдувается да сыто порыгивает. Приметив ужас на лице Дэва, он выразительно приподнял бровь.

– Мой юный друг, ваша проблема в том, – заговорил толстяк, – что вы не цените по настоящему самое главное в жизни. Я говорю об изысканных напитках, об отменной пище. И конечно же о... Или вы и против женщин что-то имеете?

Ну, на такой вопрос существует исчерпывающий ответ, и содержится он в двадцать четвертом разделе «Карманного справочника техника». Эти магические слова приходили на помощь всякий раз, когда у Дэва возникали сложности эмоционального свойства.

– Удовлетворение потребностей ума – вот единственное настоящее наслаждение. Если человек ест ради вульгарного удовольствия от употребления пищи, он является пищеманом. Если человек пьет с целью опьянения, он питьефил. Эти разновидности ложного блаженства интерферируют с подлинными радостями ума. Как пищепания, так и питьефилия являются преступлениями, подлежащими наказанию.

– Это на вашей планете, мой мальчик, – расхохотался толстяк, – и только на ней. Счастлив поставить вас в известность, что остальные миры вполне цивилизованы. Однако вы так и не ответили насчет женщин.

Дэв снисходительно улыбнулся:

– А что насчет женщин? Они такие же, как и мужчины, если не считать минимальных физических отличий...

– Минимальных? – потрясенно переспросил собеседник.

– И эти минимальные физические отличия не играют существенной роли. На Автоматике-Семнадцать, моей родине, одной из самых прогрессивных планет Лиги Автоматизированных Миров, партнеров для брака подбирает машина, Генный Манипулятор. Я, между прочим, собираюсь жениться, как только вернусь из этой деловой поездки. Жду не дождусь, когда меня познакомят с нареченной, – не сомневаюсь, ее склад ума идеально соответствует моему.

– Я тоже не сомневаюсь, – пробормотал собеседник, изрядно шокированный таким матримонимальным обычаем, и поспешил жестом заказать двойной мартини. – Боюсь, брачные ритуалы моей планеты не очень похожи на ваши.

Дэв очень давно не вел разговоров на столь скользкие темы, да и не испытывал ни малейшего желания вести. Он быстро допил минералку и встал, спеша избавиться от нервующего общества мизарца. Как раз в эту секунду шелкнул корабельный динамик, и старший бортпроводник объявил:

– К пассажирам, прибывающим на Сильвейн, просьба переместиться в выходной шлюз. Стоянка корабля шестьдесят секунд.

– Это мне. – Толстяк встал, одним махом опустошил бокал и вперевалку двинулся к выходу.

В коридоре Дэв оказался одновременно с мизарцем и ступил на круглую плиту выходного шлюза как раз в тот момент, когда попугачик совал билет в считывающее устройство. Машина пискнула и зажгла на панели текст: «Приготовиться к высадке». В тот же миг плита сдвинулась, к ногам толстяка выкатился его багаж.

Мизарец повернулся к Дэву и протянул руку.

– Интересно было с вами поговорить, молодой человек. Желаю приятного путешествия. Дэв ответил на рукопожатие и попрощался.

В эту самую секунду случилось короткое замыкание в недрах корабельного механического мозга. Из строя вышла заполненная газом трубка – пустяковая деталь, которую тотчас же заменил робот-ремонтник. Но свое черное дело она сделала, заставив компьютер сказать «два» вместо «один».

Вместо одного пассажира высаживаются двое.

Для Дэва результат этой ошибки был поистине катастрофическим. Из-под ног ушел пол, открылся клапан, обоих засосало в трубу и перенесло по ней на борт шаттла.

На панели полыхнули слова «Высадка завершена», и клапан закрылся наглухо.

– Вольты и вакуум! – завопил перепуганный Дэв. – Что случилось?

– Как я понимаю, вы сошли на Сильвейне, – невозмутимо ответил толстяк, пребывая под успокоительным воздействием шести двойных порций мартини. – А что, разве это не входило в ваши намерения?

– Еще чего! – воскликнул Дэв. – В мои намерения никак не может входить высадка на планете, не состоящей в Лиге Автоматизированных Миров. Я должен вернуться на корабль.

– Это будет трудновато, – посетовал мизарец, – с учетом того, что корабль уже примерно в двух световых годах отсюда.

Роботизированный шаттл совершил посадку, отъехала вбок дверь люка, в шлюз хлынуло теплое солнце. Толстяк забрал свой багаж, кивнул на прощание и вышел.

А Дэв не двигался, будто параличом разбитый, и лишь тарачился на бетонную площадку и окружающие ее зеленые поля. Только что он находился в благословенном уюте корабельного чрева, со всех сторон окруженный нержавеющей сталью, – и вдруг очутился перед лицом варварского мира, где даже не контролируется погода, где растениям позволяют вегетировать на голой земле. Какая гадость! Надо вырваться отсюда, попасть обратно на корабль, убраться с этой планеты!

Едва он ступил на трап, кто-то спросил нежным музыкальным голосом:

– Вы разрешите взглянуть на ваш билет?

Дэв повернулся к девушке в синем – и вынужден был привалиться к корабельному борту, разом и побледнев, и вспотев. Она была из аэродромного персонала: аккуратная форма, полусапожки на высоком каблуке, фуражка и планшетка. Вот только вырез спереди был глубоковат – да что говорить, он был просто огромен! А в нем едва не лопалась от натяжения тонкая горизонтальная полоска ткани.

– Пожалуйста, билет, – повторила девушка и тут заметила, к чему приковано внимание сошедшего пассажира.

Она улыбнулась и изящно подбоченилась.

– Нет у меня билета, – прохрипел он. – На вашу дикую планету я ссажен незаконным решением плохо сконструированного механизма. Требую отправить меня на ближайший по расписанию корабль.

Говоря все это, он заставлял себя думать о знакомых, правильных вещах. О своей лаборатории с любимым иконоскопом и верным компьютером. Вот только трубки в этом компьютере меняли форму и цвет, округлялись...

– Ближайший по расписанию корабль, – вторгся в его раздумья ласковый голос, – придет ровно через шесть недель.

– Шесть недель! – в ужасе возопил Дэв.

– Что это вы моего юного друга обижаете? – сказал кто-то чуть ли не в самое ухо. – Могу я чем-нибудь помочь?

Толстяк с корабля. Всклипнув от радости, Дэв потащил его за собой за выпуклый бок шаттла, подальше от девичьих глаз.

– Вызовите полицию, – мрачно потребовал молодой человек, – если она вообще имеется на этой планете. Та женщина... Ее надо... Такой наряд...

Ему никак не удавалось облечь свое возмущение в словесную форму.

Толстяк сочувственно кивнул, а затем дал понять, что ситуация ему ясна, достав из кармана серебряную фляжку.

– Глотните, – предложил он. – Отлично успокаивает нервы.

Дэв поколебался, но все-таки решился и хватанул от души. Толстяк отвел его, мучительно кашляющего, в тени под кормой, усадил и сел рядом. Пока юноша вытирал слезы, мизарец хлебнул сам. А затем объяснил:

– Прежде всего вам необходимо уяснить, что Вселенная очень и очень велика. Некоторые планеты, вроде вашей Лиги Автоматизированных Миров, предельно индустриализованы, у других, таких как эта Сильвейн, экономика преимущественно аграрная. Разные планеты по-разному влияют на нравы.

– Вы хотите сказать, что эта девушка... – Дэву никак не удавалось подобрать подходящие слова. – Что она ничего такого не делает? Даже не помышляет... ну, это самое...

– Нарушать закон? Да ни в коем случае. Полагаю, вас смущает ее манера одеваться?

Дэв торопливо закивал.

– Это местный обычай, мой мальчик, просто местный обычай. На теплой планете избыток одежды причиняет неудобства. А если к этому добавить весьма нестандартную демографическую ситуацию...

– В чем же ее нестандартность? – насторожился Дэв.

Толстяк улыбнулся, приложился к фляжке и улыбнулся еще раз.

– Здешняя демография самая уникальная во всей Галактике. Не могу сказать, в чем причина, в огромных залежах радиоактивных руд или еще в чем, феномен пока не изучен, но результат налицо, и этот результат – чудовищный дисбаланс в рождаемости мальчиков и девочек. Примерно один на тысячу.

– Ого! – У Дэва глаза полезли на лоб. – Ведь это означает...

– Совершенно верно, это означает тысячу женщин на каждого мужчину. Поэтому вы поймете, отчего здесь несколько лет назад произвела такой фурор демонстрация стилей «Минойский модерн». Ведь это не только красиво, но и практично, когда спереди тело почти не прикрыто...

– Практично! – возмущенно засверкал глазами Дэв. – Нет уж, увольте! С меня достаточно. Трудно было поверить, что целая планета способна погрязнуть в разврате, но вы убедили. Может, вы знаете, где тут приличная гостиница? Если подскажете адрес, буду премного обязан. Меня устроит тихое уединенное место, где можно отсидеться до прибытия корабля.

– С этим, мой мальчик, никаких проблем. – Толстяк щелкнул пальцами пролетающему робокopterу. – Рекомендую мой отель, он считается лучшим.

Пока стрекочущая машина несла их к ближайшему городу, Дэв достаточно успокоился, чтобы задать спутнику еще один вопрос:

– Похоже, вы здесь успели неплохо освоиться. Можно поинтересоваться, что за дела привели вас на Сильвейн?

– Никаких дел, только погоня за удовольствиями. Я десять лет копил деньги, чтобы тут побывать.

Получив такой ответ, Дэв до конца пути присидел молчком в уголке салона.

Больше недели он провел в номере, изнемогая от скуки. Технических книг в библиотеке было раз-два и обчелся, да и те безнадежно устаревшие. Питаться приходилось свежими, слишком натуральными продуктами – по счастью, через два дня он обнаружил магазин для космических кораблей и запаса концентрированными рационами на весь срок своего пребывания, присовокупив к ним пять огромных бутылей дистиллированной воды. Благодаря этим приобретениям Дэв чувствовал себя в цивилизованной среде почти как дома.

Все утро восьмого дня он просидел за визифоном и под конец узнал, что в библиотеку поступила новая книга. Заказал ее, но в номер она не прибыла из-за сбоя в работе гостиничного трубопровода доставки. Шесть часов кряду молодой человек ждал и решал в уме уравнения, однако трубопровод упорно не проявлял признаков жизни – его как будто даже не пытались отремонтировать. Наконец у Дэва лопнуло терпение, он порывисто вышел из номера, скоростным лифтом спустился в подвальную мастерскую и заколотил в дверь трубопроводной секции.

Слесарем, естественно, оказалась женщина, она скучаяще глядела на беспорядочно разбросанные по полу грязные детали сортировочного узла. Эта особа, как сразу отметил Дэв, была относительно прилично одета – в спецовку из не слишком прозрачного пластика.

– Что сломалось-то? – спросил он.

Ремонтница плавно повернулась и откинула с лица золотые пряди.

– Привет, красавчик, – сказала она. – Ты с какой счастливой звезды ко мне свалился?

Дэв густо покраснел и не ответил на дерзкий вопрос.

– Где тут у вас термокубукатор? – спросил он. – В отказах такой старой техники обычно виноват он.

– Гм... может, вон там, в углу? Я Эдель, а тебя как зовут?

Он опять сделал вид, будто не замечает заигрываний, и зарылся в детали. Вот и искомый термокубукатор – так и есть, сломался. Ничего, можно быстренько восстановить с помощью куска проволоки. Когда Дэв выпрямлялся, Эдель уже стояла сзади, совсем рядом; она щекотно дунула ему в шею.

– Ладно, не хочешь говорить, не надо. Буду звать тебя Красавчиком.

Прежде чем он успел повернуться, женщина куснула его острыми зубками за ухо.

– Извини, не смогла удержаться.

Дэв в панике отпрянул, споткнулся о какую-то железку.

– Вот, починил, – хрипло выговорил он и судорожным глотком привел голос в норму. – Блекайзер совсем развалился...

– Отлично, но давай оставим в покое это старье и побеседуем о нас с тобой. Чем ты занимаешься сегодня вечером?

Дэв оглушительно хлопнул дверью мастерской и убежал к себе в номер.

Отчего-то у него сильно поднялась температура, но долгое стояние под холодным душем возымело благотворный эффект. После обеда он пододвинул кресло к лампе для чтения и уселся в него с таблицами логарифмов и большим стаканом воды.

Но тут в дверь постучали.

Он замер, притворившись, будто не услышал. Стук повторился, на сей раз он был настойчив, – придется отвечать. Крайне осторожно Дэв приотворил дверь на ширину пальца, но тут сработал убогий механизм и распахнул ее настежь. Молодой человек мог лишь стоять в полнейшем ступоре, пока грациозная блондинка в облегчающем коротком платье цвета бронзовый

металлик, юркнувшая мимо него в комнату, шла к кровати и усаживалась на ее уголок. У платья были длинные рукава, но на груди возмутительно недоставало ткани.

– Красавчик, очнись и дверь закрой, – велела она. – А то сам на мебель смахиваешь.

От этих слов у него в голове включилось реле памяти, и лицо девушки обрело четкие черты. Златовласая ремонтница из мастерской.

– Зачем вы здесь? И как меня нашли?

– Найти было нетрудно, – ответила с улыбкой Эдель. – Ты же тот самый затворник, чья тайна взбудоражила весь Сильвейн. Каждому известно, что ты прячешься в этой гостинице, но никто тебя в глаза не видел. Администрация удвоила штат охраны, чтобы обеспечить тебе приватность, ты хоть знаешь об этом?

– Охрана удвоена?.. – растерянно пробормотал он. – Но как же вам удалось сюда проникнуть?

Прежде чем ответить, девушка впустила себе рукой волосы, и это движение, вкуче с видом всех остальных деталей ее анатомии, заставило Дэва на секунду закрыть глаза.

– Как работница отеля, я вхожу в любые его помещения. Сегодня ты был со мной чрезвычайно любезен, вот я и сочла, что долг красен платежом. Хочу вытащить тебя отсюда и показать город. Неужели и правда собираешься улететь, так ничего и не увидев?

Предложение до того огорошило Дэва, что ему пришлось выпить целый стакан воды, прежде чем сказать «нет».

– Ладно, я не против, – как ни в чем не бывало уступила Эдель, – нам и здесь будет очень неплохо.

Дэв теперь мало-мальски понимал, какие порядки царят на этой планете. Решение было принято мгновенно. Он распахнул дверь и выразил – пожалуй, слишком громко – желание прогуляться.

Через час он уже почти привык и к своей компаньонке, и к другим женщинам, которыми полнились улицы. Конечно, нельзя было смириться с преобладавшими здесь стилями одежды, но молодой человек научился не обращать внимания на вездесущую наготу. А иначе ему бы несдобровать!

Они облетели город на робокоптере, и Эдель показала разные достопримечательности. Но интереса у Дэва они не вызвали – да и что может быть интересного в первобытной сельской глуши?

Потом отправились в подземный бар, который Эдель отрекомендовала как лучший в городе ночной клуб. Из кабинки с мягкой обивкой посмотрели шоу, и Дэв лишний раз подивился тому, как низко способен пасть человек. Хотя остальные посетители, судя по их радостным возгласам, ничуть не разделяли его скептицизма.

Звездой программы было выступление танцевальной группы – сплошь женщины, хотя самая высокая в мужской одежде. Они кружились то вместе, то порознь, а дикарская музыка все наращивала темп. Под конец Дэв уже и смотреть не мог на это непотребство. Он досуха опорожнил бокал, поставленный перед ним официанткой, а когда погасли огни, только его аплодисментов недоставало в разразившейся буре восторга.

И хотя ночной клуб был переполнен, в нем, кроме Дэва, присутствовали только двое мужчин. На физиономии тощего сгорбленного старика застыла блаженная улыбка. За столиком у второго сидели пять жизнерадостных девиц, все хохотали над его остротами и поочередно оказывали ему знаки внимания. В этом втором Дэв сразу узнал своего попутчика, упитанного мизарца.

Впрочем, упитанным он уже не был. Одежда висела на нем, как на вешалке, под глазами залегли фиолетовые круги. Однако в поведении не угадывалось никаких признаков хворобы или хотя бы усталости, мизарец смеялся от души и всюду перешучивался с облепившими его красотками. Заметив, что за ним наблюдает Дэв, он поднял бокал.

Но тут же его загородила фигура героически сложенной, легко одетой, обольстительно улыбающейся рыжеволосой дивы.

– Сладенький, –дохнули ее алые губы, – я отродясь не видала такого симпатяшки. Почему бы нам с тобой...

Вопрос остался незаконченным – Эдель взвилась с яростью и грацией тигрицы. Получив меткий удар кулаком по носу, рыжая взвизгнула и повалилась на соседний стол, сидевшие за ним женщины с возмущенными воплями вскочили на ноги. Рыжая медленно встала, одной рукой растирая по губам кровь, другой хватая бутылку и замахиваясь на Эдель.

Удар не достиг цели. Подскочила крепко сбитая вышибала, перехватила руку, заломила отработанным борцовским приемом, а затем повела буянку к выходу.

Но та вернулась, не успела официантка поставить опрокинутый стол. Рыжая шла прямо к Дэву, ее лицо, будто из гранита вырубленное, пересекала ухмылка.

– Берегись, эти шлюшки не доведут до добра. Когда с тебя сойдет глянец, позови старушку Беле. На нашей планете ни одна сучка и десяти секунд против меня не продержится.

Она метнула в Эдель ледяной взгляд и была такова. Дэв судорожно замахал официантке, чтобы принесла счет.

В последующие недели он еще не раз покидал гостиницу вместе с Эделью. Они обошли городскую систему водоснабжения, наведались на электростанцию, посетили Музей науки. Там, в Электронном зале, девушка набралась смелости и произнесла:

– Дэв, скажи, я тебе хоть чуточку нравлюсь?

Из-за рева могучего генератора зажигания он не сразу понял вопрос. А потом улыбнулся.

– Эдель, конечно, нравишься. Ты очень неплохой слесарь для самоучки.

– Да не об этом речь, – насупилась она. – Я кажусь тебе привлекательной или нет?

С этими словами Эдель подалась вперед, большие синие глаза близко-близко, от длинных волос исходит слабый аромат. Все это почему-то здорово взволновало Дэва.

– Да... кажешься. Ты гораздо красивее большинства девушек, и ты очень добрая. Но на свете есть вещи куда поважнее, и это необходимо понимать. К примеру, я даже не представляю себе, как выглядит твоя генетическая карта. А еще пи-Аш-фактор...

Пока он говорил, Эдель подступила еще ближе, и вот ее волосы нежно коснулись его щеки. Веки у нее были полуопущены, влажные губы разомкнуты. Она заговорила так тихо, что Дэву едва удавалось разбирать слова.

– Но разве нет других вещей, которые еще важнее, чем гены... чем пи-Аш-фактор?

Тут их губы соприкоснулись, и нервный импульс, вызванный этим контактом, парализовал Дэва, но одновременно и вознес его на небеса, подвесил в космическом пространстве. Пришлось собрать жалкие остатки сил, чтобы оттолкнуть стройную девичью фигурку.

Но то, что он пытался сказать, никак не желало облекаться в слова. Поэтому он просто сбежал от ее нежных губ, вырвался из этой мягкой, но беспощадной ловушки, способной пленить мужчину навсегда.

Потом он не выходил из номера и не отвечал на звонки. За все эти дни у него побывал только один посетитель, тот самый толстяк. Дэв долго не отвечал на стук в дверь, но наконец открыл и услышал знакомый голос. Мизарец прошаркал в комнату и обессиленно плюхнулся в глубокое кресло.

Слово «толстяк» к нему теперь нисколько не подходило, перед Дэвом сидел трясущийся доходяга с ввалившимися глазами. Тем не менее его лицо не покидала счастливая улыбка.

– Вы что, больны? – спросил молодой человек. – Я могу чем-нибудь помочь?

– Не волнуйтесь, мой мальчик, – вяло отмахнулся гость. – Я вполне здоров. Если на то пошло, здоровее, чем сейчас, я еще никогда не был. А к вам просто зашел попрощаться. Вы-то вроде еще на неделю остаетесь?

– Да, через неделю придет корабль, и я обязательно улечу на нем.

Собственные слова почему-то вызвали у Дэва странную тоску. И это вместо закономерной радости по поводу скорейшего возвращения домой!

Отощавший мизарец какое-то время провел у Дэва за разговором о пустяках, потом глянул на часы.

– Мне пора, – сказал он, вставая. – Не хотелось бы опоздать на свидание.

Они обменялись последними рукопожатиями, и худой медленно зашаркал прочь. Дэв не желал думать о нем, поэтому, чтобы отвлечься, заказал еду в номер, хотя для обеда было рановато. Надо бы пожаловаться обслуге на вчерашний пережаренный стейк, ему-то по вкусу, наоборот, недожаренный. Через несколько минут по трубе прибыла пища – надо признать, на этот раз приготовленная гораздо лучше. Когда Дэв ел, его взгляд упал на скопившуюся в углу пыльную грудку рационов для спасательных шлюпок; пришлось еще и бороться с угрызениями совести.

– Да не стал бы я есть туземное, – сказал он себе вслух, – если бы в этих концентратах и впрямь содержалось все необходимое для нормальной жизнедеятельности. Слишком многих важных элементов недостает. Вот вернусь домой, буду питаться качественной синтетикой, а до тех пор придется потерпеть. И пишемания тут совершенно ни при чем. Питъефилия тоже, – добавил он, осушив бутылку холодного пива.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.